

А. Н. БОНДАРЬ

**СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ
И РАВНОПРАВИЕ СТОРОН
В ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
СООТНОШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННЫХ
И ОТРАСЛЕВЫХ НАЧАЛ**

М О Н О Г Р А Ф И Я

ПРОФ
пресс

РОСТОВ-НА-ДОНУ — 2017

УДК 84.342
ББК 67.400 (405)
Б81

Б 81 **Бондарь А. Н.** Состязательность и равноправие сторон в гражданском судопроизводстве: соотношение конституционных и отраслевых начал: Монография. — Ростов-на-Дону: Профпресс, 2017. — 203 с.

ISBN 978-5-905468-88-9

УДК 84.342
ББК 67.400 (405)

На основе системного анализа Конституции РФ, процессуально-отраслевого законодательства в области гражданского судопроизводства, анализа судебной практики в монографии получила обоснование конституционная концепция состязательности и равноправия сторон, исследована юридическая природа данного принципа с точки зрения сочетания конституционных и процессуально-отраслевых начал. Выявлены особенности закрепления принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве, обоснована необходимость унификации его материальных и процессуальных начал в соответствии с требованиями единства гражданского судопроизводства. Раскрыт механизм реализации данного конституционного принципа в гражданском судопроизводстве на основе анализа судебной практики.

Для читателей, интересующихся проблемами теории и практики правосудия, включая студентов юридических вузов, судей, адвокатов, работников правоохранительных, других правоприменительных органов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ДОКУМЕНТЫ ИЗ ПРОШЛОГО КАК ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ... ..	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	51
ГЛАВА I. КОНЦЕПЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РАВНОПРАВИА В СООТНОШЕНИИ С ПРИНЦИПОМ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН СУДОПРОИЗВОДСТВА	57
1.1. Равноправие — универсальная конституционная характеристика правового статуса субъектов права	57
1.2. Состязательность и равноправие сторон: юридическая природа как единого или двух самостоятельных принципов?	73
ГЛАВА II. СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И РАВНОПРАВИЕ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ	100
2.1. Гражданский и арбитражный процесс как сфера реализации состязательности и равноправия сторон: общее и особенное	100
2.2. Состязательность и равноправие в соотношении с методом правового регулирования гражданских судопроизводственных отношений	113
2.3. Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон в исторической ретроспективе и развитии	125
ГЛАВА III. ОТ ДОКТРИНЫ — К ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВОСУДИИ	126
3.1. Реализация состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессе: пределы унификации и дифференциации	127
3.2. Судебный активизм и его пределы в состязательном процессе гражданского судопроизводства	160
3.3. Квалифицированная юридическая помощь как гарантия состязательности и равноправия сторон	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	198

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ДОКУМЕНТЫ ИЗ ПРОШЛОГО КАК ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ...

Вхождение практического работника в науку, как и сам характер взаимоотношений науки и практики (в данном случае — юридической), имеют различные параметры измерения. Об этом приходится сказать несколько вводных слов не в порядке «самооправдания», а как определенное пояснение, в том числе для тех читателей, которые, возможно, знают автора настоящей работы больше как практического работника, а не теоретика.

Действительно, для автора настоящей публикации занятие наукой никогда не было приоритетом в профессиональной деятельности. Тем не менее, еще на заре профессиональной судейской деятельности, по свежим следам после завершения учебы в Ростовском государственном университете защитил в своей Alma Mater кандидатскую диссертацию¹ по теме, с которой не расставался на протяжении всего последующего периода своей профессиональной деятельности судьи.

---

¹ См.: Бондарь А. Н. Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон: особенности его реализации в гражданском судопроизводстве: Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.

Вероятно, нет необходимости в специальных, многословных объяснениях того обстоятельства, что вся профессиональная судебная деятельность не может быть не связана самым непосредственным образом с принципом состязательности и равноправия сторон как основополагающим конституционным началом гражданского процесса. Поэтому посчитал возможным в порядке не только ностальгии по тем временам, когда пришлось защищать диссертацию, но и с учетом накопленного профессионального опыта подготовить настоящую публикацию, научно-теоретическую основу которой составила сама диссертация.

Что же касается воспоминаний о прошлом, то лучше всего они могут быть представлены материалами, сегодня имеющими документальное значение. Это, прежде всего, стенограмма заседания диссертационного совета по защите диссертации. Убежден, этот документ представляет научный, а по состоянию на сегодняшний день в какой-то степени уже и исторический интерес с учетом того, что защита диссертации, посвященной конституционному принципу состязательности и равноправия сторон, проходила с очным, реальным или заочным участием (в качестве оппонентов, авторов отзывов на автореферат, членов диссертационного совета) видных ученых различных направлений юридической науки, многие из которых были в том числе моими преподавателями; это теоретики, конституционалисты (профессора Авакьян С. А., Баранов П. П., Витрук Н. В., Кокотов А. Н., Лебедев В. А., Лучин В. О., Невинский В. В., доценты на тот период, а сегодня тоже профессора Любашиц В. Я., Краковский К. П.), цивилисты (профессора Гаджиев Г. А., Лапач В. А., Лукьянцев А. А.), процессуалисты уголовного (профессор Ляхов Ю. А.), административного (профессор Чепурнова Н.М) профиля и др.

В этом документе, как представляется, вполне достаточно той объективной (большей частью — не от имени автора настоящей публикации) информации, которая может заменить ту часть монографической работы, которую принято именовать введением. Более того, данный материал вполне может восприниматься не только в прошедшем времени, как воспоминание о состоявшемся событии (в данном случае — защите диссертации), но и как воспоминание... о будущем, ориентир для дальнейших научных исследований данной проблемы. Речь идет о том, что многие идеи, предложения, замечания и даже... вопросы, адресованные соискателю, содержат

как об этом свидетельствует стенограмма, весьма актуальные, порой неожиданные проблемы гражданского правосудия, представляющие несомненный интерес и сегодня. Одновременно материалы заседания диссертационного совета достаточно ярко отражают, как представляется, острую дискуссию, которая состоялась в процессе обсуждения, сохраняющуюся и на сегодняшний день проблемность, относящуюся как к теории, так и практике реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве.

Что же касается второй, основной части настоящей публикации, то автор, естественно, не мог не учитывать все то новое, что связано, прежде всего, с развитием конституционного, гражданско-процессуального, арбитражного законодательства, с изменениями в судебной системе, касающимися, в частности, объединения Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ и созданием единой системы судов общей и арбитражной юстиций. Однако, в научно-теоретическом плане посчитал возможным сохранить логику (структуру) и концептуальную основу диссертационного исследования проблем реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве.

*У истоков карьеры: Кировский
районный суд г. Ростова-на-Дону*

*Этапы
профессионального
пути*

*Alma Mater —
юридический факультет
Ростовского
государственного
университета
(г. Ростов-на-Дону,
ул. Горького, 88)*

*Здание Ростовского
областного суда*

*А. Н. Бондарь.
При исполнении...*

*Торжественный
момент: вру-
чение именной
удостоверения
заместителя
Председателя
Арбитражного
суда г. Москвы в
Администрации
Президента РФ*

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ...

выдержки из стенограммы заседания диссертационного совета К 212.208.03 по юридическим наукам в ГОУ ВПО «Ростовский государственный университет» (утвержден приказом ВАК Минобразования России от 12 января 2001 года № 11-в, с изменениями, от 16 июня 2006 года № 25/52 (приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки) по защите диссертации А. Н. Бондаря «Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон: особенности его реализации в гражданском судопроизводстве» на соискание ученой степени кандидата юридических наук (протокол № 47 от 01.07.2006 г.).

На заседании диссертационного совета из 16 членов присутствовали 16 человек: Бондарь Н. С. — председатель диссертационного совета, д. ю. н., проф., 12. 00. 02; Иванников И. А. — заместитель председателя диссертационного совета, д. ю. н., проф., 12. 00. 02; Овсепян Ж. И. — заместитель председателя диссертационного совета, д. ю. н., проф., 12. 00. 02; Краковский К. П. — ученый секретарь диссертационного совета, к. ю. н., доц., 12. 00. 02; Акопова Е. М. — д. ю. н., проф., 12. 00. 02; Вильямский В. С. — д. э. н., проф., 12. 00. 02; Вишневская И. С. — к. ю. н., проф., 12. 00. 02; Волова Л. И. — д. ю. н., проф., 12. 00. 02; Гайков В. Т. — к. ю. н., проф., 12. 00. 02; Коркмасова К. Д. — д. ю. н., проф., 12. 00. 02; Кузнеченкова В. Е. — д. ю. н., доц., 12. 00. 02; Лапач В. А. — д. ю. н., проф., 12. 00. 02; Лукьянцев В. А. — д. ю. н., проф., 12. 00. 02; Любашиц В. Я. — д. ю. н., доц., 12. 00. 02; Ляхов Ю. А. — д. ю. н., проф., 12. 00. 02; Чепурнова Н. М. — д. ю. н., доц., 12. 00. 02 (13 докторов наук по профилю рассматриваемой диссертации).

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор кафедры государственного (конституционного) права ГОУ ВПО

«Ростовский государственный университет» В. А. Ржевский (умер 29 сентября 2005 г.); научный консультант — доктор юридических наук, профессор, начальник Ростовского юридического института МВД России, Академик РАЕН, Заслуженный деятель науки РФ П. П. Баранов.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и международного права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», Заслуженный деятель науки РФ В. Т. Кабышев; кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного (конституционного) права ГОУ ВПО «Ростовский государственный университет» А. В. Киселева.

Ведущая организация — ГОУ ВПО «Российская академия правосудия». О работе имеется положительное заключение кафедры муниципального права и управления ГОУ ВПО «Ростовский государственный университет» (протокол № 8 от 26 апреля 2006 г).

Ученый секретарь, к. ю.н., доц. Краковский К. П.: Уважаемые члены диссертационного совета, присутствующие! В наш совет поступили заявление и документы от Бондаря Андрея Николаевича. Из них следует, что Бондарь Андрей Николаевич, в 1989 году поступил и в 1994 году с отличием окончил Ростовский государственный университет, юридический факультет, специальность — правоведение.

С июня 1992 года по апрель 1994 года работал юрисконсультom ТОО страховой компании «ФОБОС», с мая 1994 года по ноябрь 1995 года юрист ТОО коммерческого инновационного банка «Курс», с ноября 1995 по май 1996 года ведущий специалист юридического отдела филиала АКБ «Московский банк реконструкции и развития» в г. Ростове-на-Дону, с мая 1996 года по апрель 1999 года начальник юридического отдела филиала АКБ «Московский банк реконструкции и развития» в г. Ростове-на-Дону, с апреля 1999 года по август 2003 года судья Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону, с августа 2003 года по декабрь 2005 года судья Ростовского областного суда, с декабря 2005 года по настоящее время заместитель Председателя Арбитражного суда г. Москвы.

Диссертационная работа выполнена в ГОУ ВПО «Ростовский государственный университет». В деле имеется положительное заключение кафедры муниципального права и управления ГОУ ВПО «Ро-

стовский государственный университет» (протокол № 8 от 26 апреля 2006 г), соискателем которой А. Н. являлся с 2001 года.

Кандидатские экзамены сданы: английский язык с оценкой «отлично», философия с оценкой «отлично», специальность с оценкой — «отлично» в Ростовском госуниверситете. Имеет пять опубликованных работ. Все документы, необходимые для защиты диссертации, в аттестационном деле Бондаря Андрея Николаевича имеются и оформлены согласно Положению о порядке присуждения ученых степеней.

Председательствующий д. ю. н, проф. Ж. И. Овсепян: Слово для изложения основных положений диссертационного исследования предоставляется соискателю Бондарю Андрею Николаевичу.

Соискатель Бондарь А. Н.: Уважаемый председательствующий! Члены диссертационного совета и присутствующие! Вашему вниманию представляется диссертационное исследование, посвященное анализу юридической природы конституционного принципа состязательности и равноправия сторон и на этой основе — исследованию особенностей реализации данного принципа в гражданском судопроизводстве.

В рамках краткого *обоснования актуальности данной темы*, а также определения *основных проблем диссертационного исследования*, представляется необходимым прежде всего ответить, по крайней мере, на два вопроса: *во-первых*, почему в ряду других конституционных принципов судопроизводства в качестве объекта диссертационного исследования был избран принцип состязательности и равноправия сторон, какие аргументы научно-теоретического и практического характера могут быть высказаны в пользу такого выбора? *Во-вторых*, чем объясняется предложенный подход к проблеме реализации данного принципа в рамках не всех, а одной из форм судопроизводства — гражданского?

В этом плане вряд ли есть необходимость в детальном обосновании того очевидного факта, что конституционный принцип состязательности и равноправия сторон, закрепленный в ст. 123 Конституции РФ, занимает, пожалуй, *центральное место в системе обеспечения справедливого правосудия*. Он имеет *универсальное* нормативное значение для реализации функций судебной власти по обеспечению равной для всех защиты прав, свобод и законных

интересов на основе строгого сохранения независимости, объективности, беспристрастности суда.

В этой связи уместно отметить, что, пожалуй, не менее половины случаев отмены вышестоящими судебными инстанциями судебных решений по так называемым процессуальным основаниям связаны в конечном итоге с нарушением принципа состязательности и равноправия сторон. Соответственно, решение многих задач судебной реформы в той или иной мере связано с проблемами реализации конституционных требований осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, с последовательным утверждением в Российской Федерации *состязательного типа судопроизводства*.

Говоря же о степени научной разработанности данных проблем, следует признать, что принцип состязательности и равноправия сторон до недавнего времени *исследовался, в основном, с позиций отраслевых процессуальных дисциплин*. Однако после его прямого закрепления в Конституции РФ 1993 г. (ст. 123) на основе широкого концептуального подхода к режиму конституционного равноправия (ст. 19) исследование нормативного содержания данного принципа с точки зрения только процессуально-отраслевых аспектов стало явно недостаточным, что в свою очередь сказалось и на эффективности уровня правового регулирования соответствующих отношений в отраслевом законодательстве. Поэтому обращение к анализу конституционной природы принципа состязательности и равноправия сторон представляется актуальным как в научно-теоретическом, так и практически-прикладном плане.

Что же касается вопроса о том, почему в качестве сферы реализации данного принципа было избрано гражданское судопроизводство, то здесь также можно отметить несколько моментов.

Прежде всего, *сама природа гражданских судопроизводственных отношений*, являющихся процессуальной формой существования горизонтальных отношений имущественного характера, складывающихся между равноправными, автономными субъектами гражданского права, *предопределяет специфические характеристики принципа состязательности и равноправия сторон в сфере гражданского судопроизводства*. Достаточно отметить, что нормативные требования данного принципа в гражданском судопроизводстве могут рассматриваться не только как *предметные* (материально-

содержательные) характеристики соответствующих отношений, но и как, своего рода, особенности *способов правового воздействия на эти отношения*, т. е. как особенности *метода правового регулирования* гражданских судопроизводственных отношений, чем обеспечивается, в частности, сочетание, гармонизация публично-правовых и частно-правовых начал в гражданском судопроизводстве.

Раскрывая особенности проявления принципа равноправия в гражданском судопроизводстве, связанные, прежде всего, с характером гражданских судопроизводственных отношений и их юридической природой, сочетающей в себе частные и публичные начала, в диссертации предлагается выделить *в структуре гражданских судопроизводственных отношений три основные составляющие*, характеризующие взаимоотношения:

- а) между сторонами в процессе;
- б) между стороной в процессе и судом;
- в) между судами внутри иерархии соответствующей судебной системы в связи с решением конкретного дела.

Соответственно, конституционное требование состязательности и равноправия сторон в данных правоотношениях также проявляется различным образом:

- а) как требование равного процессуального положения сторон;
- б) как требование применения судом равного масштаба к оценке процессуальных действий каждой из сторон;
- в) как требование равной защиты от неправосудного решения суда, включая возможность его отмены и пересмотра.

Но, пожалуй, в наибольшей степени интерес к гражданскому судопроизводству как к сфере реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон был связан для меня с практическими интересами и *моей профессиональной деятельностью* в должности судьи судов общей юрисдикции, а в настоящее время — арбитражного суда. Возможно, даже раньше, чем из научной литературы, на основе личных наблюдений пришлось убедиться, что при наличии достаточно большой общности гражданского и арбитражного процесса в то же время существуют порой весьма существенные различия как в правовом регулировании, так и в правоприменительном истолковании тех или иных норм и институтов гражданского и арбитражного процесса, которые порой

самым непосредственным образом влияют на реализацию требований состязательности и равноправия сторон.

Так, например, в процессе исследования мною сделан вывод, что действующий АПК РФ в своей основе предусматривает более широкие возможности для реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, чем ГПК РФ. В частности, *АПК РФ содержит неизвестное гражданскому процессуальному законодательству понятие «раскрытие доказательств»*, что имеет существенное значение для обеспечения состязательности и равноправия сторон. Это предполагает, что каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания, если иное не установлено Кодексом (ч. 3 ст. 65). Если же доказательства у других заинтересованных лиц отсутствуют, то необходимо не только их раскрыть, но и направить копии, причем заблаговременно (ч. 4 ст. 65, ч. 1 ст. 66, ч. 3 ст. 125, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 277, ч. 3 ст. 313 АПК РФ). Тем самым гарантируется необходимый уровень осведомленности сторон об обстоятельствах дела, позволяющий им эффективно конкурировать в процессе. В свою очередь ГПК РФ закрепляет правовую основу лишь отдельных элементов данного института, которая по существу сводится к обязыванию сторон передать друг другу при подготовке дела к судебному разбирательству копии доказательств, обосновывающие соответственно фактические основания иска и возражения относительно исковых требований (ст. 132, п. 1 ч. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 149 ГПК РФ).

Насколько являются обоснованными эти и другие различия? Способствует ли их наличие решению задач по повышению эффективности судебной защиты прав и свобод граждан в рамках гражданского и арбитражного процесса? И, более того, можно ли вообще рассматривать эти два вида процесса как самостоятельные формы судопроизводства?

По моему мнению, это вопросы, которые имеют прежде всего конституционно-правовую основу своего исследования, и они самым непосредственным образом влияют на реализацию конституционного принципа состязательности и равноправия сторон. Поэтому им было уделено определенное внимание в диссертационном исследовании.

Так, на основе систематического толкования положений Конституции РФ 1993 г. (в первую очередь части 2 ст. 118, а также статей 18, 45, 46, 118) в работе. Сущностно, по своим качественным характеристикам данная форма является единой и целостной, охватывающей как гражданский, так и арбитражный процесс.

Вместе с тем конституционно обусловленное единство гражданского судопроизводства не означает недопустимости установления процессуально-правовых различий в рамках гражданского процесса, с одной стороны, и арбитражного процесса, с другой. Соответствующая возможность относится к дискреции федерального законодателя и является, по моему мнению, по крайней мере, на сегодняшний день вполне оправданной с точки зрения истории развития отечественного гражданского судопроизводства, основанного на сочетании начал универсализации и специализации.

Это в свою очередь предопределяет возможность, а порой и необходимость как *унификации*, так и определенной *дифференциации нормативного содержания состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве*, что актуализирует проблему обеспечения оптимального баланса между этими началами.

При этом отправной точкой для решения соответствующих проблем своего рода методологическим ключом является *конституционная концепция принципа состязательности и равноправия сторон*.

Основные положения и выводы диссертационного исследования заключаются в этом плане в том, что:

– **во-первых**, принцип состязательности и равноправия сторон по своей юридической природе является *проявлением универсального конституционного принципа равенства всех перед законом и судом*. Он находится по отношению к последнему в субординационном положении, что, однако, не исключает самостоятельного значения и собственных уровней реализации *принципа (режима) равноправия*, с одной стороны, и *принципа состязательности и равноправия сторон* — с другой. Такая конституционная обособленность и взаимосвязь названных принципов получает свое отражение, в частности, в их закреплении в разноструктурных частях Конституции РФ — в главе 2 (ст. 19, ч. 2) и в главе 7 (ст. 123, ч. 3);

– в качестве **второго** важного в этом плане вывода, содержащегося в диссертации, хотелось бы назвать положение о том, что *принцип состязательности и равноправия сторон характеризует*

ется единством материальных и процессуальных начал. Нельзя не признать, что данный тезис может восприниматься как дискуссионный, требующий дальнейших обсуждений. Но он, думается, позволяет раскрыть важные характеристики юридической природы исследуемого принципа. При этом важно подчеркнуть, что в авторском понимании, представленном в диссертации, *требования состязательности и равноправия сторон на конституционном уровне проявляются как единый принцип*, хотя его нормативное содержание, юридическая природа является достаточно сложной. В частности, *требования равноправия сторон* воплощают в своей основе *материальные предпосылки* обеспечения равных возможностей для участия сторон в судопроизводстве; *состязательность* же выступает прежде всего формой реализации данных возможностей, своего рода *процессуальным механизмом* достижения целей и разрешения задач судопроизводства. На этом основано нормативное взаимопроникновение состязательности и равноправия сторон: с одной стороны, судопроизводство должно проходить в состязательной форме при равенстве участников; с другой — состязательность по своей природе подразумевает равенство сторон. Поэтому на уровне процессуальной деятельности сущностные характеристики принципа состязательности и равноправия сторон выражаются в том, что состязательность как важнейшая качественная характеристика современного демократического судебного процесса одновременно характеризует и взаимное положение субъектов (сторон), и их процессуальное равенство;

– наконец, **в-третьих**, для понимания юридической природы состязательности и равноправия сторон важное значение имеет выявление особенностей *соотношения конституционных и процессуально-отраслевых начал* при закреплении данного принципа, чему в работе также уделяется достаточно большое внимание. Так, достаточно широкая дискреция законодателя в выборе вариантов законодательного закрепления требований состязательности и равноправия позволяет в процессе отраслевой детализации данного конституционного принципа как бы «расчленить» его на *относительно самостоятельный принцип состязательности*, с одной стороны, и *принцип равноправия сторон* — с другой, как это имеет место в действующем АПК РФ. Однако конституционные начала этих двух отраслевых принципов, повторюсь, едины, они содержат-

ся в статье 123 (ч. 3) Основного закона. Уже поэтому отраслевая конкретизация конституционного принципа состязательности и равноправия сторон не может быть произвольной, она должна быть подчинена Конституции и объективно сложившимся фактическим общественным отношениям по поводу осуществления справедливой судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, а равно иметь в своей основе сформированные на базе такой практики научные подходы к пониманию сути состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве.

Важным представляется также в аспекте реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон получивший анализ в диссертации *вопрос о степени самостоятельности суда в режиме состязательного процесса*. В целях успешного решения задач гражданского судопроизводства и достижения *судебной истины* есть основания для постановки вопроса о возможности совершенствования процессуального законодательства с точки зрения *повышения активности суда* в структуре доказательственной деятельности, призванной оказать содействие сторонам в доказывании на основе соблюдения принципа равноправия сторон.

Анализ законодательной регламентации процессуальных норм и институтов гарантирования реализации принципа состязательности и равноправия сторон на отдельных стадиях гражданского процесса, с одной стороны, и арбитражного процесса, с другой, позволил сделать вывод, что не во всех случаях имеющие место особенности являются обоснованными. Соответствующие различия порой входят в противоречие с требованиями равенства всех перед законом и судом. Имеются очевидные резервы для определенной унификации материальных и процессуальных начал гарантирования конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессе.

Этим же задачам должно соответствовать и усиление единообразия правоприменительной судебной практики, высшим проявлением чего является ее конституционализация, т. е. активное внедрение в судебную практику норм и принципов Конституции, обладающих высшей юридической силой и прямым действием.

Сформулированные в работе выводы и предложения, думается, могут быть использованы также в процессе дальнейшего совершенствования законодательства. Благодарю за внимание.

Председательствующий: Уважаемые члены диссертационного совета, какие будут вопросы к диссертанту?

Лукьянцев А. А.: Вы говорите о принципе состязательности и равноправия сторон применительно к гражданскому судопроизводству, имея в виду гражданский и арбитражный процессы. А не лучше ли было бы объединить все формы судопроизводства, включая даже конституционное, и иметь один судебный процесс, как это имеет место, например, в США?

Бондарь А. Н.: К данному вопросу, думается, можно подойти с двух сторон: во-первых, применительно к теме диссертации это проблема соотношения гражданского и арбитражного процесса. В своей работе я обосновываю с позиций Конституции РФ (прежде всего, ст. 118) единство гражданского судопроизводства и, соответственно, необходимость унификации процессуальных форм его осуществления, т. е. преодоления неоправданных различий между гражданским и арбитражным процессом. В этой части я согласен с уважаемым проф. Лукьянцевым А. А. Однако переходить к единой форме судопроизводства, которая поглотила бы все формы судопроизводства, думается, не только не целесообразно применительно к нашей системе, но это противоречило бы и Конституции РФ, ст. 118 которой закрепляет четыре самостоятельные формы судопроизводства. В каждой из этих форм имеется своя специфика в том числе реализации принципа состязательности и равноправия сторон.

Волова Л. И.: На стр. 3 автореферата диссертации Вы говорите, что принцип состязательности и равноправия сторон распространяется на все виды судопроизводства. Но есть еще и международное судопроизводство. Поэтому некоторые специалисты считают, что этот принцип применим и к международному гражданскому процессу. Каково Ваше мнение?

Бондарь А. Н.: Конституция РФ применительно к нашей национальной судебной системе закрепляет, как уже отмечалось, четыре формы судопроизводства. Что же касается международного гражданского процесса (применительно к международному третейскому суду и т. п.), то данный вопрос необходимо решать с позиций требований ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ. Если будет заключен соответствующий международный договор с участием Российской Федерации, то его нормы будут признаваться составной частью правовой системы РФ. Причем если международным договором

будут установлены иные правила, в том числе состязательности и равноправия сторон, чем предусмотренные национальным законодательством, должны будут применяться правила международного договора.

Любашиц В. Я.: В своей работе Вы обосновываете, что в гражданском судопроизводстве стороны равны. А каким образом должен реализовываться данный принцип в административном процессе?

Бондарь А. Н.: Как общее правило, принцип состязательности и равноправия сторон распространяется, как уже отмечалось, на все формы судопроизводства, включая административное. Однако каждая из форм имеет свою специфику. В частности, в административном судопроизводстве присутствует больше императивно-властных начал, чем диспозитивных (как в гражданском судопроизводстве). Однако это не должно противоречить требованиям равноправия сторон и состязательности процесса. Нельзя однако не отметить, что в настоящее время эта проблема применительно к рассмотрению административных дел до конца не разрешена. Известны давние предложения создать самостоятельную систему административных судов, что наиболее последовательно отражало бы конституционную идею самостоятельного существования (наряду с гражданским судопроизводством) административного судопроизводства. Сейчас же в Кодексе об административных правонарушениях не закрепляется принцип состязательности и равноправия сторон. На практике получается, что в судах общей юрисдикции (применительно к физическим лицам) административные дела рассматриваются по одним правилам, а в арбитражном суде (применительно к индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам) — по другим. Речь идет о том, что ГПК РФ требует применения к физическим лицам в этом случае КоАП РФ, а АПК РФ предполагает необходимость руководствоваться при рассмотрении административных дел правилами гражданского искового производства, что предполагает в т. ч. и действие принципа состязательности и равноправия сторон.

Ляхов Ю. А.: У меня вопрос, состоящий из трех подвопросов. Во-первых, Вы считаете, что принцип состязательности и равноправия сторон получил конституционное закрепление лишь в 1993 г. (Конституция 1993 г.). А раньше разве он не действовал?

Во-вторых, принцип состязательности Вы сводите, как представляется, в основном к равноправию сторон. Однако состязательность распространяется не только на гражданское судопроизводство, но и на уголовное. А в уголовном процессе состязательность не сводится к равноправию. Здесь равноправие — лишь дополнение к состязательности. Поэтому, наверное, требования состязательности не всегда сводятся к равноправию?

В-третьих, Вы утверждаете, что развитие гражданского процессуального законодательства должно идти по пути повышения активности суда. Однако некоторые ученые считают, что это может привести к ограничению состязательности процесса. Как можно преодолеть это противоречие?

Бондарь А. Н.: Это во многом взаимосвязанные подвопросы, хотя каждый из них требует ответа. Во-первых, я исхожу, что Конституция 1993 года действительно впервые закрепила *на высшем правовом уровне* состязательность и равноправие сторон как *самостоятельный принцип судопроизводства* наряду, например, с классическим конституционным требованием равенства перед законом и судом (что закреплено в ч. 1 ст. 19). Но это не означает, что в отраслевом процессуальном законодательстве эти требования не закреплялись и ранее. Например, ГПК РСФСР 1964 г. предусматривал и состязательность, и равноправие. Однако, вероятно, в большей степени это было закрепление требований равноправия. И реализовывались эти требования в смешанном, а не состязательном типе судопроизводства. Состязательность же как конституционный принцип и как тип судопроизводства получили закрепление в Конституции 1993 года.

По второму замечанию: хотя уголовный процесс не входил в предмет моего диссертационного исследования, могу дать пояснения, учитывая, что состязательность и равноправие сторон — конституционный принцип, имеющий универсальное значение. В то же время я согласен (и об этом уже говорил), что принцип состязательности и равноправия имеет свою специфику в различных формах судопроизводства, в том числе в уголовном. Конечно, состязательность не сводится к равноправию, причем не только в уголовном, но и в гражданском судопроизводстве. Однако и там и там требования равноправия сторон обязательно присутствуют. Тот факт, что состязательность в уголовном процессе проявляется специфично —

как запрет возлагать на суд не свойственные ему функции обвинения — о чем говорил уважаемый проф. Ляхов Ю. А. — не означает, что состязательность в уголовном процессе исключает равноправие сторон. Ведь речь идет о процессуальном равноправии как равенстве возможностей стороны обвинения и стороны защиты в судебном процессе. В этом смысле равноправие, в моем понимании, не просто дополнение к состязательности. Состязательность есть процессуальная форма реализации равноправия сторон. Например, не только сторона обвинения, но и сторона защиты имеет право участвовать в сборе доказательств, на всех стадиях уголовного процесса есть возможность пользоваться квалифицированной юридической помощью и т. д., что призвано обеспечивать режим равноправия сторон в условиях состязательности уголовного процесса.

В-третьих, я согласен, что по проблеме активности суда имеются различные мнения как практиков, так и ученых. Действительно, активность суда при определенных условиях может привести к умалению, нарушению состязательности судопроизводства (что имело место, например, в советский период). Поэтому в своей диссертационной работе я исхожу из необходимости достижения баланса между активностью суда, с одной стороны, и состязательностью судопроизводства — с другой. Как практик, могу заметить, что, например, без активного участия суда в определении предмета доказывания практически невозможна эффективная реализация сторонами своих прав в режиме состязательности. Поэтому в моем понимании необходима такая активность суда и в тех направлениях, когда это способствовало бы, а не препятствовало реализации принципа состязательности и равноправия сторон.

Лапач В. А.: Известно, что принцип состязательности и равноправия формулируется в процессуальном законодательстве применительно к сторонам гражданского и арбитражного процесса. Однако не следует забывать, что есть и такая категория лиц, участвующих в деле, как третьи лица. В связи с этим возникает проблема их равноправия в судебном процессе, уравниены ли они в правах со сторонами?

Бондарь А. Н.: Я согласен, что проблема равноправия третьих лиц как участников судебного процесса реально существует. И ГПК, и АПК РФ этот вопрос решают неудачно. Они фактически просто умалчивают о третьих лицах применительно к принципу равнопра-

вия сторон. Конечно, можно расширительно толковать само понятие «сторона», имея в виду что оно (это понятие) в данном случае включает и третьих лиц. Но такое толкование будет справедливым применительно к ст. 123 Конституции РФ. Конституционное понятие «сторона» нельзя понимать узко-процессуально, это в том числе и третьи лица. Но в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве (требования которого толкуются буквально, аутентично, а не расширительно) должно иметь место прямое указание на то, что равноправие распространяется на стороны процесса и лиц, участвующих в деле, включая третьих лиц.

Краковский К. П.: Россию зачастую обвиняют в том, что у нас нет традиций демократии, в том числе в судебной системе. Насколько справедливы эти обвинения? Есть ли в истории нашей правовой культуры примеры состязательности судебного процесса и равноправия сторон? Или все это — результат заимствования западного опыта?

Бондарь А. Н.: В диссертации имеется самостоятельный параграф, посвященный истории становления и развития в России состязательности и равноправия сторон как конституционного принципа. Это был достаточно длительный, в своей основе поступательный процесс. Так, уже «Русская правда» закрепляла элементы состязательности, когда, например, судебный процесс мог начаться только после подачи заявления. При этом суд выполнял пассивную роль арбитра. В последующем, с усилением, централизацией государственной власти повышалась, усиливалась и роль суда, что нашло отражение уже в Соборном Уложении и в особенности в период петровских реформ; соответственно, складывался инквизиционный процесс. Судебная реформа XIX века знаменовала усиление начал состязательности и переход к смешанному судебному процессу, который с различными модификациями сохранялся в своей основе вплоть до конца 80-х годов XX века. Поэтому есть все основания исходить из того, что Россия имеет свой собственный опыт, свою историю формирования и развития демократических принципов судопроизводства, включая принцип состязательности и равноправия сторон.

Председательствующий: Слово предоставляется доктору юридических наук, профессору, начальнику Ростовского юридического института МВД России, Академику РАЕН, Заслуженному деятелю науки РФ Павлу Петровичу Баранову.

Профессор Баранов П. П.: Уважаемые коллеги! Как научный консультант, хочу несколько слов сказать о личности диссертанта. Андрей Николаевич Бондарь — выпускник Ростовского государственного университета, в 1994 г. с отличием закончил юридический факультет РГУ. В 1998 г. он стал соискателем юридического факультета РГУ по специальности 12. 00. 02. — конституционное и муниципальное право под научным руководством известного ученого доктора юридических наук профессора В. А. Ржевского. В дальнейшем, в связи с кончиной профессора В. А. Ржевского, Андрей Николаевич обратился ко мне с просьбой стать научным консультантом на завершающем этапе подготовки диссертации. Эта просьба была обусловлена, как я понимаю, не только принадлежностью к научной школе профессора В. А. Ржевского, у которого я также учился, но и тем, что А. Н. Бондарь и ранее, в период тяжелой болезни В. А. Ржевского, обращался ко мне по отдельным вопросам работы над диссертацией.

Подготовку диссертации Андрей Николаевич сочетал с практической деятельностью в качестве судьи — вначале Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону, затем — члена Ростовского областного суда, а с ноября 2005 года — заместителя председателя Арбитражного суда г. Москвы. Обращает на себя внимание, что А. Н. Бондарь на протяжении всего периода работал в системе гражданского судопроизводства, стал признанным специалистом в этой области. И тема диссертации была определена им совместно с научным руководителем проф. В. А. Ржевским не случайно: она прямо связана с профессиональными интересами соискателя. Более того, как показало время, для А. Н. Бондаря работа над диссертацией и ее защита не были самоцелью. Первые публикации по данной теме появились у него пять лет назад. Еще два-три года назад я ему говорил, что пора защищаться. Но он не спешил, на протяжении нескольких лет, возможно, в ущерб времени защиты, но не качеству научного исследования, он работал над диссертацией.

Уверенная защита, которую вы все, уважаемые члены Совета, наблюдаете, свидетельствует о том, что А. Н. Бондарь — зрелый высококвалифицированный специалист. Содержание работы и защита убеждают в профессиональной заинтересованности соискателя, в желании «изнутри», на основе собственного опыта оценить проблемы состязательности в гражданском судопроизводстве. В этом

плане нет никаких сомнений в научной добросовестности и профессионализме соискателя.

Имеющиеся публикации весьма полно отражают основные результаты исследования. При этом две публикации — в рецензируемых журналах («Арбитражный и гражданский процесс» и «Вестник Российской правовой академии»). Имели место также другие формы апробации диссертации, включая занятия, выступления соискателя перед судьями, другими практическими работниками правоохранительных органов, а также обсуждение диссертации на заседании кафедры муниципального права и управления РГУ.

С учетом всего этого вам, уважаемые члены Совета, решать, достоин ли А. Н. Бондарь присуждения ученой степени кандидата юридических наук. Спасибо за внимание.

Председательствующий: Спасибо. Слово предоставляется ученому секретарю совета Константину Петровичу Краковскому для оглашения заключения организации, где выполнялась работа, отзыва ведущей организации и отзывов на автореферат, поступивших в совет.

Краковский К. П.: На диссертацию А. Н. Бондаря имеется положительный отзыв ведущей организации — ГОУ ВПО «Российская академия правосудия», утвержденный ректором — доктором юридических наук, профессором В. В. Ершовым и заключение кафедры муниципального права и управления ГОУ ВПО «Ростовский государственный университет», где выполнена диссертационная работа.

На автореферат диссертации Бондаря Н. С. поступило шесть отзывов, от:

- кафедры конституционного и муниципального права ГОУ ВПО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», подписанный доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой Авакьяном С. А.;

- кафедры конституционного и международного права ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет», подписанный доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой Невинским В. В.;

- доктора юридических наук, профессора, судьи Конституционного Суда РФ Гаджиева Г. А.;

- доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного права ГОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия» Кокотова А. Н.;

■ доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории государства и права и конституционного права ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет» Лебедева В. А.;

■ доктора юридических наук, профессора, судьи Конституционного Суда РФ в отставке Лучина В. О.

Все поступившие отзывы являются положительными, в них предлагается присудить диссертанту искомую ученую степень кандидата юридических наук. Во всех отзывах отмечается, что диссертация является самостоятельным, комплексным монографическим исследованием проблемы обеспечения конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, особенностей его реализации в гражданском судопроизводстве.

Так, в отзыве профессора С. А. Авакьяна подчеркивается актуальность темы рассматриваемой диссертации, указывает на то, что работа отличается новизной, автореферат позволяет сделать вывод о том, что тема раскрыта, сделаны важные для науки обобщения, важное значение имеет анализ судебной практики, что позволяет выявить и предупредить ошибки в реализации конституционных принципов. Профессор В. В. Невинский к положительным моментам работы относит проведенный диссертантом анализ практики Европейского Суда по правам человека, указывает на то, что в работе сделаны необходимые выводы, решены основные задачи исследования. В отзыве профессора Г. А. Гаджиева отмечается, что заслуга автора в том, что он перенес принцип состязательности и равноправия сторон в иное юридико-концептуальное пространство, образуемое системой конституционных норм и принципов, и результат такого перемещения очевиден — автор формулирует чрезвычайно важные научные выводы. Очень важным и перспективным является авторский вывод о том, что принцип равноправия и состязательности сторон представляет собой единство материально-правовых и процессуально-правовых начал. Данный подход к конституционно-правовым принципам представляется оригинальным и интересным, что вполне объяснимо в силу их универсальности и их места в иерархии юридических ценностей.

Профессор А. Н. Кокотов подчеркивает, что главная научная новизна работы заключается в том, что представленная работа является комплексным монографическим исследованием, в котором обосновывается выделение единого конституционного принципа

состязательности и равноправия сторон, всесторонне анализируется его действие в рамках гражданского судопроизводства России. Профессор В. А. Лебедев указывает на то, что обращают на себя внимание новизна и обоснованность основных выводов работы, использование автором различных методов познания, апробированность результатов исследования. Профессор В. О. Лучин отмечает научную значимость диссертационного исследования, выполненного на актуальную тему, указывает на научную перспективность авторского видения структуры гражданских процессуальных отношений. В таком подходе прослеживается влияние обоснованной в теории конституционного права концепции различения общих и конкретных, а также специальных правоотношений, которая в ее приложении к гражданскому судопроизводству способна обогатить научно-теоретический потенциал гражданского и арбитражного права.

Вместе с тем в отзывах на автореферат содержится ряд критических замечаний и пожеланий. В частности, профессор С. А. Авакьян указывает на то, что не совсем ясно понятие «процессуальная активность» суда, встречающееся в положениях, выносимых на защиту, нуждается в дополнительной аргументации связь методов правового регулирования с обеспечением принципа состязательности и равноправия сторон; профессор В. В. Невинский обращает внимание на отсутствие в автореферате анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ, касающихся конституционного принципа равноправия и состязательности сторон; отмечает, что автору следовало бы пояснить, каким образом предлагаемое им совершенствование законодательства может устранить различия в регулировании состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессах; профессор Г. А. Гаджиев указывает на то, что автор, определяя предмет диссертационного исследования, не уточняет особенности реализации исследуемого принципа в процессе производства по делам, возникающим из публичных правоотношений по административным делам; профессор А. Н. Кокотов отмечает, что автор выделяет ряд процессуально-содержательных аспектов принципа равноправия, в том числе отношения между судами внутри судебной системы. Относим ли данный аспект непосредственно к области вышеуказанного принципа? Хотелось бы, чтобы автор в ходе защиты дал соответствующие пояснения; профессор В.

А. Лебедев указывает на дискуссионность вопроса о субординационном положении конституционного принципа состязательности и равноправия сторон по отношению к универсальному принципу равенства всех перед законом и судом, а также отмечает, что, говоря о важности выявления различий в правовом регулировании и механизмах реализации принципа состязательности и равноправия сторон в рамках гражданско-процессуальной и арбитражно-процессуальной форм правосудия, автор указывает на единственное различие — способ нормативного закрепления исследуемого конституционного принципа. В отзыве профессора В. О. Лучина содержится ряд вопросов: достаточно ли самой по себе взаимосвязи равноправия и состязательности для обоснования их единства? Может ли рассматриваться в качестве нарушения равноправия использование иного, не состязательного типа судопроизводства? В связи с этим — будет ли нарушением равноправия, например, инквизиционный гражданский процесс, основанный на равном, одинаковом для сторон ограничении прав? Нуждается в дополнительной проработке вопрос о соотношении принципа состязательности и равноправия сторон с проблемой активности суда, в том числе в плане возможности (невозможности) определения активности суда в качестве самостоятельного принципа судопроизводства.

Вот те замечания, которые были высказаны уважаемыми рецензентами. Хочется еще раз отметить, что в конце каждого отзыва указывается на то, что высказанные замечания не снижают общего высокого уровня работы, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук. Спасибо за внимание.

Председательствующий: Слово для ответа на замечания, высказанные в отзывах на диссертацию и автореферат, предоставляется соискателю Андрею Николаевичу Бондарю.

Бондарь А. Н.: Уважаемый председательствующий, члены диссертационного совета, присутствующие. Отвечая на замечания, содержащиеся в отзыве ведущей организации, нельзя не отметить весьма внимательный, детальный анализ диссертации — как положительные моменты, так и замечания даны по каждой главе и каждому параграфу в отдельности. Поэтому слова благодарности за положительную оценку моей работы ректору Российской академии правосудия, доктору юридических наук, профессору Валентину Валентиновичу Ершову и заведующему кафедрой конституционного

права этой же Академии доктору юридических наук, профессору Николаю Васильевичу Витруку имеют значение по существу. Тем более, что эти оценки исходят от одного из ведущих специализированных научно-образовательных учреждений по проблемам организации и функционирования судебной власти в нашей стране.

Что касается замечаний, то все они, несомненно, заслуживают серьезного внимания; некоторые из них, вероятно, предполагают необходимость дать определенные пояснения, другие не исключают возможности высказать дополнительные аргументы, собственные соображения, особенно — по дискуссионным вопросам.

1. Для меня, пожалуй, наиболее серьезным выглядит содержащийся в отзыве упрек в том, что якобы автор, широко используя практику Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, в то же время недостаточно анализирует практику арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Я позволю себе высказать по этому поводу некоторые соображения, в том числе в плане определенных возражений.

Прежде всего хочу обратить внимание на то, что основным объектом диссертационного исследования явились конституционные аспекты нормативного закрепления принципа равноправия и состязательности сторон, что естественным образом потребовало постоянного обращения как к самой Конституции, так и к тем судебным актам, с помощью которых выявляется конституционный смысл отраслевого (в том числе гражданско- и арбитражно-процессуального) законодательства, дается конституционная оценка практики его реализации, включая практику реализации принципа равноправия и состязательности сторон. И такими судебными актами являются, как известно, решения Конституционного Суда РФ.

Но в то же время это не означает, что не использовалась практика других судов (арбитражных и общей юрисдикции). Другое дело, что здесь, по моему мнению, надо было соблюсти меру, когда частно-отраслевые вопросы не должны превалировать над конституционными. (Кстати, в этом плане вряд ли в полной мере согласуется с данным замечанием одно из других замечаний отзыва ведущей организации, что якобы в третьей главе диссертации сделан излишний крен в сторону отраслевых моментов. Но об этом — позже).

Учитывая как предмет исследования, так и сферу моих профессиональных интересов, в тексте диссертации, *во-первых*, есть пря-

мые ссылки на конкретные судебные решения первой и кассационной инстанций судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В частности, при исследовании *вопроса о роли суда в состязательном процессе гражданского судопроизводства* мною высказана позиция о недопустимости вмешательства суда в осуществление исключительных прав сторон, связанных, например, с самостоятельным определением содержания и объема иска, и в качестве иллюстрации использована *практика Ростовского областного суда* (стр. 123). Аналогично *судебная практика Ростовского и иных регионов, в частности Москвы и Московской области*, была использована при исследовании *особенностей реализации принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессе*, что, кстати, позволило сделать вывод о том, что в настоящее время основным показателем нарушений принципа состязательности и равноправия сторон является нарушение правил личного процессуального участия (стр. 106).

Во-вторых, особое место в диссертационном исследовании занимает *судебная практика высших судебных инстанций*. Речь идет, в частности, о реализации закрепленных в статьях 126 и 127 Конституции РФ полномочий Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по даче разъяснений по вопросам судебной практики. Кроме того, в постановлениях и информационных письмах Президиумов ВАС РФ и ВС РФ, пожалуй, в наибольшей степени обобщены и унифицированы проблемные вопросы в области судебной практики, в том числе и в практике применения принципа состязательности и равноправия сторон. И такие документы тоже использовались.

Наконец, *в-третьих*, хотелось бы отметить, что использование судебной практики при подготовке данного исследования не сводилось лишь к отсылкам по тексту диссертации на конкретные судебные акты. Даже для наиболее общих, конституционного значения выводов возникала необходимость сопоставлять, сверять эти выводы с реальной практикой судов общей юрисдикции и арбитражных судов, к которой я причастен уже достаточно давно.

2. Относительно замечания о логике изложения исторического материала (после анализа теоретических проблем нормативно-правового регулирования принципа состязательности и равноправия сторон — в последнем параграфе второй главы), а не в одном

из первых параграфов, нельзя не согласиться, что предлагаемый в отзыве вариант вполне возможен. Так же как возможно рассмотрение исторических аспектов проблемы и в иных вариантах (вплоть до последней главы). Главное, думается, соблюсти логику изложения. Я ее представлял в данном случае таким образом, чтобы на основе анализа истории развития конституционного принципа состязательности и равноправия сторон показать эволюцию существенных характеристик судопроизводства, его переход от розыскного к состязательному типу. Вряд ли это можно было бы сделать без предварительного анализа некоторых теоретических аспектов данной проблемы. Иная же логика, кроме того, могла бы привести к созданию иллюзии того, что основным вопросом является исследование принципа состязательности и равноправия с отраслевых позиций.

3. В связи с замечанием ведущей организации о методе правового регулирования и его связи с предметом диссертационного исследования необходимо указать следующее.

Анализируя конституционные основы обеспечения состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве, мною был сделан вывод о действии принципа состязательности и процессуального равноправия *не только в содержательной плоскости гражданских судопроизводственных отношений*, но и в аспекте *способов правового воздействия* на эти отношения, т. е. метода их регулирования. И в этом плане состязательность и равноправие сторон, воплощая в себе взаимодействие диспозитивного и императивного начал, характеризуют, по моему мнению, как содержание, так и способы возможного правового воздействия на гражданско-процессуальные и арбитражно-процессуальные отношения. Поэтому связь между методом регулирования соответствующих отношений и реализацией принципа состязательности и равноправия сторон представляется очевидной.

Но в то же время нельзя не согласиться, что это дискуссионный вопрос, он нуждается в дальнейшей разработке, как, кстати, и более общие вопросы, относящиеся к методу регулирования процессуальных отношений. Поэтому в работе и уделено определенное внимание дискуссии по этому вопросу, что ведущей организации показалось несколько избыточным. Но это уже тоже субъективный вопрос меры.

4. И, наконец, относительно уже упомянутого замечания ведущей организации о соотношении гражданско-процессуальных и конституционных начал при исследовании в рамках третьей главы механизма реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон.

Прежде всего хотелось бы отметить, что исследование особенностей реализации принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессе ставилось мной как самостоятельная задача. А он (данный конституционный принцип) реализуется не только в правоприменительном, но и в законотворческом процессе, на уровне отраслевого процессуального законодательства. В этой связи вряд ли возможно выявить характер, особенности трансформации конституционного принципа в отраслевое законодательство без более или менее детального исследования гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства в этой области, равно как и его реализации в судебной практике.

И еще один момент в связи с этим. В отзыве предлагается диссертанту показать значение исследования отраслевых гражданско-процессуальных проблем для науки конституционного права. Думается, при решении вопроса о соотношении конституционно-правового и отраслевого аспектов в принципе состязательности и равноправия сторон и комплексном, межотраслевом анализе данной проблемы более важное значение имеет другая сторона этой проблемы: не значение отраслевого законодательства и практики его применения для конституционного права, а, напротив, оценка того, насколько активным и последовательным является влияние соответствующих конституционных требований и на отраслевое законодательство, и на практику его реализации в судебной деятельности. В конечном счете, конституционный аспект третьей главы диссертации заключается в этом плане в проблеме конституционализации отраслевого законодательного обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон, а также в проблеме обеспечения соответствия требованиям Конституции в этой части судебной практики. Поэтому в работе было показано влияние исследуемого конституционного принципа, в том числе на решение конкретных задач в сфере его судебной процессуальной реализации. Например, речь идет о степени активности суда в состязатель-

ном процессе или о том, что важным условием реализации исследуемого принципа является обеспечение сторон конституционным правом на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции). Поэтому вряд ли могут быть сомнения в конституционности данных проблем.

В заключение данной части ответов хотелось бы еще раз поблагодарить ведущую организацию за проявленную требовательность, принципиальность, дискуссионность поставленных вопросов при общей весьма положительной оценке моей работы.

Далее хочу остановиться на замечаниях, высказанных д. ю. н., профессором, судьей Конституционного Суда РФ Гадисом Абдуллаевичем Гаджиевым, особо поблагодарив его за положительную оценку диссертации и поднятый в отзыве дискуссионный вопрос относительно влияния конституционного принципа состязательности и равноправия сторон на административные судопроизводственные отношения.

В этой связи хочу отметить, что мной поддерживается сама по себе идея создания административных судов с выделением в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 118 Конституции РФ административного судопроизводства в качестве самостоятельной формы судопроизводства. А это, в свою очередь, потребует специального анализа в данной сфере судопроизводства и исследуемого конституционного принципа.

Дело в том, что в настоящее время в рамках гражданского судопроизводства вопрос о порядке рассмотрения административных дел решается по-разному. Если рассмотрение и пересмотр дел о привлечении к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в связи с осуществлением ими предпринимательской и иной экономической деятельности происходит по общим правилам искового производства (ст. 202 АПК РФ, ст. 30. 1 КоАП РФ), то в случае привлечения к административной ответственности физических лиц разбирательство происходит исключительно по правилам главы 29 КоАП РФ. Практическое же значение данного вывода заключается в том, что если в первом случае, правоприменительный орган может руководствоваться нормами АПК РФ и соответственно закрепленными в нем принципами, то во втором случае суд общей юрисдикции обязан руководствоваться исключительно нормами КоАП РФ, где состяз-

зательность в качестве самостоятельного принципа не выделяется. При этом сам подход законодателя о том, что привлечение к административной ответственности должно осуществляться исключительно в рамках КоАП РФ мне представляется верным.

Таким образом, учитывая прежде всего различия в методе правового регулирования, можно сделать вывод о необходимости выделения административного судопроизводства в самостоятельную отрасль и, как следствие, необходимость закрепления на отраслевом уровне принципа состязательности и равноправия сторон с учетом определенной специфики, что, как верно подмечено судьей Г. А. Гаджиевым, в наибольшей степени соответствовало бы конституционному положению, закрепленному в норме ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, устанавливающей, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

При этом в настоящее время данный пробел может быть восполнен непосредственным применением к административно-судопроизводственным отношениям конституционного принципа состязательности, что, кстати, еще раз свидетельствует о его универсальности и значимости.

Важным является и дискуссионное замечание заведующего кафедрой теории государства и права и конституционного права Челябинского государственного университета, доктора юридических наук, профессора В. А. Лебедева относительно субординационного положения принципа состязательности и равноправия сторон универсальному принципу равенства всех перед законом и судом.

Прежде всего, хочу отметить, что я не только предполагаю, но и настаиваю на самостоятельном значении и собственных уровнях реализации принципов равноправия, с одной стороны, и принципа состязательности и равноправия сторон — с другой, учитывая, что такая их конституционная обособленность получает свое отражение, в частности, в их закреплении в разноструктурных частях Конституции РФ — в главе 2 (ст. 19, ч. 2) и в главе 7 (ст. 123, ч. 3).

Если же говорить о содержательной субординации, то необходимо исходить из того, что конституционный принцип равноправия находит свое выражение, прежде всего, в сферах государственной и общественной жизни и предполагает признание равнозначными,

одинаково важными и ценными с юридической точки зрения материальных интересов разных субъектов права.

Однако, учитывая, что в судебном процессе интересы сторон несовпадают являются противоположными, равноправие, лежащее в их основе, требует своего адекватного судебно-процессуального выражения с целью обеспечения равной защиты прав и свобод граждан с противоположными материально-правовыми интересами, которым является состязательное судопроизводство, основанное на процессуальном равноправии сторон, что и закрепляется в ст. 123 Конституции РФ и находит свое дальнейшее развитие в отраслевом законодательстве. Относительно второго замечания профессора В. А. Лебедева могу лишь посетовать на отсутствие возможности в автореферате изложить все проблемы диссертационного исследования, в том числе и основные различия в правовом регулировании и механизмах реализации принципа состязательности и равноправия сторон в рамках гражданско-процессуальной и арбитражно-процессуальной форм правосудия. В этой связи хочу остановиться лишь на некоторых из них.

Во-первых, это разное текстуальное закрепление принципа состязательности и равноправия сторон. В отличие от ГПК РФ, предусматривающего в ч. 1 ст. 12, что правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, АПК РФ устанавливает его путем введения двух относительно самостоятельных структурно обособленных элементов нормативного содержания принципа состязательности и равноправия сторон, фиксируемых в различных статьях Кодекса: равноправие сторон — в ст. 8, а состязательность — в ст. 9 АПК РФ.

Во-вторых, говоря о фактической стороне состязательности и равноправия сторон, которая касается установления вопросов факта, необходимо отметить, что АПК РФ 2002 года, в отличие от ранее действовавшего Арбитражного процессуального кодекса РФ, и в отличие от действующего в настоящее время Гражданского процессуального кодекса РФ, включает в понятие «обстоятельства дела» помимо фактов как таковых содержание норм иностранного права. Согласно абз. 3 ч. 2 ст. 14 АПК РФ суд может возложить на стороны обязанность доказывания содержания норм иностранного права.

В-третьих, АПК РФ содержит неизвестное гражданскому процессуальному законодательству понятие «раскрытие доказательств»,

предполагающее, что каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания (ч. 3 ст. 65). Если же доказательства у других заинтересованных лиц отсутствуют, то необходимо не только их раскрыть, но и направить копии, причем заблаговременно (ч. 4 ст. 65, ч. 1 ст. 66, ч. 3 ст. 125, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 277, ч. 3 ст. 313 АПК РФ). В свою очередь ГПК РФ содержит правовую основу лишь отдельных элементов данного института, которая, по существу, сводится к обязыванию сторон передать друг другу при подготовке дела к судебному разбирательству копии доказательств, обосновывающие соответственно фактические основания иска и возражения относительно исковых требований (ст. 132, п. 1 ч. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 149 ГПК РФ).

В-четвертых, АПК РФ в сравнении с ГПК РФ закрепляет более широкие возможности сторон по признанию обстоятельств дела и распоряжению доказательствами. Так, ч. 2 ст. 70 АПК РФ оформляет институт арбитражного соглашения относительно обстоятельств дела, который предполагает, что признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения обстоятельства принимаются арбитражным судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания.

В-пятых, несколько по-разному решается вопрос относительно установления гарантий участия сторон в судебном заседании. Так, АПК РФ прямо предусматривает пять исключений, когда извещение заинтересованных лиц не производится (статьи 93 (ч. 1), 117 (ч. 4), 228 (ч. 4), 291 (ч. 1) и 299 (ч. 1)), в то время как ГПК РФ только одно — при рассмотрении заявления о принятии обеспечительных мер (ст. 141).

Что касается двух замечаний, содержащихся в отзыве кафедры конституционного и муниципального права МГУ, подписанном зав. кафедрой профессором Суреном Адиебековичем Авакьяном, то они также касаются дискуссионных вопросов.

Так, в рамках первого замечания высказана позиция, которая заключается в конечном счете в нецелесообразности использования самого понятия «активность суда», так как «суд просто использует те возможности, которые ему дает закон». Такой подход имеется в научной литературе. Однако вряд ли есть необходимость специ-

ально обосновывать правомерность и другого подхода, получившего широкое признание и заключающегося в том, что суд должен быть не сторонним наблюдателем, а своего рода «хозяином» в судебном процессе, т. е. иметь возможность, в том числе, инициировать те или иные процессуальные действия для успешного разрешения судебного дела, строго придерживаясь при этом требований состязательности и равноправия сторон. Кстати, как мне показалось, и позиция кафедры МГУ в этой части не расходится существенным образом с предложенной в диссертации, если иметь в виду, что в конце данного замечания указано буквально следующее: суд «использует процессуальные возможности по мере потребностей — своих и сторон». А использование судом процессуальных возможностей по мере **своих** (а не сторон) потребностей и есть ни что иное, как проявление активности суда, за которую я выступаю.

Второе замечание касается вопроса, который поставлен мною в диссертации в порядке дискуссии. Речь идет о проявлении требований состязательности и равноправия сторон не только в *материальном (предметном)* аспекте судопроизводственных отношений, но и в аспекте *метода* их регулирования. Нельзя не согласиться с тем, что этот вопрос новый, он нуждается в дальнейшей разработке. Кстати, в достаточно большой степени он связан с другим, не менее дискуссионным, но более общим вопросом: что лежит в основе системообразующих факторов отдельных отраслей права — только предмет или еще и метод? Когда в отзыве указывается на этот счет, что выбор поведения сторон либо действий суда есть не специфика метода правового регулирования, а суть предмета данной отрасли законодательства, вероятно, как раз просматривается точка зрения о второстепенной роли метода правового регулирования для характеристики соответствующих отраслевых институтов. Я исхожу из того, что диспозитивные начала метода гражданского процессуального права проявляются прежде всего в равенстве сторон процесса, в свободе пользования сторонами своими правами, что как бы усиливает нормативное содержание и самого принципа состязательности и равноправия сторон. С другой стороны, сам этот принцип влияет на содержательные характеристики как диспозитивного, так и императивного начал в методе правового регулирования гражданских судопроизводственных отношений.

Замечание профессора А. Н. Кокотова касается, как я понимаю, вопроса о том, относим ли принцип состязательности и равноправия сторон к «отношениям между судами внутри судебной системы». Здесь я прежде всего исходил из того, что одним из проявлений равноправия в гражданском судопроизводстве является обеспечение равных для всех возможностей защиты от неправоудного судебного решения. Поэтому анализируемый принцип проявляется не просто между судами внутри соответствующей судебной системы, а исключительно в связи с решением *конкретного дела, в частности* при обжаловании и пересмотре решения суда. Речь идет, таким образом, о том, что принцип состязательности и равноправия сторон действует на всех стадиях гражданского судопроизводства, включая апелляционный, кассационный и даже надзорный процесс, хотя, конечно, с определенными особенностями.

Отвечая на замечания профессора В. В. Невинского должен отметить, что если автореферат и позволил уважаемому профессору сделать замечание об отсутствии анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ, то, как, например, указано в отзыве ведущей организации, в тексте диссертации они широко используются, анализируются. Тем более, что соответствующие решения КС РФ и являются важным средством конституционализации гражданского судопроизводства.

Что касается вопроса о совершенствовании законодательства в плане устранения неоправданных различий в регулировании и правовом обеспечении принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессе, то этой проблеме в диссертации уделяется достаточно много внимания. Прежде всего такая необходимость обосновывается с позиций конституционного единства гражданского судопроизводства (ст. 118). А на конкретном, процессуально-отраслевом уровне это проявляется, например, в необходимости установления одинаковых гарантий участия сторон в судебном заседании как в рамках гражданского, так и арбитражного процесса. Сейчас в этом вопросе имеют место очевидные проблемы (например, АПК РФ предусматривает гораздо больше исключений, когда извещение заинтересованных лиц не производится).

Касательно замечаний профессора В. О. Лучина. Первое замечание фактически заключается в вопросе о том, требования равно-

правия сторон присутствуют исключительно в состязательном процессе или, например, одинаковое для всех ограничение прав в инквизиционном процессе тоже можно рассматривать как проявление режима равноправия? Думается, уважаемый Виктор Осипович Лучин сформулировал этот вопрос с определенным оттенком иронии или, по крайней мере, юмора. Конечно же, «равное для всех бесправие» никак не может свидетельствовать о подлинном равноправии. Режим равноправия предполагает требования не только *одинаковости*, но и определенной *полноты* прав. В частности, применительно к равноправию сторон это должна быть такая полнота процессуальных прав, которая позволяла бы каждой из сторон защищать свои законные интересы в судебном процессе. Второе замечание: действительно это дискуссионная проблема, причем не только в научно-теоретическом плане, но и с точки зрения тенденций развития нашего законодательства. На начальных этапах судебной реформы (в начале 1990-х годов) актуальной была задача преодоления излишне широких полномочий суда по собственной инициативе осуществлять процессуальные действия, что могло делаться в ущерб принципу равноправия сторон. Но и другая крайность, которая наметилась в последующие годы, опасна: попытка представить суд как стороннего наблюдателя, не имеющего возможности самостоятельно, без инициативы сторон предпринять какие-либо процессуальные действия. По состоянию на сегодняшний день поиск баланса между активностью суда и сторон лежит, по моему мнению, в необходимости повышения авторитета суда в том числе за счет его инициативных полномочий.

Таковы ответы на основные замечания. Еще раз благодарю всех за присланные отзывы.

Председательствующий: Теперь переходим к обсуждению диссертационной работы А. Н. Бондаря. В связи с отсутствием по уважительным причинам официального оппонента доктора юридических наук, профессора, зав. кафедрой конституционного и международного права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», Заслуженного деятеля науки РФ В. Т. Кабышева слово для оглашения его отзыва предоставляется ученому секретарю совета К. П. Краковскому. (Зачитывается отзыв)... Слово для ответа на отзыв официального оппонента предоставляется соискателю А. Н. Бондарю.

Бондарь А. Н.: Уважаемый председательствующий, члены диссертационного совета!

Мне очень приятно, что в качестве одного из официальных оппонентов является известный ученый, один из ведущих конституционалистов страны профессор В. Т. Кабышев. Выражаю ему искреннюю благодарность как за положительную оценку моей работы, так и за высказанные замечания.

В самом отзыве отмечается, что «замечания носят, в своей основе, дискуссионный характер». Подтверждением этого является, в частности, и то обстоятельство, что в некоторых отзывах на автореферат положения, вызвавшие сомнения у уважаемого официального оппонента профессора В. Т. Кабышева, напротив, отмечаются как положительные.

Речь идет, в частности, о *первом замечании*, которое касается понимания конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в единстве процессуальных и материальных начал. (Кстати, сразу хочу обратить внимание, что данная проблема в качестве дискуссионной была указана и в замечаниях официального оппонента – А. В. Киселевой). В то же время в отзыве на автореферат кафедры конституционного и муниципального права МГУ, отмечается как «верный вывод о том, что конституционные начала равноправия предполагают единство материальных и процессуальных начал».

Во вступительном слове этот вопрос в определенной мере уже затрагивался. В порядке дополнения и определенного уточнения хочу отметить, что я согласен с уважаемым официальным оппонентом в том, что двойственное (материальное и процессуальное) проявление принципа равноправия не означает, что существуют некие «материально-процессуальные» нормы. Справедливости ради, следует, правда, отметить, что в литературе высказывалась и такая точка зрения. Я же исхожу из того — и это отражено в диссертации, — что нормативное содержание не самого по себе равноправия, а требования состязательности и равноправия сторон как единого конституционного принципа как бы удваиваются (но не раздваиваются): *равноправие сторон* воплощает в своей основе материальные начала (обеспечение равных возможностей для участия сторон в гражданском судопроизводстве); состязательность — процессуальные начала (выступает как форма реализации равных возмож-

ностей). Но при этом, вероятно, вполне можно согласиться с уважаемым оппонентом, что это не означает, что сама по себе норма ст. 123 Конституции РФ становится «материально-процессуальной». Так что в этой части вряд ли можно считать существенными различия в подходах по данному вопросу между уважаемым официальным оппонентом и позицией, представленной в диссертации.

Второе замечание профессора В. Т. Кабышева связано с предложенной в работе структуризацией гражданских процессуальных правоотношений.

Здесь я, прежде всего, исходил из того, что в гражданских судопроизводственных отношениях можно выделить три основные составляющие, характеризующие взаимоотношения:

- 1) между сторонами в процессе;
- 2) между стороной и судом;
- 3) между судами внутри соответствующей судебной системы в связи с решением конкретного дела.

Соглашаясь с позицией официального оппонента о том, что в рамках гражданского судопроизводства зачастую трудно вычленить процессуальные отношения, которые характеризовали бы непосредственную взаимосвязь прав одной стороны и обязанностей другой, тем не менее думается, такого рода процессуальные отношения между сторонами гражданско-правового спора можно обнаружить.

Так, например, предъявление иска объективно требует от ответчика формулирования своей правовой позиции, поскольку в противном случае это приведет к проигрышу дела. Аналогично обязанность четко сформулировать свою позицию может проявляться при истребовании и исследовании доказательств по делу, когда возражения направлены не только суду, но и противной стороне. При этом, хотелось бы обратить внимание, что в гражданском судопроизводстве широко используется институт мирового соглашения, где сами стороны, договариваясь об исходе дела, формулируют в том числе взаимные права и обязанности не только материального, но и процессуального содержания. Кроме того, в теории права, как известно, есть и такая точка зрения, когда наличие правоотношения не обязательно связывается с наличием двух субъектов, связанных жесткой зависимостью взаимных прав и обязанностей. (Например, возможны «трехсубъектные» правоотношения. И в рассматриваемом слу-

чае в определенных ситуациях тоже можно обнаружить третьего субъекта в лице судебного органа).

И наконец, *третье замечание* относительно того, что активность суда, по мнению профессора В. Т. Кабышева, является самостоятельным принципом гражданского судопроизводства.

В данном случае, я согласен с выводом оппонента, если иметь в виду, что речь идет об активности суда как *отраслевым принципе* гражданского судопроизводства. Но вряд ли есть основание выводить активность, инициативность суда на уровень конституционного принципа наряду, например, с состязательностью и равноправием сторон. Напротив, активность суда должна проявляться в режиме состязательного судопроизводства со всеми теми ограничениями, которые вытекают из необходимости гарантировании равноправия сторон и состязательности процесса. Такой подход представлен и в диссертационном исследовании, на основе чего сделан вывод о необходимости закрепления в гражданском и арбитражном законодательстве принципа судебной активности, имея в виду прежде всего низкий уровень правовых знаний сторон и правовой культуры в целом. Спасибо за внимание!

Председательствующий: Слово предоставляется официальному оппоненту кандидату юридических наук, доценту кафедрой государственного (конституционного) права ГОУ ВПО «Ростовский государственный университет» А. В. Киселевой. (Зачитывается отзыв)... Слово для ответа на отзыв официального оппонента предоставляется соискателю А. Н. Бондарю.

Бондарь А. Н.: Прежде всего хочу поблагодарить Аллу Васильевну за внимательное прочтение и высокую оценку моего диссертационного исследования, отмеченные достоинства работы, а так же за высказанные замечания.

Отвечая на *первое замечание*, хочу отметить, что принцип состязательности и равноправия с точки зрения нормативно-правового содержания понимается мной, как уже отмечалось, как единый принцип и, что немаловажно, находящийся в субординационном положении по отношению к универсальному принципу равенства всех перед законом и судом. В этой связи, учитывая, что равноправие есть универсальная конституционная характеристика правового статуса всех субъектов права, а проблема равенства имеет универсальный характер, при исследовании принципа особое внимание

было уделено непосредственно равноправию сторон, в связи с чем могло возникнуть впечатление меньшего внимания к исследованию проблемы состязательности. Однако единство исследуемого конституционного принципа определяется тесной взаимосвязью, единством его процессуальных и материальных начал; более того, именно на этом основано нормативное взаимопроникновение состязательности и равноправия сторон.

В то же время вполне можно согласиться с уважаемым официальным оппонентом, что на уровне отраслевых правил судебного разбирательства требования состязательности получают достаточно подробную регламентацию. Но это уже вопрос отраслевой конкретизации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон.

Относительно *второго замечания* хочу отметить, что рассмотрение проблемы реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в области уголовного процесса непосредственно не входило в предмет моего исследования, хотя отдельные моменты, связанные со сравнительными характеристиками реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в различных отраслях процессуального права и в различных формах судопроизводства, в диссертации имеются.

Вместе с тем проблема состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе носит относительно самостоятельный характер. Но если есть необходимость, могу в достаточно сжатом виде высказать мое общее отношение к данной проблеме.

Так, в науке уголовного процессуального процесса традиционно считается, что элементами принципа состязательности являются:

1) разделение процессуальных функций обвинения, защиты и осуществления правосудия;

2) наделение обвинения и защиты статусом сторон, т. е. участников, обладающих процессуальным интересом и равными процессуальными правами для отстаивания своих утверждений и оспаривания утверждений противной стороны;

3) равноправие сторон;

4) ограничение роли суда созданием необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

В Постановлении от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» Конституционный Суд РФ указал: «В уголовном судопроизводстве состязательность означает строгое отграничение функции суда по разрешению дела от функции обвинения и защиты, каждая из которых возложена на определенных участников процесса».

В этой связи новый УПК РФ, закрепляя в ст. 15 принцип состязательности сторон, безусловно воспринял его конституционное содержание, закрепленное в ст. 123 Конституции РФ и заменил существовавший ранее в России смешанный уголовный процесс, характеризовавшийся прежде всего розыскным характером стадии предварительного расследования, состязательным, распространив принцип состязательности на досудебные стадии. Это является, на мой взгляд, основным достижением, связанным с проникновением принципа состязательности в уголовное судопроизводство и подтверждает его универсальность и особую значимость.

Это позволило, в свою очередь, закрепить и дополнительные важные гарантии, влияющие на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения прав и свобод. Так, в УПК РФ закреплено положение о допуске защитника с момента возбуждения уголовного дела и, более того, право на получение квалифицированной юридической помощи на стадии следственной проверки. При этом защитник получил право собирать доказательства.

Таким образом, расширение прав подозреваемого, обвиняемого и его защитника на стадии досудебного уголовного судопроизводства, введение судебных состязательных процедур при выполнении следственных действий, введение помимо традиционного прокурорского судебного контроля — есть свидетельство превращения досудебного уголовного судопроизводства с состязательное.

Еще раз спасибо уважаемым официальным оппонентам за положительные и весьма доброжелательные отзывы.

Председательствующий: Есть ли желающие из числа членов диссертационного совета и присутствующих принять участие в дискуссии? Слово предоставляется члену диссертационного совета, доктору юридических наук, доценту Чепурновой Наталье Михайловне

Чепурнова Н. М.: Уважаемые члены диссертационного совета! Мне, как человеку, имеющему большой опыт практической работы в качестве судьи и около двадцати лет занимающемуся в научном плане конституционными проблемами судебной власти, очень приятно присутствовать на защите диссертации А. Н. Бондаря. Хочу выразить огромное удовлетворение, связанное и с содержанием диссертации и с такой уверенной, квалифицированной защитой.

Хочу обратить внимание прежде всего на комплексный характер исследования. В работе анализируются конституционные проблемы состязательности и равноправия сторон не в абстрактном плане, а применительно к такой сложной сфере, как гражданское судопроизводство. Очевидно, что столь глубокое исследование мог подготовить только человек, давно работающий над этой темой и имеющий практический опыт судейской деятельности. Хочу особо подчеркнуть, что выводы и предложения А. Н. Бондаря имеют практическое значение.

Одновременно работу отличает глубокая научно-концептуальная проработка. Реализация принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве анализируется сквозь призму системного анализа находящихся в иерархических связях (как справедливо обращает на это внимание диссертант) конституционных норм. Особенно интересно и глубоко показаны взаимосвязи в этом плане статей 19 и 123 Конституции РФ. Эта авторская конструкция как раз позволила наполнить реальным конституционным содержанием нормативные требования состязательности и равноправия в гражданском процессе. В этой связи очень уместным явилось широкое использование решений Конституционного Суда РФ. Ведь именно они вместе с Конституцией в наибольшей степени обеспечивают конституционализацию отраслевого законодательства, включая гражданский и арбитражный процесс.

Хочу также выразить полное согласие с А. Н. Бондарем в части его позиции по поводу активности суда. Мы знаем, что был период в нашей истории, когда суд был излишне активным участником процесса. Но затем мы впали в другую крайность, стали представлять, что суд должен быть неким пассивным наблюдателем в судебном процессе. С этим нельзя согласиться. Конституционная концепция роли суда в судопроизводстве должна основываться на том,

что активное участие суда в защите прав граждан, как это вытекает из статей 2, 17 Конституции РФ, является обязанностью суда.

В порядке пожеланий можно отметить, что, вероятно, заслуживает большего внимания анализ особенностей реализации принципа состязательности и равноправия сторон по делам, вытекающим из публично-правовых отношений.

В заключение хочу также отметить прекрасную, уверенную защиту Андрея Николаевича. Я буду голосовать за присуждение ему ученой степени кандидата юридических наук. И призываю к этому всех членов Совета.

Ляхов Ю. А.: Уважаемые коллеги! Защита А. Н. Бондаря и содержание его диссертации, думаю, ни у кого не вызывают сомнений, что он заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук. А наличие в работе дискуссионных вопросов, по которым я могу высказать определенное несогласие, лишь подчеркивает творческий характер работы, ее достоинства. У меня, например, имеется своя позиция по вопросу о пределах активности суда. В нашей истории уже были периоды, когда мы излишне увлекались судебной активностью, и считаю более важным акцентировать внимание на состязательности сторон. К активной же роли суда надо осторожно подходить.

Есть и другие дискуссионные вопросы. Но все это как раз и убеждает в том, что мы имеем дело с настоящей диссертацией. Важно, что, отстаивая свою позицию, диссертант держался уверенно, защищался квалифицированно с использованием как научных аргументов, так и с учетом своего практического опыта. Нет сомнений, что А. Н. Бондарь заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук...

Председательствующий: Уважаемый Андрей Николаевич, Вам предоставляется заключительное слово.

Бондарь А. Н.: Мне бы очень хотелось поблагодарить членов диссертационного совета, принявших участие в дискуссии, уважаемых официальных оппонентов и ведущую организацию за то, что они уделили внимание моей работе и высоко оценили ее результаты. Спасибо всем присутствовавшим за критическое и в то же время доброе отношение. В выступлениях неофициальных оппонентов были затронуты некоторые дискуссионные вопросы. Я сейчас не буду на них останавливаться, тем более, что в процессе защиты

об этом в определенной степени говорилось. А в своей дальнейшей научной работе я постараюсь учесть все поступившие замечания и пожелания. Большое спасибо.

СПРАВОЧНО

На основании протокола № 47 заседания счетной комиссии, избранной диссертационным советом К 212 208 03 от 1 июля 2006 года (состав избранной комиссии: председатель проф. Ляхов Ю. А., члены комиссии доц. Любашиц В. Я., доц. Чепурнова Н. М.) результаты голосования по вопросу о присуждении ученой степени кандидата юридических наук А. Н. Бондарю оказались следующими: «за» проголосовало 15 членов совета, «против» — нет, недействительных — один бюллетень...

РЕШЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА:

Диссертационный совет считает, что диссертация А. Н. Бондаря представляет собой новое решение имеющей важное практическое значение актуальной научной задачи по анализу проблем конституционного обеспечения состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве.

1. Наиболее существенные результаты, полученные лично автором:

■ получила обоснование конституционная концепция равноправия как универсальной нормативно-правовой основы статусных и функциональных характеристик субъектов судопроизводственных отношений в демократическом правовом государстве, составляющая фундаментальное начало конституционного принципа состязательности и равноправия сторон во всех формах судопроизводства;

■ на основе системного анализа Конституции РФ и процессуально-отраслевого законодательства в области гражданского судопроизводства исследована юридическая природа принципа состязательности и равноправия сторон, в том числе с точки зрения сочетания конституционных и процессуально-отраслевых начал;

■ выявлены особенности закрепления принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве и на этой основе обоснована необ-

ходимость унификации его материальных и процессуальных начал в соответствии с вытекающими из Конституции РФ требованиями единства гражданского судопроизводства;

■ раскрыт механизм реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве, сформулированы авторские предложения по конституционализации процессуально-отраслевого законодательства и правоприменительной судебной практики в плане последовательной реализации данного конституционного принципа.

2. Элементы научной новизны состоят в следующем:

● предлагается авторское понимание нормативного содержания состязательности и равноправия сторон как единого конституционного принципа, сочетающего в себе материальные и процессуальные начала и находящегося в субординационном положении по отношению к универсальному принципу равенства всех перед законом и судом. При наличии системных взаимосвязей соответствующих конституционных принципов, каждый из них имеет относительно самостоятельное материальное и процессуальное значение;

● обоснованы конституционно-правовые основы единства гражданского судопроизводства как сферы реализации принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессе и на этой основе впервые раскрыты общее и особенное в законодательной регламентации данного принципа в гражданском процессе, с одной стороны, и арбитражном — с другой; обосновывается необходимость преодоления неоправданных различий в его правовом регулировании;

● в связи с исследованием проблем реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве обоснована необходимость совершенствования процессуально-отраслевого законодательства с точки зрения расширения возможностей реализации активной роли суда по оказанию содействия сторонам в доказательственной деятельности на основе соблюдения требований состязательности и равноправия сторон;

● впервые показано конституционное значение обеспечения сторон квалифицированной юридической помощью для последовательной реализации принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве.

3. Положения и выводы диссертации достоверны и убедительно аргументированы, обладают необходимой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости.

Они могут быть использованы при совершенствовании гражданского и арбитражного процессуального законодательства в качестве практических рекомендаций для судов общей и арбитражной юрисдикции, в учебном процессе по конституционному, гражданскому и арбитражному процессуальному праву, по спецкурсам, посвященным проблемам судебной власти.

Диссертация А. Н. Бондаря является научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение актуальной научной задачи, имеющей существенное значение для конституционного и отраслевого процессуального права.

Председательствующий: Есть предложение на основании результатов тайного голосования и принятого после обсуждения положительного заключения признать, что диссертационная работа Андрея Николаевича Бондаря на тему: «Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон: особенности его реализации в гражданском судопроизводстве» соответствует требованиям ВАК Российской Федерации, предъявляемым к диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, и присудить Андрею Николаевичу Бондарю ученую степень кандидата юридических наук по специальности 12. 00. 02 — конституционное право; муниципальное право.

Позвольте от имени совета поздравить Бондаря Андрея Николаевича с успешной защитой диссертации и присуждением ему ученой степени кандидата юридических наук, а также пожелать дальнейших творческих успехов.

*На защите
кандидатской
диссертации...*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон имеет универсальное значение для функционирования судебной власти во всех формах реализации судопроизводства, включая конституционное, гражданское, административное, уголовное. Вытекая, в конечном счете, из фундаментального требования современного конституционализма о равенстве всех перед законом и судом, он определяет сами основы правового регулирования взаимоотношений между сторонами судебного-правового спора (разбирательства), а также — между сторонами и судом.

Вместе с тем сам по себе универсальный характер конституционного принципа состязательности и равноправия сторон не исключает установления определенных особенностей при его закреплении и нормативной конкретизации в отраслевом законодательстве применительно к различным формам судопроизводства. Подобные различия, отраслевая дифференциация содержательных характеристик конституционного принципа состязательности и равноправия сторон связаны с объективными особенностями, вытекающими из фактического положения и юридических особенностей участни-

ков судопроизводства, а также характера складывающихся между ними отношений, лежащих в основе судебного спора.

Особым образом конституционный принцип состязательности и равноправия сторон проявляется в гражданском судопроизводстве, которое, будучи относительно единой организационно-правовой формой защиты субъективных прав и законных интересов, охватывает своим содержанием гражданские и арбитражные процессуальные отношения. Такое сочетание концептуального единства и целостности гражданской судопроизводственной формы правозащиты, с одной стороны, и некоторых особенностей участников арбитражного процесса, которыми преимущественно являются хозяйствующие субъекты, с другой, предопределяет взаимосвязь унификации и возможной дифференциации нормативного содержания состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве.

Не вызывает сомнения необходимость непрерывного совершенствования правового регулирования гражданского судопроизводства в части отраслевой конкретизации принципа состязательности и равноправия сторон. Необходимо концептуально осмыслить конституционное содержание принципа состязательности и равноправия в гражданском судопроизводстве, выявить конституционные императивы возможной специфики его детализации в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве и одновременно обозначить критерии дискреции федерального законодателя в данной области. Существующие тенденции организационного и функционально-процедурного сближения гражданского и арбитражного процесса демонстрируют, что единство нормативного содержания принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве не исключает отдельных различий в правовом регулировании, механизмах реализации соответствующих начал применительно к специфике конкретных процессуальных отношений, в том числе с учетом особенностей их субъектного состава, материального правоотношения, определяющего существо правового спора. Единство гражданского судопроизводства проявляется не только в его общих правилах (прежде всего, правилах искового производства), но и в предусмотренных процессуальным законом исключениях из них, регламентирующих особенности рас-

смотрения отдельных категорий гражданских дел¹. Все это оправдывает обращение к принципу состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве с конституционно-правовых позиций, равно как и в их соотношении (хотя бы в лаконичной форме) с уголовным процессом. Этим же задачам должно способствовать и усиление единообразия правоприменительной судебной практики по реализации данного принципа, высшим проявлением чего является конституционализация как отраслевого процессуального законодательства, так и самой практики его реализации.

Конституция РФ, имея прямое действие и высшую юридическую силу, предполагает необходимость последовательной реализации ее положений и принципов в текущем отраслевом, в том числе процессуальном, законодательстве, его конституционализацию². А это невозможно без глубокой проработки концепции развития основополагающих конституционных принципов судопроизводства в отраслевом законодательстве и их реализации в судебной правоприменительной деятельности.

С учетом отмеченного цель настоящей публикации заключается в комплексном анализе концептуальных основ конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, особенностей его реализации в гражданском судопроизводстве как относительно единой организационно-правовой формы защиты субъективных прав и законных интересов и на этой основе — анализ теоретических и практических проблем его правотворческой и правоприменительной реализации, выработка научных рекомендаций по конституционализации процессуального законодательства, судебной правоприменительной практики с точки зрения последовательной реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон.

Одной из важнейших, подлежащих разрешению в данном контексте, задач является научный анализ состояния и обоснование форм

---

¹ См.: Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. СПб, 2011. С. 9.

² Подробно о теории конституционализации, взаимосвязи конституционализации и правосудия См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма: Инфра-М, 2016; Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма, 2016; Марченко М. Н. Развитие тенденции конституционализации в постсоветской России (на примере функционирования Конституции РФ 1993 года и ее познания) // Тенденции развития права в современном мире. М.: Проспект, 2015. С. 312–326.

приращения, своего рода «умножения» конституционно-правовой энергии в рамках судебной (правоприменительной) практики, что, в свою очередь, предполагает достижение режима конституционности применительно к устройству и функционированию судебной власти, приведение самой юрисдикционной практики к стандартам конституционной законности.

Отдельного внимания в данном контексте заслуживают проблемы, а, соответственно, и работы, в которых напрямую исследуются вопросы судебной власти и судебной защиты прав граждан, в том числе в контексте состязательности и равноправия сторон¹, равно как и процессуально-отраслевые аспекты принципа равноправия и состязательности сторон². Важное значение для уяснения рассматриваемых проблем имеет также судебная практика, имея в виду как

---

¹ См., например: Бабинков А. М. Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон при осуществлении правосудия. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Ветрова Г. Н. Содержание принципа состязательности в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2016. № 4; Жамборов М. С. Конституционный принцип состязательности как способ аргументированного обоснования правовой позиции сторон в российском судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4; Ибрагимов А. К. Состязательность в российском судопроизводстве: особенности определения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2; Карномазова М. О. Отражение вопросов состязательности в практике Европейского Суда по правам человека // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ. М.: Проспект, 2014. С. 354–360; Курохтин Ю. А. Конституционно-правовое регулирование и реализация принципа состязательности судопроизводства в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Папелишвили Г. Н. Соотношение конституционных принципов состязательности и равноправия сторон в Российской Федерации // Право и государство. 2015. № 12; Хлебников А. Д. Конституционные принципы состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве: особенности юридического содержания и реализация в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2012.

² См., например: Бекашева Д. И. Проявление принципов диспозитивности и состязательности на стадии подготовки дела // Мировой судья. 2012. № 7; Воронцова С. В. Развитие принципа состязательности как гарантия законности принимаемых решений в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2012. № 12; Ливеровский А. А., Петров М. В. Некоторые особенности реализации принципа состязательности в конституционном (уставном) процессе // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1; Ляхов Ю. А. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности // Российская юстиция. 2014. № 3; Плотников Д. А. Особенности действия принципа состязательности в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 11; Степанова О. А. Реализация принципа состязательности в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2013. № 1.

практику общеюрисдикционных и арбитражных судов¹, так и решения Конституционного Суда РФ, акты которого имеют не только интерпретационное, но и нормативно-доктринальное значение².

Очевиден и тот факт, что последовательное обеспечение состоятельности и равноправия сторон является важным качественным показателем судебной системы в целом, ее уровня демократизма и эффективности функционирования. Известно, что недоверие, испытываемое в отношении судебной власти, тесно связано с оценками в общественном сознании отклонений от основополагающих институциональных принципов правосудия, и прежде всего — от конституционного равенства перед законом и судом. Около половины россиян (48%) считают, что уклонение некоторых граждан от ответственности за нарушение закона — это массовое явление в нашей стране (причем наиболее категоричны в своих суждениях молодые люди от 18 до 34 лет, среди которых почти 55% называют подобные нарушения массовыми); чаще других, по мнению респондентов, избегают правосудия богатые (38%), чиновники и депутаты, их дети и родственники (38%), а также золотая молодежь (6%) и бизнесмены и олигархи (6%)³. Вероятно, в понимании этих проблем следует искать основные предпосылки и направления совершенствования судебной системы на современном этапе. При этом, как отмечает Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев, именно судебное правоприменение выступает индикатором таких проблем правового регулирования, которые нуждаются в исправлении, оно служит поводом для их устранения и совершенствования законодательства⁴. Сквозь призму таких подходов необходимо

---

¹ См. об этом: Судебная практика в современной правовой системе России / Под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М.: Норма, 2017.

² См. об этом: Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4; Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3.

³ См.: Неравенство перед судом и как с ним бороться? Пресс-выпуск ВЦИОМ №3149 от 11 июля 2016 г. по итогам опроса, проведенного 11–12 июня 2016 г. // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115769> (дата обращения: 01.12.2016).

⁴ См.: Выступление Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева на IX Международном юридическом форуме стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Правовые и судебные механизмы защиты прав инвесторов» (г. Владивосток, 4 октября 2016 г.) // URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?id=11055 (дата обращения: 01.11.16).

воспринимать и стратегическое значение судебной власти в современной модернизации нашего государства и общества, имея в виду, что она призвана гарантировать реальность прав и свобод и одновременно — обеспечить действие других ветвей государственной власти в рамках Конституции.

Этими вводными положениями наиболее общего, принципиального характера предваряется основное содержание настоящей работы, за подготовку которой автор благодарен, прежде всего, всем тем, в адрес кого в свое время довелось говорить слова признательности при защите диссертации...

ГЛАВА I

КОНЦЕПЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РАВНОПРАВИА В СООТНОШЕНИИ С ПРИНЦИПОМ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН СУДОПРОИЗВОДСТВА

1.1. РАВНОПРАВИЕ — УНИВЕРСАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ ПРАВА

Равноправие представляет собой одну из наиболее универсальных, всеобщих статусных и функциональных конституционных характеристик практически всех субъектов права, включая граждан и юридических лиц, государственные и муниципальные органы, административные и государственные образования, сами государства. Проявляя себя таким образом в качестве сущностной характеристики самого по себе права, равноправие охватывает все сферы социального бытия человека, предопределяя нормативные параметры его взаимоотношений с другими лицами, обществом и государством и воздействуя на содержание правового регулирования всех отраслей права¹.

---

¹ См. об этом: Принцип формального равенства и взаимное признание права. Коллективная монография / Под общей ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. М.: Проспект, 2016.

Проблема равенства имеет комплексный, междисциплинарный характер, выступая предметом осмысления и исследования не только юриспруденции, но и философии, социологии, экономики, других гуманитарных наук. Вместе с тем, именно в рамках методологии юриспруденции равенство приобретает аутентичное звучание: соотносясь с требованиями свободы и справедливости, оно предстает в адекватной своему социальному содержанию форме равноправия — как идеи, режима и практического принципа организации общественной жизни, суть которых состоит в обеспечении равных условий и возможностей самореализации для равных субъектов.

В этой связи заслуживают внимания сформулированные в научной литературе подходы к разграничению понятий «равенство» и «равноправие», в частности применительно к правовому статусу человека и гражданина¹. Равенство, как полагают большинство исследователей, это не юридическая категория, а социально-нравственное, политическое явление. Равенство — это идеал, общечеловеческая ценность, гарантия правового, политического и социального порядка, это оценочный критерий соответствия идеала и реальности его воплощения в конкретной, социально значимой сфере общественной жизни. Равноправие — это, прежде всего, равные возможности субъектов прав человека². При определении понятия «равенство» важно исходить из того, что именно в равном, одинаковом значении всех людей в сфере политической, правовой, социальной и экономической жизни общества и состоит главное

---

¹ Категория правового статуса личности получила достаточно широкое освещение в литературе (См., например: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008; Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2011). Представляется возможным в рамках настоящего исследования не подвергать специальному анализу имеющиеся по данному вопросу точки зрения и подходы.

² См.: Мальцев Г. В. Равенство и равноправие // Проблемы свободы и прав человека в современной идеологической борьбе. — М., — 1986; Лапаева В. В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. 2008. № 2; Нерсесянц В. С. К праву. О происхождении равенства (из неопубликованного) // История государства и права. 2009. № 17; Зубакин В. Ю., Комкова Г. Н., Кулушева М. А., Малясов Р. А. Реализация конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в современной России / Под ред. Г. Н. Комковой. — Саратов: Поволжская академия гос. службы, 2005; Романец Ю. В. Принцип справедливого равенства субъектов правоотношения между собой // Журнал российского права. 2010. № 7; М. Н. Козюк. См.: Козюк М. Н. Правовое равенство (Вопросы теории). Автореферат дисс ... к. ю. н. СПб., 1996. С. 8.

в подлинно научное понимание равенства. Равноправие же — категория многоаспектная. Оно означает, что: каждому члену общества государство предоставляет равные с другими его членами юридические возможности; из закона вытекают для него равные обязанности; осуществление прав и обязанностей обеспечивается ему на равных основаниях¹. Некоторые авторы вводят в юридический оборот категорию «юридическое равенство»². Это позволяет, с одной стороны, рассматривать категории «равенство» и «равноправие», как тождественные и даже синонимичные. С другой стороны, термин «юридическое равенство» позволяет дистанцироваться от понятий «фактическое равенство», «физическое равенство», «общественное равенство» «социально-экономическое равенство» и др.

Признавая не тождественность категорий «равенство» и «равноправие», заметим, однако, что вряд ли обоснованно разграничивать их в зависимости от сферы социального приложения, не признавая за равенством юридического содержания. Ведь только в праве равенство может проявляться в качестве равного масштаба, равных правовых возможностей, равных правовых условий самореализации индивида³. Иная же методология его исследования — не будучи в столь высокой мере, абстрагированной от индивидуальных особенностей и различий как того требует юридическая логика — с необходимостью притязает на признание за равенством требования фактического уравнивания, что противоречит самой идее равенства в ее приложении к социальной системе, элементы которой изначально (а тем более с учетом их динамики) неравноподобны.

Объективная и непреходящая социальная значимость идеи равенства, ее общепризнанность в качестве фундаментальной универсальной ценности, устойчивость стремления общества к ее реализации, охране и защите, а также высокая степень нормативной концентрации (объем и уровень охвата общественных отношений) обусловили место и роль равенства в системе основополагающих принципов конституционного устройства государства и общества. Специфика же данного принципа заключается в том, что, будучи неотъемлемым проявлением конституционализма, равенство составляет одну из его базовых предпосылок. Как верно отмечает Е.

¹ См.: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 68.

² См.: Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С. А. Авакьян. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. Т. 1. С. 588.

³ См.: Нерсесянц В. С. Право — математика свободы. М.: Юрист, 1996. С. 12–16.

И. Колюшин, исторически именно необходимость юридического закрепления идеи равноправия граждан обусловила принятие конституций как особых юридических документов¹.

В таком качестве равенство оформлено и в отечественной правовой системе, в которой оно выступает в виде конституционного принципа равноправия, прямо предусмотренного статьей 19 Конституции РФ.

Раскрывая сущность конституционного принципа равенства перед законом и судом, методологически целесообразно начать с анализа понятия «принцип конституционного права». Представление о принципах составляет часть любой науки, в том числе науки конституционного права.

Философская категория «принцип» (от латинского «основа», «начало») означает основное положение теории. Принцип всегда выражается положениями максимально общего характера. Другими словами, он фиксирует единое во многом². Принцип — это такое начало, руководящая идея, в которой проявляются объективные закономерности, тенденции, потребности общественного развития³. В связи с этим принципы права, выступают в качестве базовых юридических идей, которые объективируются в законодательстве. Они характеризуют не только сущность, но и содержание права, отражают не только его внутреннее строение, статику, но весь процесс его применения, его динамику. Принципы права выступают в качестве своеобразной несущей конструкции, на которой покоятся и реализуются не только отдельные нормы права, институты или отрасли права, но и вся система права⁴.

Поэтому сам по себе принцип — тоже норма права, самое общее обязательное правило поведения для участников регулируемых правоотношений. В этом плане принцип не только закреплен в нормах, он сам есть норма права⁵. Самым общим образом консти-

---

¹ См.: Колюшин Е. И. Конституционное право России: Курс лекций. М.: Городец, 2006. С. 48.

² См.: Канке В. А. Философия. М., 2001. С. 83

³ См.: Кабышев В. Т. Народовластие развитого социализма. Саратов, 1979. С. 71.

⁴ См.: Теория государства и права/Под ред. Марченко М. Н. Изд-во: «Зерцало» М., 2000. С. 432; Воронин М. В. Принципы права и системность права // Юридический мир. 2012. № 11.

⁵ См.: Воронов А. Ф. О понятии, значении и нормативном закреплении принципов гражданского и арбитражного процессуального права // Законодательство. 2003. № 12. С. 50.

туционные принципы можно охарактеризовать как закрепленные конституцией определяющие, руководящие идеи и установки, концентрированно выражающие содержание конституции, такие ее юридические свойства как учредительную природу, высшую юридическую силу, прямое действие.

Вместе с тем, признавая за принципами значение нормативного характера, ряд авторов полагают, что степень проявления нормативности у различных принципов неодинакова, что предполагает необходимость их дифференциации в соответствии со степенью нормативности. На это указывает, в частности, Н. С. Малейн, утверждающий следующее: в процессе законодательной деятельности большинство принципов находят закрепление в конституционных и иных законах; есть принципы-нормы, закрепленные в Конституции, и принципы-законоположения. У принципов-норм самая высокая степень конкретного содержания и нормативности. Что же касается принципов-законоположений, то они не обладают четкой нормативностью, реализуются обычно в сочетании с другими правовыми актами. Более того, при таком подходе не все принципы обладают качеством нормативности; не имеют нормативного характера те из них, которые не зафиксированы в конституционных и иных законах, а также некоторые принципы, хотя и нашедшие отражение в законодательстве, но не представляющие собой четких правил. «Различие между нормами-принципами и нормами законоположениями имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Принципы-нормы, благодаря своей конкретности, ясности, не допускающей неоднозначного понимания и толкования, могут и должны непосредственно применяться при разрешении конкретных дел общими и специальными судами... Декларативный характер принципов-законоположений не всегда позволяет однозначно и бесспорно установить конституционность нормативного акта»¹.

Данный подход, однако, по существу обосновывает не наличие степеней нормативности правовых норм, а наличие проблемы их реализации в связи ошибками в юридической технике их формализации. Что же касается нормативности, то она, будучи по своей сути свойством обязывания, как представляется, вообще не подлежит дифференцированию по основанию степени, поскольку обязыва-

---

¹ См.: Малейн Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 8–9.

ние не может быть большим или меньшим, оно может либо наличествовать, либо отсутствовать. Обязательность — абсолютное, универсальное свойство каждого правового акта; этим она отличается от юридической силы, которая представляет собой разноуровневую величину, характеризующую иерархическое положение правового акта. В то же время нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что правовое воздействие на общественные отношения проявляется не только посредством установления правовых норм, но и в рамках правоотношений, которые возникают, развиваются и прекращаются в соответствии с правовыми ценностями и правовыми интересами, заключающими в себе правовые цели, которые, в свою очередь, имеют очевидное организующее значение для поведения конкретного человека, общественной и государственной жизни. Данные интересы, ценности и цели, формируясь в правосознании, оказывают правоупорядочивающее воздействие на социальные связи независимо от своего закрепления в позитивном праве. Так проявляют себя и правовые принципы, представляющие собой концентрированные, наиболее фундаментальные юридические ценности. В действующем национальном праве это подтверждается включением в состав российской правовой системы общепризнанных принципов и норм международного права, которые, как известно, далеко не всегда имеют четкое оформление и нередко существуют в форме общепризнанных юридических обычаев.

Совокупность конституционных принципов, распространяющих свое действие на отдельные институты данной отрасли права, представляет собой своего рода общую часть конституционного права, которая состоит прежде всего из положений глав 1, 2 и 9 Конституции РФ¹. К общим принципам, таким образом, относятся и основы правового статуса индивидов, предусмотренные ст. 2, 6, 17, 18, 19 российского Основного Закона. Вместе с тем нормы конституционного права, входящие в институт, устанавливающий основы правового статуса человека и гражданина, определяют «главные принципы, характеризующие положение человека в обществе и государстве, а также основные неотъемлемые права, свободы и обязанности человека и гражданина»².

---

¹ См.: Кокотов А. Н. Конституционное право в российском праве: понятие, значение и структура // Правоведение. 1998. № 1. С. 21.

² См.: Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М, 2001. С. 59.

В этой связи конституционное закрепление равноправия индивидов должно рассматриваться как необходимая предпосылка и обязательное условие трансформации этой философско-политической идеи в один из фундаментальных принципов правового положения личности.

Это связано также и с тем обстоятельством, что равноправие как конституционный принцип связывает всех субъектов права и определяет не только статусные характеристики участников правоотношений, но и параметры их взаимоотношений, то есть оказывает воздействие на содержание юридической деятельности. Вместе с тем, он носит не только регулятивный, но и гарантирующий характер.

По смыслу нашей Конституции требование равноправия имеет многоплановое, универсальное содержание, которое имеет различные нормативно-правовые формы своего проявления: оно выступает и как институт правового положения человека и гражданина, и как принцип правового государства, и одна из основ Российского федерализма, и, более того, как некая политико-правовая основа гражданского общества, особая форма (режим) достижения юридического равновесия на основе достижения баланса интересов людей и групп населения, политической элиты и бизнеса и т. д.

Сложносоставная природа конституционного принципа равноправия вытекает уже из анализа самой по себе статьи 19 Конституции РФ, в рамках положений которой можно выделить, по крайней мере, следующие его составляющие: равенство всех перед законом (ч. 1); равенство всех перед судом (ч. 1); равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ч. 2); запрет любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2); равенство прав, свобод и возможностей их реализации у мужчин и женщин (ч. 3).

Вместе с тем, конституционный уровень закрепления принципа равноправия не ограничивается статьей 19, но пронизыва-

ет содержание практически всех конституционных норм и институтов, обеспечивающих либо непосредственное выражение его нормативного содержания, либо его функциональные или организационно-структурные гарантии. Так, принцип равенства опосредован положениями целого ряда статей первой главы Конституции РФ. В частности, по смыслу статьи 3 Конституции объявление единственным источником власти в Российской Федерации ее многонационального народа означает, что *каждый* гражданин России, *наравне* друг с другом имеет право принимать важные государственные решения непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 3), а в совокупности с ч. 1, 2 ст. 32 Конституции составляет *основы избирательного равноправия*.¹ Статья 8 Конституции признает право на существование и *равенство* всех форм: частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, гарантирует их *равную* защиту. Статья 13 признает политическое многообразие, многопартийность (ч. 3), закладывает *равные* правовые основы существования различных общественных объединений (ч. 4). И хотя первая глава Конституции посвящена закреплению основ конституционного строя, указанные статьи в той или иной степени имеют большое отношение к правовому положению личности, так как способствуют созданию благоприятных условий (ст. 7) для реализации гражданином своих прав лично (ч. 2 ст. 3, ст. 8) либо коллективно (ст. 13). В смысле коллективной реализации права собственности ст. 8 Конституции дополнена ст. 35 ч. 2 второй главы Конституции, в которой указано что «Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и *совместно* с другими лицами».

В то же время требование равенства присутствует в содержании каждого конституционного права и свободы, провозглашенных в главе 2 Конституции РФ. Терминологически это

---

¹ Об этом аспекте равноправия см., например: Кабышев В. Т. Принцип равенства избирателей и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: СГАП, 2000. Вып. 3. С. 5–12; Худолей Д. М. О принципе равного избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 12; Шевердяев С. Н. Допустимые отступления от принципа равенства пассивного избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8.

выражено в формулировках позитивного дозволения: «каждый имеет право» (ч. 1 ст. 20, ч. 1 и 2 ст. 22, ч. 2 ст. 26), «каждый вправе» (ч. 1 ст. 26), «каждый может» (ч. 2 ст. 27); негативного обязывания: «никто не должен подвергаться» (ч. 2 ст. 20), «никто не может быть принужден» (ч. 3 ст. 29); а также позитивного обязывания — например, ч. 2 ст. 24 говорит о том, что «органы государственной власти и органы местного самоуправления и их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом».

При анализе конституционных основ и нормативного содержания принципа равноправия следует принимать во внимание не только его текстуально-терминологическое конституционное опосредование и субъективно воспринимаемые системные взаимосвязи данного принципа с иными конституционными принципами и нормами, но и реальную конституционную практику, связанную с реализацией соответствующих нормативных положений Конституции РФ, и, прежде всего, практику Конституционного Суда РФ. Являясь по своему конституционному статусу судебным органом конституционного контроля и имея своей фундаментальной целью разрешение конституционных конфликтов, споров и противоречий, Конституционный Суд РФ осуществляет уникальный набор полномочий, позволяющих ему в процессе решения конкретных дел выявлять, реализовывать и развивать конституционную концепцию организации социальной жизнедеятельности и определять в ее рамках содержание, роль, место и предназначение отдельных конституционных институтов, норм и принципов, включая принцип равноправия, в их объективном — познаваемом посредством применения специального аппарата юридической логики — системном единстве. Сущностная же «сцепка» практики Конституционного Суда РФ и действующей Конституции РФ обеспечивается не только статусом Конституционного Суда РФ как конституционного органа государственной власти, но, прежде всего, юридической природой и характером принимаемых им решений и содержащихся в них правовых позиций, которые — при всем разнообразии точек зрения на данную проблему — следует рассматривать в ка-

честве источников права — как конституционного, так и отраслевого¹.

Об уровне внимания со стороны Конституционного Суда РФ к вопросам равноправия и равенства наглядно свидетельствует значительное количество решений, принятых Судом, содержащих вывод о тех или иных формах и аспектах несоответствия обжалуемых норм конституционным требованиям равенства. При этом в процессе своей деятельности Суд сформулировал ряд основополагающих правовых позиций для уяснения существа конституционного принципа равноправия². Так, еще в Постановлении от 4 февраля 1992 года № 2-П Конституционный Суд указал, что дискриминация

---

¹ О природе самих по себе решений КС РФ и их соотношении с правовыми позициями КС РФ см., напр.: Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2017. С. 338–352; Алешкова И. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: правовая природа и формы их осуществления // Российский судья. 2013. № 8; Блохин П. Д. Проблема аналогии в конституционном судопроизводстве в контексте дискуссии о прецедентной природе решений Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4; Бондарь Н. С. Акты конституционного правосудия как межотраслевой источник практической юриспруденции // Вестник юридического факультета ЮФУ. Научно-практический журнал. 2014 № 1/1 (05); Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания. М.: Формула права, 2001; Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М.: Норма, 2005; Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 С. 81–85; Жилин Г. А. Значение решений Конституционного Суда Российской Федерации как источника гражданского и арбитражного процессуального права // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1; Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. 2-е изд. М., 2008; Маврин С. П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 6; Петров А. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Иркутск, 2012.

² См., напр.: Бондарь Н. С. Требования равенства и справедливости в измерении Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционные основы судебной власти: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 23 октября 2003 г.). М., 2004. С. 56–66; его же: Бондарь Н. С. Конституционное равенство — аксиологическая основа судебной защиты прав человека (из практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Вопросы защиты прав человека и гражданина органами конституционной юрисдикции в современных условиях: матер. междунар. конф., г. Ялта, 20–21 июня 2013 г. / Отв. ред. А. С. Головин. Киев: Логос, 2013. С. 68–89.

граждан не допускается не только по прямо указанным в Конституции, но и по другим признакам; Конституция не ограничивает перечень признаков, по которым исключается любая дискриминация граждан, а напротив, предполагает его дальнейшую конкретизацию как в законодательстве, так и в правоприменительной практике¹. Конституционный принцип равенства, носящий универсальный характер, оказывает, согласно решениям Конституционного Суда, регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона; соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания². Примечательно, что в одном из решений Конституционного Суда РФ сформулирована правовая позиция, согласно которой нормы статьи 19 (часть 2) Конституции РФ, по существу, являются нормами-принципами, реализуемыми в процессе осуществления конституционных прав гражданина³.

Конституционный принцип равенства рассматривается Конституционным Судом РФ как конституционный критерий оценки законодательного регулирования любых прав и свобод, но применимость данного принципа ко всем основным правам и свободам не исключает возможность его различного проявления: в отношении личных прав он означает преимущественно формальное равенство, в отношении же экономических и социальных прав формальное равенство может обернуться материальным неравенством⁴. Так, в одном из своих решений Конституционный Суд РФ указал, что исходя из конституционной свободы договора законодатель не вправе ограничиваться формальным признанием юридического

---

¹ См.: Постановление КС РСФСР от 4 февраля 1992 г. № 2 П-3 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 13. Ст. 669.

² См.: Постановление КС РФ от 11 мая 2017 года № 13-П // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 16.05.2017.

³ См.: Определение КС РФ от 1 октября 1997 года № 116-О // СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 530.

⁴ См.: Определение КС РФ от 2 февраля 2006 г. № 17-О // ВКС РФ. 2006. № 3.

равенства сторон и должен предоставлять определенные преимущества экономически слабой и зависимой стороне¹. В сфере обязательного пенсионного страхования принцип равенства, по мнению Конституционного Суда РФ, предполагает, что должна обеспечиваться соотносимость между страховыми взносами, уплаченными за застрахованное лицо, его заработной платой, на которую начислялись такие взносы, и размером трудовой пенсии². В Постановлении от 27 ноября 2009 г. № 18-П Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о праве детей умершего (погибшего) военнослужащего, проходившего военную службу по контракту, достигших 18 лет и обучающихся в иностранных образовательных учреждениях, на получение пенсии по случаю потери кормильца с направлением их на учебу на основании договора, заключенного в соответствии с международным договором РФ, особым образом оговорил значимость в этих отношениях принципа равенства независимо от места нахождения образовательного учреждения³. Суд указал, что принцип равенства означает обеспечение равных условий для реализации соответствующими лицами, относящимися к одной и той же категории (дети умершего (погибшего) военнослужащего), своих пенсионных прав вне зависимости от того, находится ли образовательное учреждение, в котором они обучаются, на территории РФ или за ее пределами.

При этом в Постановлении от 3 мая 1995 года № 4-П Суд пришел к выводу, что равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимости их учета законодателем; однако, это не должно приводить к ограничению прав и свобод, в отношении которых согласно Конституции РФ, такое ограничение недопустимо⁴. Конституционный Суд полагает, что соблюдение принципа равенства означает запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания; если же условия,

---

¹ См.: Постановление КС РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1254.

² См., например, Постановления КС РФ: от 24 февраля 1998 г. № 7-П // СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1242; от 23 декабря 1999 г. № 18-П // СЗ РФ. 2000. № 3. ст. 353; от 22 марта 2007 г. № 4-П // СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1742.

³ См.: Постановление КС РФ от 27 ноября 2009 г. № 18-П // СЗ РФ. 2009. № 49 (ч. 2). Ст. 6041.

⁴ См.: Постановление КС РФ от 3 мая 1995 года № 4-П // СЗ РФ. 1995. № 19. — Ст. 1764.

в которых находятся субъекты права, не являются равными, законодатель вправе устанавливать для них различный правовой статус; принцип равенства не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, и не исключает фактических различий и необходимость их учета законодателем; дифференциация правового регулирования, если она основана на объективных критериях, не может рассматриваться как нарушение принципа равенства, но критерии (признаки), лежащие в основе установления специальных норм, должны определяться исходя из преследуемой при этом цели дифференциации, т. е. сами критерии и правовые последствия дифференциации — должны быть сущностно взаимообусловлены¹.

Не является нарушением конституционного требования равенства всех перед законом наличие позитивной дискриминации, реализуемой путем установления льгот и преимуществ для определенных групп и категорий граждан, нуждающихся в социальной и правовой поддержке в целях преодоления несправедливого неравенства. Как отмечал Конституционный Суд РФ, конституционное равноправие не означает, что законодатель не вправе предусматривать льготы и компенсационные выплаты для отдельных категорий граждан, нуждающихся в государственной поддержке, таких как пенсионеры, инвалиды, участники войны, либо граждан, осуществляющих те или иные публичные функции. В соответствии с выработанной Конституционным Судом РФ позицией льгота — это не право, а средство, институт гарантирования в той или иной специфической ситуации (с учетом социально-демографических особенностей и физического состояния субъектов социальных прав, их территориальной принадлежности, например, к районам Крайнего Севера). Нормы, направленные на обеспечение повышенной социальной защиты определенной группы граждан, не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права граждан². С другой стороны, утрата, отмена льгот не означают отмены или

---

¹ См., например, Постановления КС РФ: от 24 мая 2001 г. № 8-П // СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 2276; от 3 июня 2004 г. № 11-П // СЗ РФ. 2004. № 24. Ст. 2476; от 15 июня 2006 г. № 6-П // СЗ РФ. 2006. № 26. ст. 2876; от 22 марта 2007 г. № 4-П // СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1742; от 5 апреля 2007 г. № 5-П // СЗ РФ. 2007. № 15. Ст. 1820; от 6 декабря 2012 г. № 31-П // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7571.

² См. Определения КС РФ: от 1 октября 1997 г. № 96-О; от 17 декабря 2009 г. № 1584-О-О; от 3 ноября 2009 г. № 1365-О-О; от 13 октября 2009 г. № 1125-О-О.

умаления конституционных прав, поскольку данный статус обеспечивал лишь льготный порядок реализации прав¹.

В целом, обширная практика конституционного правосудия свидетельствует о том, что не являются нарушением конституционного требования равенства всех перед законом наличие, так называемой, позитивной дискриминации, в отношении групп и категорий граждан, нуждающихся в адресной социальной и правовой поддержки. Как обоснованные исключения из принципа равенства всех перед законом и судом следует рассматривать положения о неприкосновенности некоторых специальных субъектов (Президента РФ, депутатов Государственной думы, членов Совета федерации, судей), так как такие исключения имеют публично-правовой характер и призваны служить публичным интересам².

В соответствии с Определением Конституционного Суда от 23 июня 2005 года № 227-О³ конституционный принцип равенства также не препятствует законодателю при осуществлении правового регулирования административного судопроизводства устанавливать различные правила подсудности дел, возникающих из публичных правоотношений, по заявлениям граждан и юридических лиц, учитывая специфику данной категории дел для осуществления судебной защиты своих нарушенных прав и законных интересов. Поскольку публичные правоотношения не предполагают равенство сторон в отношениях, одной из сторон которых выступает государство в лице его органов, должностных лиц, служащих, нормативное регулирование, предусматривающее подсудность данной категории дел по выбору истца-гражданина (альтернативная подсудность), направлено прежде всего на обеспечение гражданину реальной возможности воспользоваться своим правом на судебную защиту (статья 46, часть 1; статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации) и не может рассматриваться как нарушение конституционных прав юридического лица, которое не лишено возможности подать соответствующее заявление в суд с соблюдением общих правил подсудности гражданских дел, установленных процессуальным законом.

---

¹ См., например, Определения КС РФ: от 15 июля 2004 г. № 298-О; от 20 октября 2005 г. № 361-О; от 21 апреля 2011 г. № 545-О-О.

² См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011. С. 496–497.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2005 года № 227-О.

Таким образом, конституционный принцип равноправия является универсальным и находит многоуровневое закрепление. При этом он включает в себя множество нормативных требований и форм проявления, перечень которых имеет открытый характер (например, ч. 1,3 ст. 5, ч. 2 ст. 6, ч. 2 ст. 19, ч. 3 ст. 123 Конституции). Это позволяет сделать вывод, что конституционные основы равноправия граждан РФ — в объективном смысле — представляют собой совокупность институтов, обеспечивающих *режим равноправия* граждан РФ как определенный порядок взаимоотношений человека с обществом и государством. Таким образом, режим равноправия — это категория социально-правовая, адекватно выражающаяся не только на уровне правовых явлений, но прежде всего «в реально существующих и получающих последующее правовое закрепление фактических общественных отношениях». В свою очередь, конституционное регулирование соответствующих отношений может быть охарактеризовано как полиструктурное и многоплановое, что обеспечивается правовым воздействием на них достаточно широким комплексом конституционных институтов равноправия¹.

Основополагающими императивами принципа равноправия являются требования равенства всех перед законом и равенства всех перед судом.

Содержание конституционного требования *равенства всех перед законом* необходимо определять с учетом того обстоятельства, что в Конституции РФ придается ему самостоятельное нормативно-правовое значение, и эта формула не тождественна «равноправию граждан». Требование равенства всех перед законом означает, с одной стороны, запретительный аспект достижения равноправия, когда равное отношение всех членов общества к закону должно исключать саму возможность существования в законодательных актах каких-либо норм дискриминационного характера. Они решительно запрещаются как незаконные, неконституционные. В этом плане конституционное требование равенства всех перед законом должно пониматься прежде всего, как мера (требование) антидискриминационного характера. А дискриминация — это всякое различие, исключение или предпочтение, основанное на признаках расы, пола, религии, политических убеждениях, национальной принадлежности или социальном про-

---

¹ См.: Бондарь Н. С. Указ. соч. С. 483.

исхождении, и имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства правовых возможностей человека и гражданина в различных сферах его общественной и личной жизни. С другой стороны, с антидискриминационным характером равенства перед законом тесно связана также правоохранительная направленность данного требования. Из него вытекает, в частности, право на равную для всех защиту закона. Равенство перед судом предполагает, как отмечается в литературе, осуществление правосудия на началах равенства участников процесса независимо от каких-либо признаков и критериев, равенство в доступе к правосудию, применении судом норм материального и процессуального права к сторонам процесса на всех стадиях¹.

Вместе с тем конституционное содержание равенства всех перед законом в Российской Федерации содержит не только антидискриминационный (запретительный) и правоохранительный аспекты, но и представительно-обязывающей (позитивный) уровень проявления равноправия. Ведь в правовом государстве равенство должно быть не только по отношению к запретам закона, но и на основе положительного действия всей системы законодательных актов, в процессе их реализации в повседневной жизни человека. Поэтому конституционное требование равенства всех перед законом в позитивном, представительно-обязывающем смысле включает: а) закрепление за всеми гражданами равного объема прав и свобод во всех сферах жизни; б) закрепление равных для всех граждан возможностей реализации соответствующих прав и свобод, включая равный, одинаковый процессуальный порядок их осуществления; в) закрепление равенства в способах защиты, а также восстановления нарушенных прав и свобод; г) равенство для всех граждан юридических обязанностей и закрепление в законодательстве равных, одинаковых для всех оснований юридической ответственности.

Равноправие же характеризует самих граждан как субъектов права, их правовое положение в обществе, т. е. идет прямое указание на равный правовой статус. Равноправие означает равенство объема юридических возможностей. Итак, нормативное содержание принципа равноправия сводится к *равным возможностям* или,

---

¹ См.: Россошанский А. А. Конституционный принцип равенства перед судом: реализация в арбитражном судопроизводстве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 8.

по-иному, к *равным стартовым условиям*, которые представляют собой необходимые предпосылки, процедуры для осуществления тех прав, которые закреплены в Конституции РФ. В основе равенства возможностей заложены предпосылки осуществления фактического равенства в виде равных прав и возложения одинакового объема обязанностей.

Нормативное содержание требования *равенства всех перед судом* в обобщенном виде можно свести к следующему:

а) наличие единой, одинаковой для всех судебной системы, обеспечивающей каждому человеку, независимо от происхождения, имущественного и должностного положения или каких бы то ни было иных обстоятельств, справедливое и гласное разбирательство дела компетентным, независимым судом;

б) равное для всех применение судом норм материального и процессуального права;

в) права и обязанности участвующих в процессе лиц определяются лишь процессуальным положением, а не какими-либо иными обстоятельствами личного, имущественного, политического или иного характера.

Конституционный принцип равноправия является важнейшей составляющей, опорной конструкцией конституционного статуса личности, на основе и в рамках которого возникают, развиваются и функционируют иные принципы и начала правового статуса личности, включая состязательность и равноправие сторон как конституционный принцип судопроизводства.

1.2. СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И РАВНОПРАВИЕ СТОРОН: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КАК ЕДИНОГО ИЛИ ДВУХ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ?

Закрепленные в конституционных нормах цели и принципы российского правосудия универсальны и являются исходным началом для определения его сущности вне зависимости от процессуальных форм осуществления судебной власти. Вместе с тем каждый принцип, закрепленный в судебном-процессуальном законодательстве, в конечном счете, представляет (в правовом государстве должен представлять) нормативную конкретизацию положений Конституции РФ.

Одним из важнейших конституционно признанных принципов организации и функционирования судопроизводства, а также правового позиционирования личности в судопроизводственных отношениях является принцип состязательности и равноправия сторон, предусмотренный в части 3 статьи 123 Конституции РФ и имеющий — как это следует из системного толкования названного конституционного положения с нормами части 2 статьи 118 Конституции РФ — императивное нормативное значение, в том числе и для гражданского судопроизводства.

В силу масштабности скрывающегося за самим по себе термином явления в процессуальной литературе состязательность как таковая понимается различным образом: так, высказаны подходы к состязательности как наименованию одного из идеальных типов процесса¹; сущность, основная идея судебного процесса²; правовой режим судопроизводства (основанного на принципах процесса) и одновременно фундаментальный принцип судебного процесса³; принцип организации процессуальной деятельности, обуславливающий ее состязательную форму⁴; способ разрешения судом наиболее значимых юридических вопросов, спорной ситуации, конфликта⁵.

Подходы к состязательности как принципу гражданского судопроизводства также существенно отличаются и располагаются в диапазоне от «узкого» истолкования понятия состязательности (основанного на позиции Европейского Суда по правам человека, согласно которой, в частности в уголовном процессе, «право на состязательный процесс в уголовном деле означает, что как обвинению, так и защите должна быть дана возможность знать и комментировать поданные заявления и представленные доказательства другой

---

¹ Смирнов А. В. Состязательный процесс СПб.: Альфа, 2001. С. 18; Козьявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

² Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб.: Юридический центр Пресс. 2005. С. 36.

³ Егоров А. Ю. Состязательность в стадии назначения судебного заседания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 13.

⁴ Кузнецова О. Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде I инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004. С. 8, 12.

⁵ Кузнецова С. М. Следователь в состязательном досудебном производстве по уголовному делу: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2005. С. 12.

стороны») ¹, до толкования настолько «широкого», что принцип состязательности поглощает все прочие принципы судебного процесса, кроме принципа законности, который, по мнению сторонников данной позиции, призван обеспечивать охрану состязательной сущности уголовного процесса ².

Т. Г. Морщакова справедливо отмечает, что в части третьей статьи 123 Конституции Российской Федерации говорится о состязательном построении процесса как о процессуальном общеотраслевом принципе, действующем и во всех видах судопроизводства, как они перечислены в ч. 2 ст. 118 Конституции, и во всех его стадиях ³.

Поскольку конституционная формула статьи 123 (часть 3) содержит два концепта — «состязательность» и «равноправие сторон», то в литературе дискутируется также вопрос о том, закрепляет ли данная конституционная норма один принцип или всё же два разных.

Большинством авторов трактуют состязательность и равноправие в единстве и неделимости ввиду их органической взаимосвязи и взаимообусловленности, отмечая, что положение о состязательности в судопроизводстве и равноправии участвующих в нем сторон сформулировано как его общий и самостоятельный принцип ⁴.

Г. Д. Садовникова считает принцип состязательности одним из демократических принципов судопроизводства, обеспечивающих равенство сторон в судебном процессе, а его содержание демонстрирует через призму отраслевого процессуального законодательства: в соответствии с УПК в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их

---

¹ См., например: Постановление ЕСПЧ по делу «Оджалан против Турции» от 12.05.2005 г.

² См.: Пикалов И. А. Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 58, 62–63.

³ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011 (автор комм. к ч. 3 ст. 123. Т. Г. Морщакова).

⁴ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011 (автор комм. к ч. 3 ст. 123. Т. Г. Морщакова).

исследовании, выступление в судебных прениях, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства; ГПК гарантирует сторонам соблюдение принципа состязательности и равные права в гражданском процессе¹.

Вместе с тем, в конституционно-правовой литературе предложен новый подход, выражающийся в обосновании научной и практической целесообразности рассмотрения состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) в качестве дифференцированных принципов отечественного судопроизводства. По мнению А. Д. Хлебникова, «равноправие сторон судопроизводства воплощает материальные предпосылки обеспечения равных возможностей для участия сторон в судопроизводстве, состязательность выступает формой реализации данных возможностей, процессуальным механизмом достижения целей и разрешения задач судопроизводства; равноправие сторон фиксирует равенство возможностей при состязательной форме; принцип состязательности предполагает разделение процессуальных функций сторон и суда, активное положение сторон, отстаивающих свои правовые позиции в надлежащих юридических формах, а принцип равноправия — реальные возможности сторон судопроизводства пользоваться соответствующими их статусу процессуальными правами в условиях, когда суд своими действиями не допускает преимущественного положения и умаления юридического и фактического положения сторон»².

Позиции разграничения данных принципов и вложения в них самостоятельного смыслового содержания придерживается ряд авторов комментариев к Конституции Российской Федерации. Так, Л. Ю. Грудцына считает, что принцип процессуального равноправия сторон представляет собой такое правило, в соответствии с которым соответствующим (уголовным, арбитражным, гражданским, административным) процессуальным законодательством обеспечивается равенство участвующих в деле лиц при обращении в суд, в предоставлении равных возможностей использования процессу-

---

¹ Садовникова Г. Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (по-статейный). 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006.

² Хлебников А. Д. Конституционные принципы состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве: особенности юридического содержания и реализации в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.02. Белгород, 2012. С. 7–8, 13–14.

альных средств защиты своих интересов в суде. Принцип состязательности, по её мнению, представляет собой правило, по которому заинтересованные в исходе дела лица вправе отстаивать свою правоту в споре путем представления доказательств, участия в исследовании доказательств, представленных другими лицами, путем высказывания своего мнения по всем вопросам, подлежащим рассмотрению в судебном заседании. Стороны состязаются перед судом, убеждая суд при помощи различных доказательств в своей правоте в споре¹.

Е. Ю. Бархатова также полагает, ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации закрепляет два принципа. По её мнению, принцип состязательности, как один из основополагающих принципов процессуального права, создает благоприятные условия для выяснения всех имеющих существенное значение для дела обстоятельств и вынесения судом обоснованного решения; в силу принципа состязательности «стороны, другие участвующие в деле лица, если они желают добиться для себя либо лиц, в защиту прав которых предъявлен иск, наиболее благоприятного решения, обязаны сообщить суду имеющие существенное значение для дела юридические факты, указать или представить суду доказательства, подтверждающие или опровергающие эти факты, а также совершить иные предусмотренные законом процессуальные действия, направленные на то, чтобы убедить суд в своей правоте», а «в соответствии с принципом процессуального равноправия стороны пользуются равными процессуальными правами. Закон предоставляет истцу и ответчику равные процессуальные возможности по защите своих прав и охраняемых законом интересов в суде. Стороны, независимо от того, являются ли они гражданами или организациями, наделяются равными процессуальными правами. Какие-либо юридические преимущества одной стороны перед другой в гражданском процессе исключаются»².

---

¹ Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. 688 с. (автор комм. к ст. 123 – Л. Ю. Грудцына).

² Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 272 с. Заметим, что данный автор в своем понимании данных принципов опирается исключительно на гражданское процессуальное законодательство.

В соответствии со ст. 19 Конституции РФ все равны перед законом и судом. Принцип равенства всех перед законом и судом и тесно связанный с ним принцип состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) означают, как справедливо указывается в научной литературе¹, недопустимость установления в судопроизводстве каких-либо различий, ограничений или предпочтений по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного или должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также к другим обстоятельствам, которые приводят к уничтожению или нарушению равенства сторон при осуществлении правосудия. Обязанностью государства является установление правил судопроизводства, обеспечивающих равный доступ к правосудию, в том числе лиц, не владеющих языком официального судопроизводства и не имеющих материальной возможности получить юридическую помощь и т. п.

Что же касается нормативного содержания принципа состязательности, то его анализ также имеет различные подходы. И. Я. Фойницкий, немецкий ученый К. Биркмайер и другие указывали, например, на такие черты состязательного процесса, как: наличие сторон, их равенство и освобождение суда от процессуальных функций сторон². Острота и продолжительный характер научных дискуссий в процессуальной литературе по поводу принципа состязательности объясняется еще и тем, что остаются не ясными пределы его действия: возникает, например, вопрос о необходимости распространения конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, на основе которого осуществляется судопроизводство в Российской Федерации (статья 123, часть 3, Конституции РФ), не только на судебные стадии процесса, но и на досудебные. Потребность решения данного вопроса вызвало целую серию диссертаций, а также монографий и научных статей, посвященных проблемам реализации принципа состязательности на досудеб-

---

¹ См.: Правосудие в современном мире: монография / Под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012. (автор § 4 гл. 12 — В. И. Анишина).

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. С. 63–64; Birkmeyer K. Das Deutsche Strafprozessrecht. Berlin, 1898). Однако последний признак все же точнее, в взгляд А. В. Смирнова, выводить из независимости суда как более общего положения (Смирнов А. В. Состязательный процесс. С. 19).

ных стадиях процесса.¹ Суть данного вопроса заключается в том, имеет ли место в досудебных стадиях состязание сторон; если да, то кто является участниками данного состязания и перед кем оно проходит. Ведь в досудебном производстве суд, как орган, в чьем производстве находится дело, отсутствует, поскольку уголовное дело находится в производстве следователя (дознавателя), а потому само по себе состязание независимых сторон перед арбитром — судом — теоретически состояться не может. Очевидно, что наиболее полно состязательность сторон как принцип реализуется в судебном производстве, в досудебном же он действует в определенных, ограниченных пределах.

Одновременно еще раз важно подчеркнуть, что часть 3 статьи 123 Конституции РФ устанавливает единый с точки зрения своего нормативно-правового содержания конституционный принцип судопроизводства, что имеет объективное основание в фактических общественных отношениях по поводу разрешения юридических конфликтов в рамках судопроизводственной формы защиты права, которым и предопределяются характер и содержание соответствующего конституционного регулирования, хотя, как отмечалось, и в научной литературе,² и в правоприменительной практике указанное конституционное положение нередко воспринимается по-иному, как фиксирующее два самостоятельных конституци-

---

¹ См., напр.: Машовец А. О. Принцип состязательности и его реализация в предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994; Дадонов С. В. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Митрофанова Е. В. Действие принципа состязательности сторон в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004; Резепкин А. М. Элементы состязательности в российском досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2005; Бусыгин А. Ю. Действие принципа состязательности на досудебном производстве в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009; Дутов Н. Ю. Процессуальные функции следователя в состязательном уголовном процессе и особенности их реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012.

² См. об этом, например: Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М. К. Треушников. М.: Городец-издат, 2003; Клеандров М. И. Арбитражный процесс: учебник. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003; Овсянников И. В. О категориях «не доказанности» и «доказанности» виновности в уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. № 3–4, 1999. С. 103; Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М. Юристъ, 2003; Папелешвили Г. Н. Соотношение конституционных принципов состязательности и равноправия сторон в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. № 12 (132). 2015. С. 108–110; Чечина Н. А. Понятие и система принципов гражданского процессуального права / Гражданский процесс: учебник. М., 2000.

онных принципа. В этой связи обращает на себя внимание практика Конституционного Суда РФ, который, разрешая те или иные вопросы, связанные с осуществлением гражданского и арбитражного процессов, различным образом, но без какого бы то ни было специального пояснения, раскрывал содержание части 3 статьи 123 Конституции — и как содержащую конституционный принцип состязательности и равноправия сторон¹, и как предусматривающую конституционные принципы состязательности и равноправия сторон². А в Определении от 20 декабря 2001 года № 305-О Суд квалифицировал соответствующее конституционное положение в качестве содержащего единый конституционный принцип (абзац второй пункта 3 мотивировочной части) и, одновременно, два самостоятельных конституционных принципа (абзац второй пункта 2 мотивировочной части)³.

Вместе с тем разграничение, а тем более сущностное обособление состязательности и равноправия сторон, как представляется, не только расходится с конституционным регулированием судопроизводственных отношений, но и противоречит объективно наличествующим глубинным взаимосвязям между данными юридическими явлениями, которые имея свои специфические квалификационные оттенки в рамках отраслевых гражданских и арбитражных процессуальных отношений, на конституционном уровне составляют сложное, многоаспектное, но единое образование, заключающее в себе системно целостный набор императивных требований к организации и функционированию гражданского судопроизводства, а также к правовому положению лиц, участвующих в рассмотрении судебных дел.

---

¹ См., например: Постановление КС РФ от 27 марта 1996 года № 8-П // СЗ РФ. 1996. № 15. Ст. 1768; Постановление КС РФ от 14 апреля 1999 года № 6-П // СЗ РФ. 1999. № 16. Ст. 2080; Определение КС РФ от 12 марта 1998 года № 31-О; Определение КС РФ от 20 февраля 2003 года № 39-О; Определение КС РФ от 12 мая 2005 года № 244-О // СЗ РФ. 2005. № 32. Ст. 3396; Определение КС РФ от 2 марта 2006 года № 22-О // СЗ РФ. 2006. № 15. Ст. 1643; Определение КС РФ от 8 декабря 2011 г. № 1627-О-О; Определение КС РФ от 25 октября 2016 г. № 2209-О.

² См., например: Постановление КС РФ от 14 февраля 2002 года № 4-П // СЗ РФ. 2002. № 8. Ст. 894; Постановление КС РФ от 16 июля 2004 года № 15-П // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3282; Определение КС РФ от 14 декабря 2000 года № 269-О // Вестник КС РФ. 2001. № 2; Определение КС РФ от 16 октября 2001 года № 210-О; Определение КС РФ от 13 июня 2002 года № 166-О; Определение КС РФ от 18 января 2005 года № 130-О; Определение КС РФ от 25 октября 2016 г. N 2300-О; Определение КС РФ от 4 апреля 2017 г. № 698-О.

³ См.: Определение КС РФ от 20 декабря 2001 года № 305-О 1.

Прежде всего, это связано с тем, что принцип состязательности и равноправия сторон по своей юридической природе является цельным функциональным, организационным, статусным проявлением универсального конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, находясь по отношению к нему в субординационном положении, что, однако, несмотря на столь тесные системные взаимосвязи, не исключает самостоятельного значения и собственных уровней реализации принципов равноправия, с одной стороны, и принципа состязательности и равноправия сторон, с другой. Такая конституционная обособленность названных принципов получает свое отражение, в частности, в их закреплении в разноструктурных частях Конституции РФ — в главе 2 (ст. 19, ч. 2) и в главе 7 (ст. 123, ч. 3).

Конституционный принцип равноправия — как это было показано выше — является значимым во всех сферах государственной и общественной жизни, требуя равного отношения к равным субъектам и не допуская необоснованной дифференциации. Это означает, что конституционное равноправие предполагает, в том числе, признание, по общему правилу, равнозначными, одинаково важными и ценными с юридической точки зрения, имеющих одну и ту же целевую направленность материальных интересов разных субъектов права, реализация которых, однако, зависит от объективных особенностей носителей соответствующих интересов, включая их интенцию и уровень активности при достижении желаемого правового результата. Равная значимость соответствующих материальных интересов предопределяет необходимость обеспечения их равной правовой защиты. На уровне конституционного опосредования это выражается в сопряжении принципов равенства всех перед законом и равенства всех перед судом. При этом, поскольку субъекты гражданских прав и обязанностей, будучи автономными, независимыми и равноправными участниками свободного обмена действуют своей волей и в своем интересе, самостоятельно реализуя очерченную Конституцией РФ и конкретизирующим ее нормативные положения текущим законодательством степень социально-экономической свободы (в частности, ст.ст. 1 (ч. 1), 2, 8, 17, 18, 34, 35 и 37 (ч. 1) Конституции РФ, ст.ст. 1 (ч. 1 и 2) и 9 ГК РФ), они вправе исходя из собственного усмотрения, руководствуясь присутствующими им представлениями о содержании и ценности тех или иных

экономических и социальных благ, принимать решения об участии, а равно и об отказе от участия, в достижении конкретного правового результата, связанного с пользованием тем или иным социальным или экономическим благом. Из этого следует, что процессуальные, в том числе судебные-процессуальные отношения, по поводу защиты материальных интересов указанных субъектов, как правило, возникают, развиваются и прекращаются по их инициативе.

Вместе с тем в судебном процессе материально-правовые интересы сторон не совпадают, являются противоположными. Истец стремится убедить суд как орган правосудия, уполномоченный на разрешение споров о праве и принятие по ним обязательных решений, в обоснованности собственной юридической интерпретации фактических отношений, сложившихся по поводу интересующего его социального или экономического блага, и законности — в рамках данной интерпретации — его правопритязаний на обладание (пользование) тем или иным благом, предопределившим предмет спора. Ответчик же преследует цель защиты своих субъективных прав и интересов от необоснованных, с его точки зрения, притязаний истца путем обоснования возражений против них, добиваясь вынесения решения об отказе в иске. Поскольку неудовлетворенность интересов побуждает стороны к совершению активных действий в рамках процессуальной формы защиты права, стороны, как носители конкретных материальных интересов, наиболее осведомленные о фактической стороне своего юридического положения в отношениях с другими лицами, должны располагать реальной возможностью на равных основаниях и равными средствами представить суду свою позицию по делу и выдвинуть контраргументы к позиции противоположной стороны, а также возможность соответственно с собственными интересами продолжить либо прекратить судебное разбирательство.

Данный подход коррелирует правовым позициям Конституционного Суда РФ, сформулированным им в ряде решений, включая Постановление от 16 июля 2004 года № 15-П¹, в котором Суд указал следующее. Природой прав, возникающих из гражданских правоотношений, материальных по своей сути, обусловлено диспозитивное начало гражданского судопроизводства, в том числе в арбитраж-

---

¹ См.: Постановление КС РФ от 16 июля 2004 года № 15-П // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3282.

ных судах, к компетенции которых в соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции РФ и конкретизирующими их нормами АПК РФ (глава 4) относится рассмотрение в порядке искового производства возникающих из гражданских правоотношений экономических споров и иных дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Принцип диспозитивности, нашедший выражение в АПК РФ, в совокупности с другими принципами арбитражного процесса, в том числе равенством всех перед законом и судом, состязательностью и равноправием сторон, выражает цели правосудия по делам, отнесенным к компетенции арбитражных судов, прежде всего конституционную цель защиты прав и свобод человека и гражданина (статья 2; статья 17, часть 1; статья 18 Конституции РФ). Диспозитивность применительно к производству в арбитражном суде означает, что арбитражные процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорных материальных правоотношений, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом. Отступление от принципа диспозитивности возможно, лишь если ограничения, установленные федеральным законодателем, продиктованы конституционно значимыми целями (статья 55, часть 3, Конституции РФ). Если же законодатель отступает от принципа диспозитивности, не имея на то конституционных оснований, происходит нарушение, в том числе, конституционных принципов равноправия и состязательности и равноправия сторон. Конституционный Суд пришел к выводу, что часть 5 статьи 59 АПК РФ в системной связи с пунктом 4 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» позволяющая организации выбирать представителя, не состоящего в ее штате, лишь из числа адвокатов и исключая право работников организаций и частнопрактикующих юристов, предмет деятельности которых является оказание юридической помощи, выступать в арбитражном суде по соглашению с другими организациями в качестве их представителей, в действующей системе правового регулирования необоснованно сужает диспозитивные начала в арбитражном процессе и не соответствует статьям 19 (части 1 и 2), 46 (часть 1), 55 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции РФ.

Следовательно, равноправие, лежащее в основе материальных правоотношений между субъектами гражданских прав и обязанностей, и обуславливающее их диспозитивный характер, требует своего адекватного судебно-процессуального выражения с целью обеспечения равной юрисдикционной защиты прав и свобод граждан с противоположными материально-правовыми интересами, которым является состязательное судопроизводство¹, основанное на процессуальном равноправии сторон.

Таким образом, характеристика состязательности и равноправия сторон как единого конституционного принципа определяется с точки зрения его юридической природы единством материальных и процессуальных начал: равноправие сторон воплощает, в своей основе, материальные предпосылки обеспечения равных возможностей для участия сторон в судопроизводстве; состязательность — прежде всего форма реализации данных возможностей, своего рода процессуальный механизм достижения целей и разрешения задач судопроизводства.

На этом основано нормативное взаимопроникновение состязательности и равноправия сторон: с одной стороны, судопроизводство должно проходить в состязательной форме при равенстве участников; с другой, состязательность по своей природе подразумевает равенство сторон. Поэтому на уровне процессуальной деятельности сущностные характеристики принципа состязательности и равноправия сторон выражаются в том, что состязательность как важнейшая качественная характеристика современного демократического судебного процесса одновременно характеризует и взаимное положение субъектов (сторон), и их процессуальное равенство.

Важное значение для понимания юридической природы состязательности и равноправия сторон как принципа судопроизводства имеет выявление особенностей соотношения конституционных и процессуально-отраслевых начал при закреплении данного требования, что предполагает определение параметров воздействия конституционного регулирования на содержание отраслевых судопроизводственных отношений, а также осмысление сформированных в научной литературе подходов к определению содержания назван-

---

¹ См.: Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1982. С. 122.

ного конституционного принципа, в том числе — как принципа организации гражданского судопроизводства.

Воздействие конституционного принципа состязательности и равноправия сторон на отраслевые судопроизводственные отношения определяется в своей основе двумя обстоятельствами, связанными, во-первых, с юридическими свойствами самой Конституции РФ как учредительного акта, являющегося основой и ядром правовой системы¹, и предопределяющего, таким образом, принципы нормотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности, в том числе в сфере гражданского судопроизводства, а, во-вторых, с особенностями его конституционного закрепления.

Конституционное закрепление принципа состязательности и равноправия сторон предполагает признание его основополагающей, наиболее значимой нормой, являющейся безусловным основанием для осуществления федеральным законодателем правового регулирования по его конкретизации в отраслевых правоотношениях, для осуществления судом и иными правоприменительными органами деятельности по обеспечению реализации его нормативного содержания в конкретных правоотношениях, для непосредственного обращения заинтересованных субъектов к соответствующему конституционному положению в целях защиты своих материальных и процессуальных прав.

При этом нормативное положение части 3 статьи 123 Конституции РФ проявляет свое регулятивное значение в системном единстве с иными конституционными принципами и нормами, прямо

---

¹ См. об этом, например: Авакьян С. А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. № 11; Бондарь Н. С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления (к 20-летию юбилею) // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6; Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма; Инфра-М, 2011; Кашкин С. Ю. Переосмысление сущности конституции и основные тенденции развития права Европейского Союза // Журнал российского права. 2003. № 4; Невинский В. В. Конституция Российской Федерации: испытание мировым опытом // Журнал российского права. 2003. № 11; Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Конституция как аксиоматическая система // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5; Фарбер И. Е. Юридические свойства Советской Конституции // XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы советской юридической науки и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982; Шустров Д. Г. Учредительная функция конституции // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9; Эбзеев Б. С. Сущность Конституции Российской Федерации // Конституция и законодательство. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. М. 2004.

или косвенно воздействующими на организацию и порядок функционирования судопроизводства, а также на юридический статус лиц, участвующих в разбирательстве дел¹.

Так, ст. 10 Конституции РФ устанавливает разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, определяя на принципиальном уровне роль суда в гражданском и арбитражном процессе — как органа, призванного разрешить спор о праве, не могущего подменять собой стороны и иных участников процесса. Статья 18 Конституции РФ объявляет права и свободы человека и гражданина непосредственно действующими и обязывает к их обеспечению правосудием, что, в свою очередь, обязывает суд в рамках конкретного дела организовывать процесс таким образом, чтобы обеспечить эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина посредством создания надлежащих условий для полноценной реализации сторонами права на справедливое судебное разбирательство в условиях состязательности и равноправия. Часть 2 ст. 26 Конституции РФ закрепляет право каждого на пользование родным языком, что предполагает, в частности, обеспечению лицу, участвующему в судебном разбирательстве, возможности давать объяснения, заключения, выступать, заявлять ходатайства, подавать жалобы на родном языке или на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчику, без чего состязательный процесс, основанный на равенстве сторон, немыслим. Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а ч. 2 ст. 50 Конституции РФ запрещает использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Это означает, что лица, участвующие в деле, должны использовать лишь законные средства для формирования своей правовой позиции по делу и представления ее суду; состязательность должна быть подчинена закону. Важное значение для определения содержания состязательности гражданского судопроизводства имеет норма ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, в соответствии с которой никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определя-

---

¹ См.: Жилин Г. А. Конституция Российской Федерации как источник гражданского и арбитражного процессуального права // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3; Фархутдинов Я. Ф. Конституция Российской Федерации — источник гражданского процессуального права // Вестник ТИСБИ. 2003. № 3.

ется федеральным законом. Данное конституционное положение предполагает, в частности, недопустимость принуждения стороны в процессе к предоставлению суду большего объема информации, чем это необходимо для защиты ее интересов.

Не менее важное значение для полноценной реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон имеют также положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, включающей в состав национальной правовой системы общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации и устанавливающей для них приоритет перед нормами национального отраслевого законодательства, а также положения ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина — в том числе, соответственно и право на судебную защиту, реализуемое в предусмотренной частью 3 статьи 123 Конституции РФ форме, — признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права в соответствии с настоящей Конституцией РФ. Это предполагает, что нормативное содержание части 3 статьи 123 Конституции РФ конкретизируется и действующим международным правом как непосредственно, так и посредством имплементации в отраслевое законодательство¹, но, подчеркнем, лишь в той мере, в какой его нормы не противоречат положениям Конституции РФ².

В этой связи напомним, что в декабре 2015 года Конституционный Суд Российской Федерации был законодательно наделен полномочиями по рассмотрению дел о возможности исполнения решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека³. Указанное полномочие Конституционного суда послу-

---

¹ См. об этом, например: Винникова Р. В. Имплементация норм международного права в арбитражном процессе Российской Федерации. Автореф. дисс. ... к. ю.н. Казань. 2003.

² См. об этом, например: Зарубаева Е. Ю. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России. Автореф. дисс. ... к. ю.н. М. 2003; Хижняк В. С. Конституционно-правовой механизм взаимодействия внутрисударственного права Российской Федерации и международного права. Автореф. дисс. ... д. ю.н. Саратов. 2004; Ярмухаметова Г. З. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации как источники конституционного права России. Автореф. дисс. ... к. ю.н. Челябинск. 2005.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

жило началом для вынесения ряда решений в которых Конституционный Суд РФ заявил о невозможности исполнения отдельных решений Европейского Суда по правам человека¹. Также очень важной в концептуальном и научно-теоретическом плане в этой связи представляется позиция Конституционного Суда РФ по делу о применимости решений ЕСПЧ на территории Российской Федерации². Обобщенная позиция Конституционного Суда РФ состоит в следующем: «В основе Конституции Российской Федерации и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод лежат общие базовые ценности. Исходя из этого, в подавляющем большинстве случаев коллизии между двумя документами не возникают вовсе. Однако подобный конфликт возможен, если ЕСПЧ даст трактовку Конвенции, противоречащую Конституции РФ. В такой ситуации, в силу верховенства Основного Закона, Россия будет вынуждена отказаться от буквального следования постановлению Страсбургского суда»³.

Указанные обстоятельства, однако, не принижают важности исследования практики Европейского Суда по правам человека, касающейся соответствующих вопросов, как имеющей прецедентное значение в процессе реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон⁴. За время своей деятельности Европейский Суд по правам человека неоднократно обращался к тем или иным аспектам принципа состязательности и равноправия сторон, сформулировав при этом следующие основополагающие подходы к определению его содержания.

Прежде всего, анализ практики Суда свидетельствует, что состязательность рассматривается им с точки зрения равенства

---

¹ См.: Постановление КС РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480; Постановление КС РФ от 19 января 2017 года № 1-П // СЗ РФ. 2017. № 5. Ст. 866.

² См.: Постановление КС РФ от 14 июля 2015 года № 21-П // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

³ Официальный сайт КС РФ // www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3244.

⁴ См., например: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия. М. 1998; Канашевский В. А. Прецедентная практика Европейского Суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 4; Терехова Л. А. Книга Микеле де Сальвиа «Прецеденты Европейского Суда по правам человека»: впечатления процессуалиста // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 12.

в выборе приемов и средств в судебном разбирательстве¹. При этом Суд исходит из того, что состязательность и равноправие представляют собой конвенционное требование целостного характера, что достигается их вхождением в состав более широкого понятия справедливое судебное разбирательство². Так, в Постановлении от 9 декабря 1994 года³, суд напомнил, что в отношении споров о гражданских правах и обязанностях он сформулировал в своей практике требование состязательности и равенства сторон, которое — как это следует из содержания решения — означает, что в судебных процессах, где сталкиваются противоположные частные интересы, каждая сторона должна иметь разумную возможность представить свое дело в условиях, в которых ни одна из сторон не имеет явного преимущества⁴. Суд полагает также, что данный принцип включает в себя то, что обе стороны в судебном разбирательстве имеют возможность доступа к информации о фактах и аргументации, выдвигаемых противоположной стороной и что стороны должны иметь одинаковые возможности возражений другой стороне⁵. Как указал Суд в Постановлении от 20 февраля 1996 года, принцип состязательности означает, что стороны в уголовном или гражданском процессе вправе знакомиться со всеми доказательствами или замечаниями, приобщенными к делу, комментировать их⁶. Причем, Европейский Суд полагает, что сложности в порядке отправления правосудия не могут

---

¹ См. об этом подробнее: Моул Н., Харби К., Алексеева Л. Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6 Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М.: Изд-во РАП. 2001.

² См., например: Neumeister, 22; Ruiz-Mateos, 63; Delcourt, 28 // Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб.: Юридический центр Пресс. 2004. С. 390.

³ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 декабря 1994 года по делу «Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» и Стратис Андреадис против Греции» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 54–68.

⁴ См. также: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 февраля 1997 года // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М.: Норма. 2000. С. 391–402.

⁵ См.: Лукайдес Л. Г. Справедливое судебное разбирательство // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 11.

⁶ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 февраля 1996 года по делу «Вермюлен против Бельгии» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 174–181.

служить оправданием вмешательства в основополагающее право на состязательный процесс¹.

Вместе с тем, закрепляя принцип состязательности и равноправия сторон, Конституция РФ не предусматривает какой-либо конкретный механизм реализации соответствующей правовой нормы, непосредственно не определяет содержание процессуальных прав и обязанностей субъектов гражданского или уголовного судопроизводства в рамках реализации данного принципа, не раскрывает сущность и содержание принципа состязательности и равноправия сторон, равно как и не устанавливает какой-либо определенный порядок судебного доказывания, порядок использования доказательств и процедуру доказывания², что оставляет достаточно широкую свободу усмотрения федеральному законодателю для конкретизации указанного конституционного положения и, соответственно, увеличивает степень воздействия отраслевого правового регулирования на реализацию части 3 статьи 123 Конституции РФ. В частности, присутствие конституционных начал во всей системе процессуально-отраслевого регулирования состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве не исключает дискрецию законодателя в выборе вариантов законодательного закрепления требований состязательности и равноправия сторон с точки зрения степени детализации, в том числе — посредством «расчленения» состязательности, с одной стороны, и равноправия сторон, с другой, на самостоятельные процессуально-отраслевые принципы, как это имеет место в АПК РФ (ст. 8 и 9).

Отраслевая конкретизация конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, однако, не может быть произвольной, должна быть подчинена объективно сложившимся общественным отношениям по поводу осуществления справедливой судебной прав и свобод человека и гражданина, иметь в своей основе сформированные на базе такой практики и с учетом закономерностей исторического развития гражданского судопроизводства научные подходы к пониманию сути состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве.

---

¹ См.: URL: http://rrpoi.narod.ru/echr/another_3/kress.htm.

² Такой правовой позиции придерживается и Конституционный Суд РФ. См., например: Определение КС РФ от 12 июля 2005 года № 315-О.

Под состязательностью судопроизводства традиционно понимается определенный порядок, правило распределения бремени доказывания¹. Данный порядок предполагает, что обязанность доказывания в гражданском и арбитражном процессе возложена на участников спора: каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать те обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. Участвуя в судебном процессе, каждая из сторон имеет свою позицию, свою точку зрения на спорные правоотношения; при этом предполагается, что позиции истца и ответчика должны быть не голословными, а основанными на фактических обстоятельствах и законе (ст. 55–57 ГПК РФ, ст.ст. 64–66 АПК РФ). Несоблюдение этого требования приводит к проигрышу дела. Нежелание представить доказательства должно квалифицироваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого аргументированно со ссылкой на конкретные документы указывает процессуальный оппонент; участвующее в деле лицо, не совершившее процессуальное действие, несет риск наступления последствий такого своего поведения². Одновременно и неправильное распределение судом бремени доказывания сторонами обстоятельств, имеющих значение для дела, является существенным нарушением норм процессуального права, являясь безусловным основанием к отмене вынесенного судебного решения³. Равным образом, другие участвующие в деле лица, если они желают добиться для себя либо для лиц, в защиту прав которых предъявлен иск, наиболее благоприятного решения, обязаны сообщить суду все существенно значимые для дела юридические факты, указать или представить доказательства, подтверждающие или опровергающие эти факты, а также совершить иные предусмотренные законом процес-

---

¹ См., например: Данилов Е. П. Справочник адвоката. М.: Новый юрист 1998. — С. 53; Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юрист. 2003. С. 142; Ференс-Сороцкий А. А. Принцип состязательности гражданского процесса и новейшее гражданско-процессуальное законодательство // Правоведение. 1995. № 6; Жамборов М. С. Конституционный принцип состязательности как способ аргументированного обоснования правовой позиции сторон в российском судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. № 4 (29). Апрель 2013. С. 424–432.

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2016 N 307-ЭС16-7988 по делу № А56-19/2014.

³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 07.11.2016 № 309-ЭС16-14542 по делу № А07-13494/2015; Определение Верховного Суда РФ от 08.11.2016 № 503-ПЭК16 по делу № А20-2391/2013.

суальные действия, направленные на то, чтобы убедить суд в своей правоте. Исходя из этого, состязательность предстает в качестве, прежде всего, доказательственной процессуальной деятельности.

С позиции теории процессуального права судебное или процессуальное доказывание — это урегулированный нормами процессуального права переход от вероятных суждений к истинному знанию, обеспечивающему вынесение обоснованных и законных судебных решений¹. Этот путь от вероятности к истинности складывается из совокупности процессуальных действий по утверждению сторон и других лиц, участвующих в деле, о фактах, имеющих правовое значение по делу (искомых фактах), из указания заинтересованных лиц на доказательства, представления доказательств, истребования судом по ходатайству лиц, участвующих в деле, или в отдельных случаях по своей инициативе, исследования и оценки доказательств. В момент возбуждения судом любого дела знания судьбы о фактических обстоятельствах спорного правоотношения существуют в форме вероятного знания. В этой связи правовая регламентация судебного доказывания призвана обеспечить познающему субъекту — суду — для достижения конечных целей правосудия по конкретному делу и обоснования решения возможность

---

¹ См. подробнее, например: Анисимова Л. И. Доказывание по гражданским делам // Советское государство и право. 1983. № 10; Бабаков В. А. О системе средств доказывания в гражданском процессе // Права человека: пути их реализации: Материалы международной научно-практической конференции. Саратов. 1999; Безлепкин Б. Т. Проблемы уголовно-процессуального доказывания // Советское государство и право. 1991. № 8; Белкин А. Р. Теория доказывания. М.: Норма. 2000; Власов А. А., Завидов Б. Д., Гусев О. Б. Отдельные аспекты доказывания в современном арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 2; Гурвич М. А. Является ли доказывание в гражданском процессе юридической обязанностью? // Советская юстиция. 1975. № 5; Додин Е. В. Доказывание и доказательства в правоприменительной деятельности органов советского государственного управления. Киев. Одесса. 1976; Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М.: Норма. 2002; Курылев С. В. Доказывание и его место в процессе судебного познания: Труды Иркутского государственного университета. Т. XIII. Иркутск. 1955; Никитин С. В. Доказывание по делам об оспаривании нормативных правовых актов // Российская юстиция. 2009. № 12; Новицкий В. А. Цели и задачи судебного доказывания // Общество и право. 2010. № 1; Треушников М. К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М.: МГУ. 1982; Юзefович В. Б. Доказательства и доказывание в арбитражном процессе: анализ правоприменительной практики. Выводы судебного юриста. М.: Инфотропик Медиа, 2012; Якубович Н. А. Понятие и содержание процесса доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв ред. — Жогин Н. В. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Юр. лит., 1973.

получения в результате доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле, знания адекватные действительности¹.

Состязательность можно рассматривать и как способ исследования доказательств (ст. 177–188 ГПК РФ, ст. 162 АПК РФ). В этом случае цель доказывания также характеризует и цель, которую преследовал законодатель, устанавливая принцип состязательности в качестве конституционного принципа правосудия.

Цель доказывания заключается в познании фактов и обстоятельств, имеющих место в прошлом или происходящих в настоящем, при изучении и анализе которых познающие субъекты делают вывод об их наличии или отсутствии, а суд, также об удовлетворении или отказе в удовлетворении исковых требований. Цель проявляется в том, что стороны, вне зависимости от вида судопроизводства, должны выяснить факты и обстоятельства и уяснить их смысл не только для себя, но и для познающих субъектов.

При этом позиция суда состоит в руководстве процессом, создании необходимых условий для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела, установления исчерпывающего круга обстоятельств.

Кроме того, принцип состязательности и равноправия сторон также определяет форму доказывания, поскольку доказывание — одна из процедур осуществления судопроизводства. Другими словами, доказывание также должно осуществляться в форме состязательности. При этом состязательная форма предопределяет одновременно и порядок выступления лиц, участвующих в деле: отстаивание каждым участником процесса своей правовой и фактической позиции не может происходить хаотически. В арбитражном и гражданском процессе процессуальное состязание должно быть строго регламентировано председательствующим в соответствии с предписаниями, содержащимися в процессуальном законе².

В этом плане состязательность судопроизводства, с точки зрения единства конституционных и отраслевых начал его нормативного содержания, может быть представлена как механизм достижения судебной истины³, которую, однако, не следует отождествлять

---

¹ См.: Треушников М. К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1997. С. 27.

² См.: Фурсов Д. Ф. Состязательность в гражданском и арбитражном процессе // Адвокат. 1998. № 11. С. 13.

³ См.: Гражданский процесс / Под ред. М. К. Треушникова. М., 2003; Судебные доказательства. М., 2004. С. 7–9.

с объективной истиной¹. Судебная истина достигается исключительно в рамках методологии и логического инструментария юридического познания в области правоприменения, представляющего собой специфический вид мыслительной деятельности компетентного лица, отличающийся субъективной интерпретацией состоявшегося в прошлом жизненного события, связанного с человеческими отношениями, критическим анализом выдвинутых версий этого события, психологическим восприятием установленного знания о самом событии и его юридической оценке, знания, полученного в рамках юридико-познавательной деятельности, имеющей правовую регламентацию². Отсюда видно, что юридическое, включая судебное, познание направлено на познание юридической, а не фактической реальности³. Юридические же события в юридической жизни появляются и существуют не тогда, когда произошло какое-то событие в реальной жизни, а лишь тогда, когда, во-первых, о них имеется юридическое знание, но не всякое знание, а знание, полученное в полном соответствии с законом (с юридическими нормами); во-вторых, если данные юридические события юридически обоснованы совокупностью доказательств (получивших, в свою очередь, право на юридическую жизнь, поскольку возникли в соответствии с юридическими нормами); в-третьих, если данные юридические события, появившись на свет в форме юридической версии, докажут право на существование в юридической жизни в качестве этих самых юридических события, выдержав юридическую критику с разных сторон⁴. Объективная же истина, будучи не связанной субъективно-индивидуальными особенностями восприятия тех или иных жизненных событий и субъективными интересами их определенной интерпретации, очевидно, не может быть постигнута судом. Вместе с тем, возложение на суд обязанности установить объективную истину — выходящую за пределы правовых позиций сторон по делу, подкрепленных системой доказательств, и соответственно, и обусловленных ими возможных юридических интерпре-

---

¹ См.: Васильева Т. Ю. Состязательность как способ установления объективной истины // *Российский судья*. 2016. № 3.

² См. об этом: Аверин А. В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей (проблемы теории и практики). Автореф. дисс. ... д. ю.н. Саратов. 2004. С. 34.

³ См.: Амосов С. М. Судебное познание в арбитражном процессе. Автореф. дисс. ... д. ю.н. М., 2004.

⁴ См. об этом: Аверин А. В. Указ. соч. С. 35.

таций фактических отношений, ставших поводом для судебного разбирательства — означало бы придание суду несвойственных ему функций и разрушало состязательный процесс. Кроме того, это предполагало бы обязывание сторон к представлению всего объема собранного ими доказательного материала, независимо от того, каким образом соответствующие доказательства соотносятся с позицией стороны в процессе¹.

Из сказанного следует, что существо конституционного закрепления принципа состязательности и равноправия сторон заключается в установлении состязательной формы правосудия, включая гражданское судопроизводство, функционирование которой осуществляется посредством реализации закрепленных на основании Конституции РФ в текущем процессуальном законодательстве правовых статусов участников гражданского судопроизводства и суда. В связи с этим надо учитывать, что конституционный принцип состязательности и равноправия сторон имеет в том числе вполне определенное субъективно-личностное наполнение, его нормативное содержание в этом аспекте характеризуется правомочиями участников гражданского судопроизводства. Неслучайно в доктрине обосновывается право на состязательный процесс².

Так, лица участвующие в деле в рамках гражданского судопроизводства имеют право знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии, заявлять отводы, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам и специалистам; заявлять ходатайства, в том числе об истребовании доказательств; давать объяснения суду в устной и письменной форме; приводить свои доводы по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, возражать относительно ходатайств и доводов других лиц, участвующих в деле; получать копии судебных постановлений, в том числе получать с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» копии судебных постановлений, выполненных в форме электронных документов, а также извещения, вызовы и иные документы (их копии) в электронном виде; обжаловать судебные постановления и использовать предо-

---

¹ См. об этом, например: Солдатенко А. Состязательность в гражданском процессе // Юридическая практика. 2005. № 44.

² См.: Стасюк И. В. Право на состязательный процесс // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 2.

ставленные законодательством о гражданском судопроизводстве другие процессуальные права (ст. 35 ГПК РФ). В рамках арбитражного судопроизводства: знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии; заявлять отводы; представлять доказательства и знакомиться с доказательствами, представленными другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного разбирательства; участвовать в исследовании доказательств; задавать вопросы другим участникам арбитражного процесса, заявлять ходатайства, делать заявления, давать объяснения арбитражному суду, приводить свои доводы по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам; знакомиться с ходатайствами, заявленными другими лицами, возражать против ходатайств, доводов других лиц, участвующих в деле; знать о жалобах, поданных другими лицами, участвующими в деле, знать о принятых по данному делу судебных актах и получать судебные акты, принимаемые в виде отдельных документов, и их копии в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом; знакомиться с особым мнением судьи по делу; обжаловать судебные акты; пользоваться иными процессуальными правами (ст. 41 АПК РФ). Истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований, либо отказаться от иска, а ответчик, в свою очередь, вправе признать иск; стороны могут окончить дело мировым соглашением (ст. 39 ГПК РФ). Истец вправе при рассмотрении дела в арбитражном суде первой инстанции до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований. Истец вправе до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу в арбитражном суде первой инстанции или в арбитражном суде апелляционной инстанции, отказаться от иска полностью или частично (ст. 49 АПК РФ).

В этой связи отметим, что среди наиболее типичных случаев нарушений принципа состязательности в судебном процессе выделяют следующие:

- 1) принятие судом не всех доказательств по делу;
- 2) оставление без рассмотрения ходатайств, в том числе о пропуске срока исковой давности;
- 3) их немотивированное отклонение;
- 4) рассмотрение дела в отсутствие надлежащего извещения сторон;

5) рассмотрение дела судом в отсутствие подтверждения истцом раскрытия перед ответчиком представляемых в обоснование исковых требований доказательств при наличии заявления ответчика о том, что такие доказательства у него отсутствуют и исковые требования ему неизвестны;

6) необъективность суда, выражающаяся в выполнении им функций одного из участников процесса¹.

Анализ судебной практики показывает, что суд обязан принимать к рассмотрению все представляемые сторонами доказательства, если они отвечают требованиям относимости и допустимости (Постановление ФАС ВСО от 25.03.2009 №А33–8887/08-Ф02–1071/09)², отказ от изучения поступающих от участников процесса ходатайств нарушает принцип состязательности процесса, что влечет за собой возможность неполного исследования обстоятельств дела и неприменения либо неправильного применения норм материального права (Постановление ФАС ЗСО от 01.06.2011 по делу № А67–4761/2010)³, например, немотивированное отклонение ходатайств о вызове эксперта в судебное заседание и о назначении повторной экспертизы, нарушает принцип состязательности сторон (Постановление АС МО от 15.05.2015 № Ф05–3628/2015)⁴.

Значение конституционного закрепления принципа состязательности и равноправия сторон не исчерпывается только установлением обязательной формы осуществления судопроизводства в Российской Федерации. Речь идет об обеспечении конституционности, законности процессуальной деятельности, обеспечении достижения целей и задач правосудия. Основная цель гражданского судопроизводства заключается в защите прав и свобод, законных интересов лиц, спор которых подлежит разрешению судом. Обязанность государства в лице, прежде всего, судебной власти обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина закреплена в ст. ст. 2, 17, 18, 45, 46 Конституции РФ. Поскольку целевые установки суда полностью совпадают с целевыми установками судопроизводства,

---

¹ Бычков А. Ключевой принцип // ЭЖ-Юрист. 2016. № 11. С. 1, 4.

² См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 25.03.2009 №А33–8887/08-Ф02–1071/09 по делу № А33–8887/08.

³ См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 01.06.2011 по делу № А67–4761/2010.

⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2015 № Ф05–3628/2015 по делу № А40–53718/14.

функции судопроизводства являются и функциями суда¹. Так, например, в ГПК РФ они закреплены путем указания на задачи и цели гражданского судопроизводства². Исходя из этого, норма, устанавливающая, что правосудие осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, является одной из конституционных гарантий обеспечения надлежащего осуществления целей и задач правосудия³. В этом проявляется гарантирующая функция Конституции РФ, которая закрепляет принцип состязательности как важное демократическое начало, гарантирующие гражданам судебную защиту их прав и свобод. Подобный взгляд на состязательность и равноправие сторон, как на гарантию, соответствует современному пониманию модели правосудия, согласно которой наличие заинтересованности общества, государства и граждан в единообразном применении права позволяет обеспечить функционирующий механизм правосудия.

На основании проведенного исследования содержания ст. 123 Конституции РФ и конкретизирующих ее положений действующего процессуального законодательства, касающегося вопросов гражданского судопроизводства, представляется возможным выделить следующие основные элементы конституционного принципа состязательности и равноправия сторон:

- права и обязанности сторон;
- равноправие сторон;
- состязательность и обязанность доказывания;
- позиция суда при состязательном процессе.

Обобщая сказанное, следует заключить, что принцип состязательности и равноправия сторон в рамках действующей Конституции РФ — несмотря на прямое терминологическое закрепление — имеет абстрактно-систематический уровень конституционного опосредования, позволяющий федеральному законодателю использовать различные нормативные способы его конкретизации в отраслевом правовом регулировании, что существенным образом

---

¹ См.: Жилин Г. А. Субъекты целевых установок гражданского судопроизводства и их процессуальные функции // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 19.

² См.: Жилин Г. А. Понятие целевых установок в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 13.

³ См.: Бабинков А. М. Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон при осуществлении правосудия. Автореф. дисс. ... к. ю.н. М., 2004. С. 9–10.

увеличивает воздействие отраслевых начал на нормативное содержание принципа состязательности и равноправия. Вместе с тем, это предполагает необходимость системного взаимодействия отраслевого правового регулирования, обеспечивающего реализацию принципа состязательности и равноправия сторон, со всей совокупностью конституционных принципов норм, составляющих основы его конституционного опосредования, и обеспечения на этой основе органического единства конституционного и процессуально-отраслевого содержания данного принципа.

ГЛАВА II

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И РАВНОПРАВИЕ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

2.1. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИЯ СТОРОН: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Как следует из взаимосвязанных положений статей 1 (ч. 1), 2, 18, 45, 46 (ч. 1), 118 и 123 Конституции РФ, гражданское судопроизводство представляет собой самостоятельную организационно и функционально обособленную форму защиты и восстановления нарушенных прав человека и гражданина, закрепленных как в Конституции РФ, так и в текущем законодательстве. В рамках данной формы правозащиты каждому лицу, полагающему, что его права или законные интересы нарушены, обеспечивается возможность отстоять свою позицию в отношении возникших юридически значимых обстоятельств в справедливом споре с предполагаемым нарушителем.

По вопросу о самом понятии «гражданское судопроизводство», если иметь в виду его соотношение с понятиями гражданского

и арбитражного процесса, в литературе существуют различные подходы. В рамках настоящего исследования важно, не ограничиваясь отраслевыми (гражданско-процессуальными) аспектами этой проблемы, выявить ее конституционные начала и на этой основе ответить на вопрос о правомерности рассмотрения гражданского судопроизводства как единой (включающей гражданский и арбитражный процесс) сферы реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон.

По самому смыслу положений статей 118 (ч. 2) и 126 Конституции РФ понятием «гражданское судопроизводство» в его конституционно-правовом понимании охватывается не только собственно гражданская, но и арбитражная форма правосудия, предназначением которой является разрешение экономических споров. Данный подход обуславливается тем, что и суды общей юрисдикции при рассмотрении и разрешении гражданских дел, и арбитражные суды при рассмотрении дел в сфере предпринимательской деятельности и разрешении экономических споров применяют одно и то же материальное право и ориентируются в основном на ГК РФ и принятые в соответствии с ним иные федеральные законы¹. Иное истолкование положения ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, согласно которой судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, означало бы, что арбитражный процесс находится за пределами нормативного содержания данной конституционной нормы и не является формой осуществления судебной власти. В этой связи примечательно, что и авторы, отстаивающие позицию «жесткого» обособления гражданского и арбитражного процессов, исходят из того, что арбитражная процессуальная форма, опосредующая разрешение экономического спора и вынесение законного и обоснованного решения, определяет и оформляет *гражданское и административное судопроизводство* в системе арбитражных судов России².

---

¹ См. об этом: Арбитражный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. М. К. Треушникова и проф. В. М. Шерстюка. 4-е изд., испр. и доп. М.: Городец. 2000. С. 480; Новикова Ю. С., Оганджянц С. И. Гражданское судопроизводство в процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 8.

² См.: Дудникова Г. В. Арбитражная процессуальная форма. Автореф. дисс. ... к. ю.н. Саратов. 2005. С. 5, 8.

Вместе с тем конституционно обусловленное единство формы судопроизводства (как гражданского) не означает недопустимости установления процессуально-правовых различий в ее реализации в рамках гражданского процесса, с одной стороны, и арбитражного процесса, с другой. Такая возможность обусловлена в том числе необходимостью реализации конституционного равноправия на основе учета и формализации объективно значимых различий, характеризующих участников судопроизводства, его предмет, в целях наиболее эффективного достижения целей правосудия, создания надлежащих условий полноты, результативности судебной защиты прав граждан¹; соответственно использование дифференцированного подхода к регулированию арбитражных процессуальных отношений можно считать проявлением дискреции законодателя, которая предполагает, между прочим, и вариативность возможностей в нормативно-правовом оформлении соответствующих различий, не обязательно путем их обособленных кодификаций.

Сочетание универсализации и дифференциации правового регулирования в этой части соотносится с историей развития отечественного гражданского судопроизводства. Так, системе арбитражных судов предшествовали ведомственный арбитраж и государственный арбитраж, на определенном историческом этапе коммерческие суды, а в 20-х годах прошлого века торгово-промышленные суды. Уже поэтому определение гражданского судопроизводства как единой судебной-процессуальной формы защиты прав вряд ли стоит абсолютизировать, хотя исключение из Конституции упоминаний об арбитражных судах, арбитражном процессе, безусловно, ориентирует на развитие, укрепление унифицированных регулятивных подходов (но не в ущерб необходимости учета объективно обусловленной специфике соответствующих дел). Неслучайно, что даже сторонники сквозного слияния общих и арбитражных судов, отстаивающие идею о том, что в судебной системе не должно быть ни целостной системы арбитражных судов, ни самостоятельных отдельных арбитражных судов, делают оговорку: об упразднении судов по экономическим спорам речи не идет, так как соответствующие общественные отношения никуда не исчезли, то потребность

---

¹ См., например: Сухов И. В. Арбитражные суды в механизмы конституционно-правовой защиты прав и свобод субъектов экономической деятельности: вопросы теории и практики. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.

в судах, рассматривающих экономические споры, тоже не вызывает сомнения¹.

Конституция РФ не исключает установления специфических процедур для решения хозяйственных споров. В то же время реализация федеральным законодателем свободы усмотрения в регулировании конкретных гражданских и арбитражных процессуальных процедур не должна быть произвольной: при закреплении соответствующих особенностей он во всяком случае связан конституционными принципами организации и реализации судебной власти, а также вытекающими из Конституции РФ материальными критериями дифференциации судопроизводственной формы, проистекающими, в частности, из специфики реализации, гарантирования и защиты прав и свобод человека и гражданина в предпринимательской сфере. Вместе с тем, в силу вытекающего из конституционного равноправия требований ясности, четкости, недвусмысленности и непротиворечивости правового регулирования, федеральный законодатель в процессе регулирования гражданского и арбитражного процесса обязан предусмотреть отвечающие критерию формальной определенности, понятные и доступные для субъектов права правила подведомственности, распределения дел между соответствующими юрисдикциями, а также обеспечить полномасштабное покрытие названными процессуальными формами всего объема материальных отношений, лежащих в основе гражданского судопроизводства, исключая ситуации пробелов в судебной защите прав и свобод человека и гражданина. Это проявляется и на уровне содержательных (нормативно-правовых) характеристик отдельных принципов гражданского судопроизводства, включая принцип равенства и состязательности сторон.

Описанное сочетание концептуального единства и целостности гражданской судопроизводственной формы правозащиты, с одной стороны, и специфических особенностей участников арбитражного процесса, которыми преимущественно являются хозяйствующие субъекты, с другой, предопределяет взаимосвязь унификации и дифференциации нормативного содержания равноправия сторон в гражданском судопроизводстве.

---

¹ См.: Демичев А. А. Объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, разработка Концепции единого Гражданского процессуального кодекса... Что дальше? // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5.

Идея баланса универсализации и специализации в рамках гражданской судопроизводственной формы защиты права находит подтверждение в практике Конституционного Суда РФ. Подход Конституционного Суда РФ сводится к тому, что процессуальные отношения связаны принципом юридического равенства, который применительно к реализации права на судебную защиту требует, чтобы однородные по своей юридической природе отношения регулировались одинаковым образом; соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях); любая же дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции, в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства; соответственно, гражданское судопроизводство, посредством которого осуществляют судебную власть суды общей юрисдикции и арбитражные суды, в своих принципах и основных чертах должно быть сходным для этих судов (Постановления от 26 февраля 2010 г. № 4-П¹, от 1 марта 2012 г. № 5-П² и др.). Следовательно, различия возможны, если они имеют под собой объективные, разумные основания, не затрагивают сущностное содержание права на судебную защиту.

Конституционное равноправие личности проявляется в гражданском судопроизводстве в единстве своих императивных требований обеспечения равенства перед законом и равенства перед судом, а также — особенно ярко — в единстве материальных и процессуальных начал.

Утверждение о материально-процессуальном характере конституционного принципа равноправия может показаться внутренне противоречивым, но в реальной действительности имеет глубокий смысл. Выделяя в нормативном содержании равноправия процес-

---

¹ См.: СЗ РФ. 2010. № 11. Ст. 1255.

² См.: СЗ РФ. 2012. № 11. Ст. 1366.

суальный аспект, мы отходим от общепринятого понимания процессуальной нормы в качестве отраслевого классифицирующего признака, так как процессуальная форма по данному основанию является прерогативой уголовного и гражданского процессов¹. Вслед за некоторыми другими учеными-государствоведами процессуальная форма понимается нами более широко — в качестве упорядочивающего критерия различных видов государственной деятельности². В данном контексте принцип равноправия проявляет себя не только в качестве способа распределения материальных прав и обязанностей и формы объективации правосубъектности личности, но, прежде всего, как регулятивно-охранительное требование к правоприменительной деятельности, неся на себя функциональную нагрузку процессуального права. Охранительное воздействие равноправия как категории процессуального права заключается в обеспечении им единообразного и обоснованного применения законоположений к субъектам права на равных основаниях. В свою очередь его регулятивное воздействие на общественные отношения в названном качестве реализуется, в частности, в рамках определения правосубъектности участников процесса; закрепления за ними совокупности процессуальных прав и обязанностей, гарантий их осуществления; определения компетенции уполномоченных органов и компетенции (полномочий) должностных лиц; определения юридических фактов, направленных на возникновение, изменение или прекращение процессуальных правоотношений; закрепления системы правовых гарантий прав и свобод участников процесса; установления конкретной правовой связи между субъектами процесса; определения оптимального типа правового регулирования применительно к процессу в целом и к отдельным видам процессуальных правоотношений; установления особых юрисдикционно-

---

¹ О научных подходах к определению содержания процессуальных правовых норм и процессуальных правоотношений, а также к соотношению материального и процессуального права см., например: Галаган И. А., Глебов В. П. Процессуальные нормы и отношения в советском праве. Воронеж. 1985; Горшенев В. М. Функции и содержание норм процессуального права по советскому законодательству // Проблемы правоведения. Новосибирск. 1967. С. 16–38; Максютин М. В. Теория юрисдикционного процесса. М., 2004; Погодин А. В. Процессуальные правовые отношения: теоретические и методологические вопросы. Дисс. ... к. ю.н. Казань. 1991; Шагиева Р. В. Процессуально-правовые нормы и некоторые вопросы их реализации в зрелом социалистическом обществе. Дисс. ... к. ю.н. Казань. 1982.

² См.: Лучин В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М.: Юридическая литература. 1976.

процедурных средств, способов, форм осуществления процессуальной деятельности и ведения процесса¹.

Сами по себе материально-процессуальные начала присутствуют в требовании равенства перед законом как таковом, поскольку оно предполагает, как равное позиционирование субъектов права по отношению к законодательной норме, так и равное применение юридической нормы к соответствующим лицам. Однако наиболее полно единство материального и процессуального в конституционном принципе равноправия проявляется в рамках комплексной реализации требований равенства перед законом и равенства перед судом в процессе судебного правоприменения, включая гражданско-судопроизводственное правоприменение.

Специфика судебной деятельности, ее повышенная чувствительность к требованиям равноправия во всех формах его проявления объективно определяют необходимость существования, условно говоря, специальной «материально-процессуальной» нормы. В качестве таковой выступает конституционное требование равенства перед судом. Соответствующая конституционная формула (о равенстве всех перед судом) носит всеобщий и всеобъемлющий характер. Она распространяется не только на всех граждан как физических лиц, но и на всех других участников процессуально-правовых отношений с судом, равно как и на все виды и уровни судебных органов.

При этом нельзя отождествлять принцип равноправия участников процесса перед законом и судом и принцип равенства граждан перед законом и судом, хотя они тесно взаимосвязаны — оба оказывают огромное влияние на правовое положение человека и гражданина. Отличие принципов равноправия граждан и равноправия сторон гражданского процесса заключается в том, что, во-первых, субъектный состав, на который распространяет свое действие принцип равноправия граждан, всегда конкретен, так как он регулирует поведение определенного субъекта права — гражданина, а также объединений граждан, а субъектный состав, на который распространяет свое действие равноправие как процессуальный принцип, менее конкретен, так как регулирует поведение специфических субъектов — стороны истца и ответ-

---

¹ О функциях процессуального права см. подробнее: Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М.: Норма. 2003. С. 84–113.

чика; сторона гражданского процесса как субъект правоотношений может иметь разнообразное количество участников (граждан или юридических лиц). Во-вторых, равноправие граждан означает независимость личности от каких бы то ни было различий (половых, социальных, национальных и т. д.), а также равные возможности при получении широкого спектра неопределенных благ, а равноправие сторон означает равные гражданско-процессуальные возможности только в отстаивании и доказывании своей позиции по гражданскому делу в суде.

Итак, принимая во внимание, что конституционный принцип равенства перед законом и судом усиливается ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, в которой указано, что «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод», можно заключить, что по смыслу Конституции системное единство статей 19 (ч. 1), 46 (ч. 1) и 123 (ч. 3) составляет основы процессуального режима равноправия.

Таким образом, содержание ч. 1 ст. 19 Конституции РФ органично связано с материальными и процессуальными нормами многих других отраслей права: административного, гражданского, уголовного, гражданско- и уголовно-процессуального права и т. д. Однако в различных отраслях права данный принцип реализуется по-разному.

В гражданском и арбитражном процессуальном праве он приобретает специфические дополнительные характеристики, вытекающие из самой природы судебного процесса и актуализирующиеся применительно к гражданскому судопроизводству. С одной стороны, в гражданском и арбитражном процессе действует общее конституционное требование равенства всех перед законом и судом, что предполагает, прежде всего, наличие общего, повсеместного процессуального законодательства (п. «о» ст. 71 Конституции РФ), равно как и одинаковое его применение ко всем при осуществлении правосудия. Равенство перед законом применительно к гражданскому судопроизводству означает, что все граждане, занимающие одинаковое процессуальное положение, пользуются одной и той же совокупностью прав и обязанностей в процессе. Равенство в суде означает, что нельзя оказывать предпочтения или вводить (использовать) ограничения по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принад-

лежности к общественным объединениям, а также в силу других обстоятельств.

Этому принципу противоречило бы, в частности, такое законодательное регулирование, в результате которого создавались бы предпосылки для произвольного усмотрения правоприменительных органов при решении вопросов, связанных с реализацией процессуальных прав граждан. В частности, как неоднократно указывал Конституционный Суд, право каждого на рассмотрение его дела законно установленным судом предопределяет законодательное регулирование критериев, которые в нормативной форме устанавливали бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, — это позволило бы суду, сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности, которую приходилось бы устранять посредством правоприменительного решения, т. е. дискреционным полномочием правоприменительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела не на основании закона (постановления от 16 марта 1998 года № 9-П, от 2 февраля 1999 года № 3-П, от 25 февраля 2004 года № 4-П, от 6 апреля 2006 года № 3-П, от 21 января 2010 года № 1-П, от 19 апреля 2010 года № 8-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П, от 9 июня 2011 года № 12-П, от 1 марта 2012 года № 5-П и от 16 октября 2012 года № 22-П). Так, Конституционный Суд РФ признал противоречащим Конституции РФ законоположения, которыми Центральная избирательная комиссия РФ наделялась правом передавать дела о нарушениях избирательных прав граждан из суда, который должен был рассматривать соответствующее дело по подсудности, в Верховный Суд РФ, если указанные нарушения касались значительного числа граждан или если в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение¹. При этом Верховный Суд РФ обязан был рассмотреть дело по существу. Тем самым ЦИК РФ имела право изменять родовую подсудность дел по своему усмотрению, что не соответствует общему процессуальному статусу лиц, наделенных законом пол-

---

¹ См.: Постановление КС РФ от 25 февраля 2004 года № 4-П по делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 831.

номочием на обращение в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц (статьи 4, 34, 35, 46 ГПК РФ).

Проявлением требования равенства перед судом является и то, что суд, действуя на основе общей нормы, не может произвольным образом сужать, ограничивать возможности судебной защиты. В одном из решений Конституционный Суд РФ пришел к выводу о неконституционности отдельных положений ГПК РФ, федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», в той части, в которой эти законоположения, закрепляя право избирателей на обращение в суд за защитой своих избирательных прав, вместе с тем в силу неопределенности нормативного содержания в отношении субъектов, порядка и условий обращения в суд в связи с обжалованием итогов голосования — по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, — исключают для граждан, принимавших участие в выборах в качестве избирателей, возможность обжалования решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, связанных с установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором эти граждане принимали участие в выборах¹. Конституционный Суд признал, что сложившаяся правоприменительная практика, полностью исключающая возможность судебной защиты избирательных прав граждан, если их нарушения имеют место на стадиях избирательного процесса, следующих за моментом голосования, и тем самым отрицающая право избирателей на обжалование итогов голосования на том избирательном участке, на котором они принимали участие в выборах, не отвечает требованиям Конституции.

Особенности проявления конституционного равноправия в гражданских процессуальных правоотношениях связаны также со спецификой природы данных отношений, сочетающей в себе публично-правовое и частноправовое начала.

Известно, что отнесение той или иной отрасли права к праву публичному либо частному предполагает применение различных методов регулирования соответствующих общественных отношений, различное

---

¹ См.: Постановление КС РФ от 22 апреля 2013 года № 8-П // СЗ РФ. 2013 № 18. Ст. 2292.

построение связей между субъектами, принимающими в них участие¹. Различие же подходов к регулированию правоотношений в публичном и частном праве имеет, в свою очередь, определяющее значение для модели равноправия индивидов в рамках соответствующих отношений. Частноправовые отношения основаны на равноправии их субъектов. Ориентация частного права на регулирование правоотношений, складывающихся в сфере экономической жизни, обуславливает специфику гражданско-правовых правоотношений и требования, предъявляемые правом к их субъектам. Публично-правовые отношения предполагают иную модель взаимоотношений их участников. Прежде всего, публично-правовые отношения основаны на началах субординации, а не координации. По крайней мере, один из участников таких правоотношений должен выступать в качестве представителя публичной власти и обладать властными полномочиями, что позволяет характеризовать публично-правовые отношения как отношения, по поводу осуществления публичной власти. Главным для принципа равноправия в рамках публично-правовых отношений является принцип объективности, беспристрастности и равной доступности юридических механизмов и процедур. В публичном праве равноправие понимается как равенство субъектов перед публичной властью. В этом качестве оно приобретает форму преимущественно процессуального равноправия. Учитывая природу публичного права, а также тенденции правоприменительной практики, содержание принципа равноправия в публичном праве имеет свои особенности. Прежде всего, они заключаются в установлении и применении единых правовых средств, составляющих основу механизма правового регулирования, то есть норм права, юридических фактов, актов реализации прав и обязанностей для различных участников общественных отношений, действующих в одинаковых обстоятельствах; равенство прав и обязанностей участников общественных отношений, в том числе конституционных прав и обязанностей; создание обоснованной системы изъятий из общего режима правового регулирования для отдельных участников общественных отношений; системы организационных средств, необходимых для реал-

---

¹ См. об этом, например: Агарков М. М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 2; Попондопуло В. Ф. О частном и публичном в праве // Правоведение. 1994. № 5–6; Ровный В. В. О проблеме дуализма в праве (вопросы истории и теории) // Сибирский юридический вестник. 1998. № 2; Суханов Е. А. Система частного права // Вестн. Моск. ун-та. 1994. № 4. Сер. 11 «Право»; Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск. 1926.

лизации прав и обязанностей участников общественных отношений.

Отрасли процессуального права традиционно принято относить к публично-правовым, поскольку они в нормативной форме обеспечивают реализацию судебной власти. Вместе с тем, сама по себе отраслевая квалификация гражданского процессуального права и арбитражного процессуального права как публично-правовых отраслей не означает аналогичной квалификации лежащих в основе данных отраслей общественных отношений. Это связано уже с тем обстоятельством, что при структуризации законодательства законодатель располагает известной свободой усмотрения — очерченной содержанием предмета правового регулирования — в выборе методов воздействия на те или иные общественные отношения, привнося таким образом субъективный фактор в отраслевую структуру.

Природа же гражданских судопроизводственных правоотношений такова, что они возникают, развиваются и прекращаются, главным образом, сообразно с частноправовыми материальными интересами субъектов свободного обмена, которые, в свою очередь, предопределяют их процессуальный интерес. Очевидно, в частности, что утрата стороной материального интереса к предмету спора предопределяет направленность ее процессуального интереса на скорейшее прекращение тяжбы с целью минимизации собственных ресурсных (временных, материальных и т. д.) затрат. Именно поэтому гражданское судопроизводство в значительной степени опосредовано частноправовой формой, что проявляется, в том числе, в присущем данному виду судопроизводства принципе диспозитивности.

В этой связи и сама по себе гражданская процессуальная норма, по верному замечанию Д. В. Малыхина, имея публично-правовую природу, характеризуется проявлением частных начал — ориентированностью метода регулирования, в том числе и на частный характер преследуемых сторонами правового конфликта интересов. Принадлежность же производных от предмета конфликта интересов, конфликтующих к частным или публичным, независимо от свойств остальных его элементов (в частности, субъектного состава), обуславливает, по его мнению, и специфику процессуальных норм и отраслевого метода¹.

---

¹ См.: Малыхин Д. В. Гражданская процессуальная норма. Автореф. ... дисс. к. ю.н. Саратов, 2005. С. 7, 12.

Процессуальные правоотношения складываются между сторонами и судом по поводу разрешения материально-правового конфликта, связанного с противоречием интересов, в результате чего структура процессуальных правоотношений может быть представлена как отношения между сторонами, опосредованные отношениями между сторонами и судом. Этот подход не характерен для гражданской судопроизводственной доктрины, которая в ее классическом варианте включает в состав гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений отношения между истцом и судом и между ответчиком и судом, поскольку юридическое отношение строится на взаимосвязи прав и обязанностей, а правам одной стороны в процессе не корреспондируют обязанности другой стороны, и нельзя говорить о наличии процессуальных правоотношений между сторонами. Вряд ли, однако, с этим можно согласиться. Ведь, сама идея состязательного процесса подразумевает необходимость взаимного реагирования на процессуальное поведение противоположной стороны, и уже предъявление иска объективно *требует* от ответчика формулирования основанной на доказательственной базе правовой позиции по делу, непредставление которой влечет присуждение в пользу истца. В отсутствие прямых линий корреспонденции прав и обязанностей сторон, в гражданском судопроизводстве между сторонами складываются своего рода правоотношения общего характера, обусловленные исходным материальным интересом и процессуальной целью, и они охватывают собой все содержание гражданского (арбитражного) процесса, оказывают регулятивное воздействие на конкретные отношения, в которых стороны оказываются вынуждены под угрозой проигрыша дела соотносить диспозитивные начала своего процессуального поведения с той процессуально-правовой необходимостью, которая в каждый момент движения процесса диктуется иным его участником. В то же время, поскольку процессуальные взаимоотношения сторон объективно опосредованы их взаимоотношениями с судом, что вытекает из необходимости обеспечения непредвзятого, справедливого, эффективного решения правового спора, гражданские процессуальные правоотношения как общего, так и конкретного характера приобретают особую, сложную структуру, заключенную в их трехсубъектном составе.

Кроме того, в состав гражданских судопроизводственных правоотношений следует включить и отношения между судами общегражданской и арбитражной юрисдикции внутри соответствующей иерархической подсистемы судебной власти в связи с решением конкретного дела, поскольку, во-первых, на любой стадии рассмотрения дела каждая сторона вправе инициировать процедуру текущего контроля за законностью и обоснованностью действий и решений рассматривающего дело суда по вопросам, не связанным с существом судебного решения (иное нарушало бы принцип самостоятельности суда), а, во-вторых, стороны вправе оспорить итоговое судебное решение вынесенное по их делу в суде вышестоящей инстанции и такое оспаривание может привести к возвращению дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции с мотивированными указаниями по устранению выявленных вышестоящим судом недостатков, с точки зрения законности, а в ряде случаев и обоснованности судебного решения.

Таким образом, в гражданских судопроизводственных правоотношениях можно условно выделить три основные составляющие, характеризующие взаимоотношения между сторонами в процессе, между стороной в процессе и судом, а также между судами внутри иерархии соответствующей судебной подсистемы в связи с решением конкретного дела. Сообразно этому конституционное равноправие в данных правоотношениях также проявляется различным образом: и как требование равного процессуального положения сторон, и как требование применения судом равного масштаба к оценке процессуальных действий каждой из сторон, и как требование равной защиты от неправоудного решения суда.

2.2. СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И РАВНОПРАВИЕ В СООТНОШЕНИИ С МЕТОДОМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ СУДОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Действие принципа состязательности и процессуального равноправия раскрывается не только в содержательной (предметной) плоскости соответствующих отношений, но и в аспекте метода их регулирования, где состязательность и равноправие сторон характеризуют способы возможного право-

вого воздействия на гражданско-процессуальные и арбитражно-процессуальные отношения. Это обуславливается, прежде всего, взаимосвязью юридического процесса, процессуальной формы (а, следовательно, и принципов их построения, реализации) и механизма правового воздействия на общественные отношения¹.

Раскрывая данную взаимосвязь, В. Д. Сорокин указывает следующее. «Процесс, как деятельность государственно-властная, осуществляется структурами, которые относятся к так называемым «социальным управленческим системам». Одно из существенных свойств этих систем состоит в их сознательном выборе способов, средств, методов воздействия на социальную среду, на многообразные складывающиеся в ней общественные отношения. Для социальных управленческих систем государственной принадлежности... среди этих методов главную роль несомненно играют методы правового регулирования. Стало быть, тот или иной вид процесса при внимательном рассмотрении оказывается не только соответствующим порядком, с помощью которого реализуются надлежащим образом материальные права, но и своеобразным каналом действия методов правового регулирования. А сам процесс, таким образом, оказывается совершенно необходимым элементом механизма правового регулирования, который складывается из взаимодействия трех компонентов: предмета правового регулирования, метода правового регулирования и юридического процесса»². Разделяя данное мнение в принципиальном плане, заметим, что юридический процесс не следует отождествлять с государственно-властной правоприменительной деятельностью — реализация субъективных прав тоже имеет процессуальный характер, притом не всегда и не обязательно опосредованный участием субъекта публичной власти.

Прежде чем перейти к анализу воздействия принципа состязательности и равноправия сторон на метод гражданского процессуального регулирования следует остановиться на вопросах, связанных с пониманием самой категории метода правового регулирования, прояснить ее особенности применительно к процессуальным отношениям.

Категория метода правового регулирования общественных отношений — одна из наиболее фундаментальных в теории права.

---

¹ О таком подходе см., например: Элькин П. С. Цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976. С. 62.

² См.: Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб.: Юридический центр Пресс. 2003. С. 154–155.

Вместе с тем, научные исследования, посвященные ее изучению до настоящего времени, не сложились в стройное учение. Разработки различных авторов высвечивают либо отдельные фрагменты целостной системы признаков метода правового регулирования либо акцентируют внимание на отраслевых методах.

Проводимые в рамках отдельных отраслей права исследования метода правового регулирования позволили сформулировать унифицированное понятие данной юридической категории. По общему правилу, методом называется совокупность приемов и способов, с помощью которых осуществляется воздействие на участников правовых отношений. В интерпретации различных специалистов данное понятие может содержать иные формулировки, сохраняя при этом первоначальный смысл. Так, М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе метод правового регулирования определили, как специфический способ, при помощи которого государство на основе данной совокупности юридических норм обеспечивает нужное ему поведение людей как участников правоотношения¹. В. М. Горшенев предложил более широкое понятие, в соответствии с которым под методом правового регулирования следует понимать своеобразный способ воздействия на общественные отношения с целью их урегулирования, который выражается в установлении с помощью нормы права определенного (возможного и должного) состояния воли субъектов в их взаимоотношении друг с другом, а также относительно желаемых результатов их поведения². По мнению А. И. Процевского, в методе правового регулирования как способе воздействия на сознание и волю людей проявляются два свойства права: определение поведения людей вообще и определение их поведения применительно к данному виду общественных отношений³. В соответствии с определением В. Д. Сорокина правовой метод есть совокупность юридических приемов, средств, способов воздействия социальных управляющих систем, входящих в государственный аппарат, на социально-правовую среду в целом и на составляющие

---

¹ См.: Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 104.

² См.: Горшенев В. М. Способы (методы) и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства. С. 116.

³ См.: Процевский А. И. Метод правового регулирования трудовых отношений. С. 102.

ее элементы¹. Как полагает С. В. Привалова, именно государство в лице органов государственной власти, посредством нормативного закрепления устанавливает способы (приемы) правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования отдельной отрасли права. Исходя из этого, под методом правового регулирования она понимает установленные государством целесообразные способы правового регулирования общественных отношений². С. С. Алексеев методом правового регулирования называет совокупность юридических приемов и средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие в данной области отношений³. А. Б. Пешков, обосновывая наличие единого метода правового регулирования, предлагает понимать под ним определяемую единым предметом правового регулирования систему диалектически взаимосвязанных приемов, средств, способов воздействия права на общественные отношения, включающая дозволение, предписание и запрет⁴. По мнению О. М. Киселевой, метод правового регулирования представляет собой совокупность юридических приемов, средств, составляющих способ целенаправленного воздействия на волевое состояние индивида в сфере общественных отношений⁵.

И. В. Рукавишникова, также рассматривая метод правового регулирования через призму способов и средств правового воздействия на общественные отношения, указывает на его принадлежность механизму правового регулирования. При этом метод правового регулирования на ее взгляд может пониматься в широком и узком смысле⁶. Методом правового регулирования в широком смысле слова, как она полагает, следует считать систему приемов и способов, позволяющих сформировать базовые, исходные, первичные модели правового регулирования общественных отношений. В свою оче-

---

¹ См.: Сорокин В. Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. С. 84.

² См.: Привалова С. В. Методы правового регулирования трудовых отношений. Автореф... дисс. к. ю.н. М., 2001.

³ См.: Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. М., 1981. С. 218.

⁴ См.: Пешков А. Б. О методе правового регулирования // Правоведение. 1971. № 2. С. 26–29.

⁵ См.: Киселева О. М. Поощрение как метод правового регулирования. С. 19.

⁶ См.: Рукавишникова И. В. Метод в системе правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 2003. № 1. С. 217–222.

редь под методами правового регулирования в узком смысле слова она понимает отраслевые методы, осуществляющие регулирование правоотношений в рамках какой-либо отрасли права; они получают свое реальное выражение и являются одним из классификационных признаков отрасли права.

Вместе с тем, стоит заметить, что в научной литературе сформулированы и иные точки зрения на содержание категории «метод правового регулирования», не связывающие ее с понятиями «способа правового воздействия» или «приема правового воздействия». Так, например, Н. И. Матузов рассматривает правовой метод как известный набор юридического инструментария, посредством которого государственная власть оказывает необходимое воздействие на волевые общественные отношения в целях придания им желаемого развития¹.

В целом разделяя выработанные юридической наукой подходы к пониманию категории метода правового регулирования, заметим, однако, что выражение содержания названной категории через такие понятия как «прием», «способ» или «средство», не должно приводить к отождествлению приведенных понятий и определяемой через них категории, подмене одного другим. Способы, средства и приемы правового регулирования характеризуют отдельные (специальные) юридические инструменты упорядочения общественных отношений. В частности, основными способами правового регулирования выступают юридические дозволения, запреты, предписания, рекомендации, поощрения, согласования и др. Метод же правового регулирования — не сводимый к простой совокупности способов, приемов и средств правоупорядочения — являет собой их сложную и уникальную для конкретной отрасли права системную взаимосвязь.

Любой метод правового регулирования характеризуется объективным и субъективным аспектами. Объективный аспект состоит в том, что конкретный предмет — общественные отношения — обуславливает специфику метода правового регулирования. Субъективный заключается в том, что в тех случаях, когда особенности предмета правового регулирования допускают несколько возможных методов, только от воли законодателя зависит их выбор. Метод правового регулирования гражданского процессуального права представляет собой в большей степени область субъективного.

---

¹ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 2000. С. 40.

Действительно, нередко в различные исторические периоды одни и те же общественные отношения регулируются с помощью различных правовых средств воздействия. Так, гражданские отношения в условиях социалистической экономики регулировались методом, сочетавшим в себе элементы юридического равенства и свободы сторон и элементы власти — подчинения, что проявлялось, в частности, в обязательном заключении плановых договоров. Элементы правового равенства и свободы сторон присутствовали потому, что были обусловлены природой экономических отношений. В настоящее время в условиях рыночной экономики гражданские отношения регулируются исключительно методом юридического равенства и свободы сторон.

В теории права подчеркивается, что метод правового регулирования включает в себя:

- 1) взаимное положение сторон регулируемого отношения;
- 2) юридические факты, лежащие в основе возникновения, изменения и прекращения регулируемых отношений; способы защиты своих правомочий участниками отношений. Некоторые авторы под методом правового регулирования понимают лишь первый из названных элементов.

Вопрос о методе регулирования *процессуальных отношений* является дискуссионным. Одни авторы полагают, что специфическим методом процессуального регулирования является особая процедура применения юридических санкций нарушенных правовых норм¹. Другие применительно к уголовному процессуальному праву, считают, что особенности метода регулирования процессуальных отношений заключаются в принципе публичности². Третьи утверждают, что типичным свойством метода уголовно-процессуального регулирования является особая процедура возбуждения, расследования и разрешения уголовных дел, для которой характерно органическое сочетание властных распоряжений и процессуального равенства³. Четвертые по поводу гражданского процессуального права, под-

---

¹ См.: Алексеев С. С. О материалистическом подходе к системе советского права // Правоведение. 1961. № 3. С. 22; Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 44.

² См.: Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 109.

³ См.: Алексеев С. С. О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 105.

черквивают, что он (метод) как способ воздействия на регулируемые данной отраслью отношения — императивно-диспозитивный, что проявляется в составе и правовом положении субъектов правоотношений, характере юридических фактов, правах и обязанностях, санкциях¹.

Представляется, что наличие различных определений понятия метода процессуального регулирования объясняется обращением авторов к способам упорядочения процессуальных отношений между различными субъектами гражданских судопроизводственных отношений и признании именно за данной составляющей гражданских судопроизводственных отношений основополагающего для выделения в общей структуре правоотношений сущностного отграничительного критерия. Действительно, как уже отмечалось, гражданские судопроизводственные отношения неоднородны и могут быть подразделены на три основные группы, характеризующие взаимоотношения между сторонами, между сторонами и судом, а также внутри иерархической общегражданской или арбитражной системы судебной власти между вышестоящим и нижестоящим судом в рамках рассмотрения конкретного дела. Поскольку же гражданский и арбитражный процесс функционируют, главным образом, в связи с наличием конкретных конфликтующих материальных интересов, а организация и осуществление правосудия должны быть подчинены идее защиты прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, то именно природа, содержание и целеположенность данных интересов обуславливают характер как их материально-правового, так и процессуально-правового опосредования. При этом судебно-процессуальные отношения характеризуются участием субъектов правоприменительной деятельности, призванных обеспечить правовое разрешение возникшего конфликта и, таким образом, надлежащую реализацию прав и свобод граждан. Такое участие происходит в форме властно-обязывающей деятельности и объективно требует применения императивных способов упорядочения соответствующих общественных отношений.

Следовательно, специфика метода гражданского процессуального регулирования проистекает из сопряжения в рамках гражданских судопроизводственных отношений частных и публичных ин-

---

¹ См.: Гражданский процесс: Учебник / Под ред. В. В. Яркова. М., 2004. С. 12.

тересов и определяется сущностными чертами регулирования как материально-правовых гражданских отношений, так и судебной деятельности.

Основным предметом гражданского права, определяющим его природу, назначение и правовые особенности, являются имущественные отношения, которые в законодательстве и литературе именуется также экономическими, предпринимательскими и хозяйственными.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)¹, договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Особую группу неимущественных прав, входящих в состав гражданского права, образуют так называемые неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага, которые, согласно ч. 2 ст. 2 ГК, защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ. К числу таких прав и свобод относятся жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом (ст. 150 ГК).

---

¹ Подробнее об особенностях юридической природы корпоративных отношений См.: Гутников О. В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 54–65; Семякин М. Н. Проблемы определения предмета цивилистического правоведения // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 40–44; Тягай Е. Д. «Участие» в корпоративных организациях и «управление» ими: проблемы легального закрепления и дифференциации корпоративных отношений // Lex russica. 2016. № 11. С. 22–32 и др.

Общественные отношения, составляющие предмет гражданского права, носят взаимооценочный характер¹. Взаимная же оценка участников общественных отношений может правильно формироваться лишь при условии равенства оценивающих сторон. Поэтому имущественно-стоимостные и личные неимущественные отношения получают наиболее полное развитие только в том случае, если они регулируются на основе юридического равенства сторон. В цивилистической доктрине обосновывается главенствующая роль принципа равенства в системе основных начала гражданского законодательства, что обусловлено его конституирующей ролью:

1) при создании гражданско-правовых норм и закреплении в них субъективных прав и обязанностей;

2) при введении ограничений субъективных прав;

3) при изменении и дополнении действующих гражданско-правовых норм и издании новых законов;

4) при применении гражданско-правовых норм;

5) при осуществлении гражданских прав и обязанностей².

Из этого вытекает, что в гражданском праве применяется метод юридического равенства сторон.

Природа данных отношений, опосредованных конституционными положениями о гарантиях свободы экономической деятельности, признании и защите равным образом частной, государственной и иных форм собственности, праве каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статьи 8, 34, ч. 1; 35, ч. 1 и 2, Конституции РФ) и нормами ГК РФ о признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты; равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников гражданско-правовых отношений; возможности по своему усмотрению осуществлять принадлежащие им гражданские права. (п. 1 и 2 ст. 1, п. 1 ст. 2 и п. 1 ст. 9), заключена

---

¹ См.: Романенко Н. С. Эквивалентность в российском гражданском праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

² См.: Киракосян С. А. Принцип равенства в российском гражданском праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 8.

в их диспозитивном начале, которым предопределяются и диспозитивные основы процессуальной защиты проистекающих из них прав¹. Отсюда следует, что законодатель, избирая те или иные способы нормативного регулирования соответствующих отношений, не вправе использовать приемы, которые бы ставили под сомнение саму суть свободного обмена имущественными и личными немущественными благами между равноправными участниками хозяйственного оборота.

Субъекты гражданского права — граждане, юридические лица и государственные образования, вступая в имущественные отношения и реализуя свою правоспособность, равны. Юридическое равенство сторон в гражданском праве означает, что ни одна из сторон в гражданском правоотношении не может предопределять поведение другой стороны только в силу занимаемого ею положения. Применение метода юридического равенства сторон обеспечивает участникам гражданских правоотношений независимость и самостоятельность, позволяет им проявлять инициативу и предприимчивость, совершать любые действия, не запрещенные законом, что имеет чрезвычайно важное значение для развития гражданского оборота в условиях рыночной экономики².

Следующая сущностная черта метода гражданско-правовых отношений проявляется в диспозитивности нормативно-правового регулирования, выражающаяся в том, что нормы гражданского законодательства предоставляют субъектам широкую свободу в определении и осуществлении их имущественных прав и содержат большое число диспозитивных правил, от которых участники гражданско-правовых отношений могут отступать, если это вызывается их интересами и соответствует их возможностям. Предоставление сторонам права самим определять свои взаимоотношения и их содержание отражается в преобладании диспозитивных

---

¹ См.: Постановление КС РФ от 14 февраля 2002 года №4-П // СЗ РФ. 2002. №8. Ст. 894. В этой связи не случайно, что принцип диспозитивности, не получивший терминологического закрепления ни в ГПК РФ, ни в АПК РФ, широко используется в судебной практике. См., например, определения Верховного Суда РФ: от 28 декабря 2016 года №309-ЭС16-17456 по делу N А07-116/2016, от 28 февраля 2017 года №4-КГ16-74, от 18 мая 2017 года по делу №303-ЭС16-19975, А37-625/2016, от 6 июня 2017 года №18-КГ17-49, от 13 июня 2017 года №36-КГ17-4, от 15 июня 2017 года №205-КГ17-11.

² См.: Гражданское право: Учебник / Под. ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Т. 1. М., 2003. С. 9.

гражданско-правовых предписаний, обычно содержащих возможность участникам самостоятельно избрать наиболее целесообразный для них вариант поведения.

Принудительная защита гражданских прав, если они не восстанавливаются другой стороной добровольно, осуществляется в судебном порядке. Именно независимость и равенство участников предопределяет, то, что споры между ними могут разрешать лишь независимые от них органы, не связанные с кем-либо из них организационно-властными, имущественными, личными или иными отношениями.

Поскольку преобладающую массу отношений, регулируемых гражданским правом, составляют имущественные (или связанные с ними неимущественные) отношения, гражданско-правовая ответственность, как и большинство других гражданско-правовых мер защиты, тоже носит имущественный характер. Защита нарушенных гражданских прав осуществляется путем применения мер имущественного характера, и заключается, прежде всего, в возложении обязанности возместить причиненные имущественные потери — убытки, а также уплатить неустойку (пени, штраф), если она была предусмотрена. Наряду с этим используются и такие меры имущественного воздействия, как признание права, восстановление ранее существовавшего положения, признание сделки недействительной, исполнение обязанности в натуре (ст. 12 ГК). Допускается и самозащита гражданских прав, если она соразмерна нарушению и не выходит за пределы действий, необходимых для его пресечения (ст. 14 ГК). Даже возмещение морального вреда по гражданскому праву обычно производится в денежной (имущественной) форме. Имущественные убытки могут возмещаться и при нарушении личных неимущественных прав (п. 9 ст. 152 ГК).

Таким образом, метод гражданского права характеризуется юридическим равенством сторон, диспозитивностью юридических предписаний, преимущественно судебным порядком защиты нарушенных гражданских прав, имущественной ответственностью за совершенное правонарушение.

Поскольку взаимоотношения субъектов данных сфер деятельности строятся на автономии, равенстве и диспозитивности, их процессуальное положение в определенной степени также строится на этих началах. Поэтому черты материально-правовых методов

гражданско-правового регулирования проникают и в процессуальный метод, включая в него начала диспозитивности¹.

Диспозитивные начала метода гражданского процессуального права проявляются, прежде всего, в равенстве сторон процесса в тех возможностях, которые предоставлены им для защиты своих прав и интересов. Гражданский процесс возбуждается в связи с возникновением спора между различными участниками гражданско-правовых отношений. После возбуждения дела в суде спорящие лица становятся субъектами гражданских процессуальных правоотношений. Стороны в гражданском процессе наделяются целым комплексом процессуальных прав и обязанностей, позволяющих им защищать свои интересы в суде, равно как и дающих возможность суду воздействовать на их процессуальную деятельность. Диспозитивность метода регулирования гражданских процессуальных отношений проявляется и в свободе пользования сторонами своими правами, поскольку субъекты гражданского процессуального права вправе осуществлять либо не осуществлять свои права.

Что же касается судебной деятельности, то она представляет собой властную деятельность суда по применению норм материального и процессуального права, что предполагает соответственно и властное начало в механизме процессуального регулирования, присутствие императивных черт в гражданском процессуальном методе правового регулирования.

Гражданский и арбитражный процесс основываются на строго определенном процессуальном порядке осуществления правосудия — гражданской процессуальной форме. Гражданский (арбитражный) процесс представляет собой сложный комплексный фактический состав, который характеризуется связанностью всех входящих в него элементов и имеет один конечный результат — вынесение решения суда. Формализм в гражданском процессе имеет большую собственную ценность, поскольку его соблюдение обеспечивает гарантии законности и объективности. Гражданская процессуальная форма с ее элементами формализма обеспечивает гарантии беспристрастности, снижает субъективизм и судейское усмотрение. В этой связи на суд в гражданском (арбитражном) процессе воз-

---

¹ См.: Полянская Н. Ю. Реализация принципа диспозитивности в механизме гражданского процессуального регулирования. Автореф. дисс. ... к. ю.н. Саратов, 2005.

лагается обязанность по руководству процессом и осуществлению права контроля за отдельными действиями сторон.

При этом главное для суда — организовать такой процесс, в котором лицам, участвующим в деле, были бы созданы все условия для реализации ими своих процессуальных прав и выполнения лежащих на них процессуальных обязанностей: на подачу искового заявления, представление своих возражений на иск, предъявление встречного иска, заявление и разрешение ходатайств, обоснование своей позиции по делу в целом и по отдельным, возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, предоставление доказательств, участие в их исследовании и т. д. Важнейшими условиями выполнения судом этой роли является: независимость суда, его объективное и беспристрастное отношение к лицам, участвующим в деле, обеспечение их процессуального равноправия при производстве по делу¹. Иными словами, юридическое предназначение суда в современно гражданском судопроизводстве заключается в обеспечении состязательности и равноправия сторон.

Таким образом, принцип состязательности и равноправия сторон пронизывает содержательные характеристики как диспозитивного, так и императивного начал метода гражданского процессуального регулирования, определяя характер воздействия норм гражданского и арбитражного процессуального права на судопроизводственные отношения.

2.3. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И РАЗВИТИИ

Признание принципа равноправия и состязательности сторон в качестве конституционного, предполагающее придание конституционной нормативности основополагающему набору входящих в его состав требований и императивов, вместе с тем не предопределяет конкретного, абсолютно определенного правового регулирования судопроизводственных отношений. Осуществление такого регулирования является прерогативой феде-

---

¹ См.: Жуйков В. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. №6. С. 25.

рального законодателя, располагающего при этом — как уже было отмечено ранее — достаточно широкой свободой усмотрения.

Действительно, как верно отмечает С. А. Шишкина, состязательное судопроизводство многовариантно, оно различается от страны к стране; тот факт, что во Франции или Австрии суд имеет больше полномочий по вмешательству в материальную сторону процесса, чем в Великобритании или США, не означает, что французская или австрийская системы не являются состязательными¹. Дискреция федерального законодателя, однако, не является безграничной; она определяется как социальными факторами, в основе которых располагается соотношение достигнутого обществом уровня развития правосознания, включающего в себя и ценностно-нормативные установки решения юридических конфликтов, и конкретно исторических потребностей социума в организации разрешения гражданских правовых споров, так и факторами правовыми, среди которых, прежде всего, субъективные и объективные юридические подходы к определению системно обусловленного нормативного содержания положения части 3 статьи 123 Конституции РФ применительно к гражданскому судопроизводству. При этом следует принимать во внимание, что состязательность имеет глубокие исторические корни и проявилась задолго до своей конституционной формализации, соотносясь — в различные периоды развития общества — как с собственно состязательной формой судопроизводства, так и с иными типами построения судебного процесса.

В этой связи для адекватной интерпретации конституционного регулирования состязательности и равноправия сторон, его надлежащей конкретизации в текущем гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве, а также последовательной реализации в гражданском судопроизводстве следует, прежде всего, определить исходную методологическую позицию в отношении параметров взаимосвязи состязательности и равноправия сторон как принципа организации гражданских судопроизводственных отношений, с одной стороны, и состязательной формой гражданского судопроизводства. А именно, необходимо уяснить, обязывает ли конституционное закрепление положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности

---

¹ См.: Шишкин С. А. Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М.: Городец, 1997. С. 128.

и равноправия сторон к нормативной формализации определенного — состязательного — типа гражданского судопроизводства, либо же федеральный законодатель вправе предусмотреть механизмы реализации состязательности и равноправия сторон в рамках установления иного — несостязательного — типа гражданского судопроизводства.

Разрешение данного вопроса предполагает рассмотрение исторических закономерностей развития принципа состязательности и равноправия сторон в его соотношении с развитием типов судопроизводства в национальной правовой традиции.

Как известно, в зависимости от того, какие задачи стоят перед судебным процессом, как определяются полномочия и функции государственных органов, ведущих процесс, насколько в процессе представлены и защищены права человека (в том числе соотношение интересов личности и государства), какова система доказательств, на ком лежит обязанность доказывания вины, какие решения может принять суд по делу, выделяются три типа (форм) судопроизводства: состязательный, следственный и смешанный.

Состязательность — наиболее древняя форма разрешения гражданско-правовых споров. Так, уже анализ положений Русской правды, Псковской и Новгородской судных грамот позволяет говорить о том, что данные источники древнерусского права, хоть и не закрепляли состязательность в качестве принципа рассмотрения гражданских дел в непосредственно терминологической форме, фактически устанавливали такое положение сторон и их роли в процессе доказывания, которые характеризуют наличие элементов состязательного судопроизводства. В частности, возбуждение гражданского дела осуществлялось по инициативе заинтересованного лица путем предъявления иска или поклопа. Без жалобы дело не рассматривалось. Начиная процесс, истец обязан был знать лицо, к которому он предъявлял иск. Розыск ответчика и вызов его в суд возлагались на истца. Стороны занимали равное положение в процессе и даже назывались одинаково — истцы. Они самостоятельно определяли предмет доказывания и доказательства, подтверждающие их требования и возражения. Установление фактических обстоятельств дела полностью возлагалось на стороны. Суд выполнял лишь функцию беспристрастного арбитра, оценивающего доказательства и постановляющего решение. «Доказательства

приводились перед судьями, записывались дьяками и доводились до сведения противоположной стороны. Пассивность сторон рассматривалась как отказ от совершения процессуального действия. Так, Новгородская судная грамота указывала, что при неявке одной из сторон в суд спор решается в пользу другой стороны»¹.

Развитие социально-экономических отношений, централизация государственного и судебного аппаратов обусловили изменение порядка судопроизводства. С усилением роли государства частные и общественные формы рассмотрения юридических споров были заменены государственными, что нашло отражение и в формах процесса.

Соборное уложение 1649 года укрепило тенденцию, направленную на повышение активности суда в процессе и ограничение процессуальных возможностей сторон. Оно предусмотрело две формы гражданского судопроизводства — суд (состязательный процесс) и очную ставку. Уложение восприняло основные положения, состязательного процесса, закрепленные в предшествующем законодательстве. Основанием для возбуждения дела в порядке состязательного процесса служила исковая челобитная потерпевшей стороны. Вызов в суд пересдал быть исключительно частным делом истца. Приставная память и зазывная грамота вручались ответчику приставом или воеводой соответственно (статьи 108, 114 гл. X). Ответчик мог быть привлечен к ответственности за нарушение порядка явки в суд (статьи 119, 120, 137, 139, 141 гл. X). Таким образом, государство становится активным участником разрешения гражданско-правовых споров. При этом судебное разбирательство совмещало в себе следствие по делу и собственно суд.

Наиболее серьезное усиление следственного (инквизиционного) процесса произошло в период реформ Петра I. Розыскной судебный процесс характеризовался противопоставлением судьи-следователя лицу, служащему предметом розыска. Право преследования принадлежало государству, следствие не было связано процессуальной формой, судебное решение основывалось на материалах следствия, существовала формальная система доказательств.

К основным важнейшим законам петровской эпохи, в части судебного процесса, необходимо отнести:

---

¹ См.: Фокина М. А. Состязательность в гражданском судопроизводстве: закономерности и исключения. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. С. 7.

- Именной указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» (далее — Указ 21 февраля 1697 г.) и Указ от 16 марта 1697 г., изданный в дополнение и развитие первого;

- «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» от марта 1715 г. (далее — «Краткое изображение»);

- Указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» (далее — Указ «О форме суда»).

Петр I проявил себя решительным противником состязательного процесса, который применялся в русских судах не только при рассмотрении гражданских дел, но и весьма значительной части уголовных. Как отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, императору не нравилась свобода сторон в назначении цены иска, наем поверенных. Указом 21 февраля 1697 г. полностью отменяется состязательный процесс, вводится по всем делам процесс следственный, инквизиционный. Данным Указом провозглашается отмена судов и очных ставок. Под судом здесь понимается форма процесса, носящая состязательный характер. В XVII в. очная ставка — особая форма процесса. Стороны ставились лицом друг к другу и доказывали перед судьей свою правоту. Но с течением времени судья перестает быть пассивным арбитром, и свободный спор сторон превращается в их допрос. Сам по себе Указ 21 февраля 1697 г. не создает принципиально новых форм процесса. Он использует уже известные, сложившиеся на протяжении веков, «московские» формы розыска. Закон очень краток, в нем записаны лишь основные, принципиальные положения, он не заменял предыдущее законодательство о розыске, а, наоборот, предполагал его использование в нужных пределах. Это хорошо видно из указа 16 марта 1697 г., изданного в дополнение и развитие Указа 21 февраля 1697 г. В частности в Указе от 16 марта 1697 г. говорится: «А которые статьи в Уложении надлежат к розыску и по тем статьям разыскивать по-прежнему».

Указ 21 февраля 1697 г. был дополнен и развит «Кратким изображением». «Краткое изображение», основываясь на принципах Указа 21 февраля 1697 г., развивает их применительно к военной юстиции, военному судопроизводству, являясь, таким образом, специальным законом по отношению к общему закону. «Краткое изображение» не просто детализирует применительно к армейской

обстановке принципы процесса, изложенные в Указе 21 февраля 1697 г., который опирался на Соборное Уложение. Оно вносит новые формы и институты в процессуальное право России. Эти нововведения в определенной мере проистекают из западных источников, которыми пользовался законодатель, но они отражают и уровень общественно-политического и правового развития России, достигнутый ею к началу XVIII в. Начала следственного процесса, изложенные в «Кратком изображении», стали применяться не только в военном суде, но и в гражданском, поскольку, в соответствии с Указом от 10 апреля 1716 г., «Краткое изображение» касалось «...и до всех правителей земских...». Таким образом, Указ 21 февраля 1697 г. и «Краткое изображение» предусматривали как для уголовных, так и для гражданских дел розыскной, следственный процесс.

Вместе с тем, 5 ноября 1723 г. был издан Указ «О форме суда», существенно расхоdivшийся с общей тенденцией к усилению розыскных (инквизиционных) начал в судопроизводстве. Его основными процессуальными новеллами являлись: ведение словесного, устного судебного разбирательства; при изложении жалобы истца или пострадавшего следовало указать на пункты обвинения, причем ответчику вменялось в обязанность дать ответ по каждому пункту отдельно; расширялось судебное представительство, хотя и при соблюдении ряда формальностей необходимо было особое «верующее письмо» — доверенность, в котором доверитель давал обязательство признать все его действия на суде; принимались меры к предотвращению волокиты, в частности, меры вызова в суд в установленный срок челобитчика и ответчика, с указанием законных причин для неявки сторон на суд.

Значительные изменения организации и функционирования гражданского судопроизводства произошли в середине XIX века в связи с проведением судебной реформы, в рамках которой был принят, в частности, Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 года — первый в истории российского законодательства процессуальный кодекс.

Работы по реформированию гражданского процессуального законодательства начались еще в 40-х годах XIX в. и включали в себя несколько этапов.

Сначала во втором отделении собственной Его императорского величества канцелярии были составлены подготовительные про-

екты новых уставов судопроизводства, которые Государственный совет после предварительного рассмотрения передал на рассмотрение практиков «по судебной части». Когда практические замечания поступили со всех концов России, для их изучения учредили особую комиссию. Результаты ее работы обсуждались в Государственном совете 1862 года, и после утверждения были обнародованы для всеобщего сведения 29 сентября 1862 года под названием «основные положения преобразования судебной части».

Итогом подготовки нового процессуального законодательства явилось рассмотрение составляемых законопроектов в Государственном совете.

При этом выработанные по итогам работы комиссии основные направления реформирования гражданского судопроизводственного законодательства, удостоившиеся Высочайшего утверждения 29 сентября 1862 года, связывались с необходимостью устранения наиболее существенных недостатков гражданского судопроизводства по действовавшему законодательству (Своду законов в редакции 1857 года), выявленных на подготовительном этапе работы.

К главным недостаткам гражданского судопроизводства относились медлительность в ходе гражданских дел, установление различных формальностей и существование письменной системы.

К непосредственным недостаткам гражданского судопроизводства на этапе его развития относили:

1) сложный порядок судопроизводства: а) общего, б) четырех главных и в) шестнадцати особенных;

2) смешение полицейской и судебной власти;

3) неопределенность законов о подсудности;

4) существование особых сословных судебных учреждений: магистры, ратуши и надворные суды;

5) обязанность единовременного вызова в суд тремя способами: через повестку, через объявления в суде и через публикацию в ведомостях;

6) продолжительность и разнообразие сроков на явку в суд и на подачу возражений, опровержений, частных и апелляционных жалоб;

7) отсутствие определенных правил об участии постороннего лица в тяжбе, производящейся между другими лицами;

8) существование следственного процесса, который неправильно применяется к гражданским делам между другими лицами;

9) недостаток правил порядка сокращенного судопроизводства, которому должны быть подчинены дела простые и малоценные;

10) излишне строгая формальность в отношении внешней формы исковых прошений, при совершенном отсутствии правил о их внутреннем содержании;

11) допущение неограниченного числа бумаг, подаваемых тяжущимся, часто лишь с целью замедлить дело;

12) неточность законов о судебных издержках и разнообразие видов этих издержек, порождающих разные недоумения и нескончаемую переписку;

13) совершенное отсутствие правил о порядке постановления заочных решений в случае неявки ответчика;

14) неопределенность порядка подачи частных прошений и жалоб;

15) требование канцелярской тайны в гражданских делах;

16) неточность и неполнота правил о доказательствах и право суда назначить присягу тяжущемуся, как судебное доказательство;

17) неудобство порядка прокурорского надзора и совершенную невозможность для прокуроров исполнять свои обязанности по судебному ведомству;

18) неопределенность порядка постановления вопросов при решении дел и необязательность изложения оснований в решениях судебных мест;

19) взыскание штрафов за неправые иски и за подачу апелляционной жалобы, признанной судом неправильной;

20) многочисленность судебных инстанций, замедляющих ход дела;

21) переход дела из департамента сената, по разногласию, в общее сената собрание и Государственный Совет и проистекающие от его смешения властей судебной и законодательной;

22) неопределенность порядка правил об отмене решений судебных мест;

23) неопределенность порядка наложений ответственности за неправильные действия судей и прокуроров;

24) исполнение решений полицией, а не судом, местами, а не лицами и установление для его исполнения целого ряда инстанций;

25) недостаточность правил о правах и обязанностях поверенных¹.

---

¹ См.: Судебные уставы с изменениями рассуждений. М., 1867. С. 8–9.

Сообразно с этим были сформулированы основные положения гражданского судопроизводства, составившие концептуальную платформу Устава гражданского судопроизводства.

Эти новые основные начала заключались, в частности, в следующем:

1) введение состязательного процесса вместо следственного;
2) отделение судебной части от административной и исполнительной;

3) введение гласности и уничтожения канцелярской тайны;

4) установление двух судебных инстанций и кассационного суда;

5) введение сокращенного, словесного судопроизводства;

6) учреждение при судах постоянных присяжных поверенных¹.

Таким образом было предусмотрено следующее правовое регулирование гражданских судопроизводственных отношений. Иск подавался мировому судье в письменной или устной форме, ответчик вызывал в суд повесткой. В судебном разбирательстве стороны обменивались словесными показаниями, могли быть представлены письменные и вещественные доказательства. Решение принималось мировым судьей единогласно, истцу выдавался исполнительный лист, который передавался им в органы полиции, волостные правление или судебному приставу при мировом суде. В окружном суде и судебной палате процесс усложнялся. Истец подавал исковое заявление по точно установленной форме и с уплатой пошлины. Истец и ответчик обменивались затем документами: ответчик давал ответ на исковое заявление; истец выдвигал на это свои возражения или опровержения. Допускался кассационный или апелляционный пересмотр дела. После истечения сроков, установленных для пересмотра, истцу выдавался исполнительный лист, председатель суда назначал судебного пристава, приводившего в исполнение решение о взыскании.

Как отмечает в своей работе О. И. Золотова в конце XIX в. в гражданском судопроизводстве были произведены значительные изменения, которые «изменили функции суда в процессе с безучастного арбитра на участника производства, управляющего его движением в целях обеспечения интереса всего общества в скором и законном правовом урегулировании конфликта между отдельными его чле-

---

¹ См.: Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / Науч. консультант проекта — Е. А. Скрипилев. Т. III. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. / Отв. Ред. А. В. Наумов. М.: Мысль. 2003. С. 15.

нами, защите их прав и интересов... Направлением произведенных изменений являлись упрощение, оптимизация существовавшего порядка отправления правосудия по гражданским делам, что в конечном счете привело к трансформации либерального типа в социальный тип состязательной модели»¹.

Советская теория и практика организации гражданских судопроизводственных отношений имела в своей основе двуединое концептуальное начало, связанное с отрицанием роли, места и предназначения суда, присущих прежнему буржуазному политическому режиму, и претворением в жизнь ленинских принципов конструирования правосудия, как средства борьбы с эксплуататорами. По мнению В. И. Ленина, «суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации. Поэтому безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения... а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно. На место старого суда надо создавать новый, народный суд, вернее, советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, — и только этих классов, — в управлении государством. Новый суд нужен прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии...»².

Данные подходы были восприняты уже в первых законодательных актах Советского государства, регламентировавших процессуальный порядок рассмотрения дел в гражданских судах. Так, Декретом Совнаркома РСФСР от 24 ноября 1917 года «О суде»³ предусматривалось упразднение «доныне существующих судебных установлений, как-то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды» с заменой их судами, образуемыми на основании демократических выборов; приостановление действия института мировых судей с заменой их местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спи-

---

¹ Золотова О. И. Реформа или контрреформа гражданского судопроизводства в России в конце XIX в.? // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2. С. 136–153.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 162–163.

³ См.: СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

скам очередных судей. Декретом упразднились институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно институты присяжной и частной адвокатуры. Допуск лиц в качестве поверенных по гражданским делам (равно как обвинителями и защитниками по уголовным) основывался на классовом подходе и предполагал, что в соответствующем качестве могли выступать лишь «неопороченные граждане обоюбого пола, пользующиеся гражданскими правами». Регулирование вопросов организации судебного процесса предполагалось решить в специальном акте, которым стал Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 года № 2 «О суде»¹. Принятый в условиях социально-экономической и политической нестабильности и острой потребности в установлении нормативного регулирования порядка решения гражданских споров, данный Декрет закрепил весьма парадоксальное для революционного политического режима правило «переживания» ранее действовавших судопроизводственных норм (судебных уставов 1864 года), если, однако, соответствующие положения не отменены декретами ЦИК и Совнаркома и не противоречат правосознанию трудящихся; в последнем случае суду надлежало указать мотивы отмены устарелых или буржуазных законов (ст. 8). Декрет не определял какого-либо конкретного типа гражданского судопроизводства, но анализ содержащихся в нем положений позволяет говорить о преимущественно розыскном характере процесса. Это проявлялось, например, в том, что вопросы подсудности по гражданским делам решались окончательно без права обжалования судом, к которому поступило дело (ст. 10), и, следовательно, ответчик ставился в заведомо худшее положение по отношению к истцу. Согласно ст. 13 Декрета, при разрешении гражданских дел, требующих специальных познаний, суд, по собственному усмотрению, мог пригласить сведующих лиц в состав судебного присутствия с правом совещательного голоса. Стороны также могли принять участие в процессе формирования состава сведующих лиц, однако, суд располагал возможностью отвергнуть представленные сторонами кандидатуры и назначить экспертов самостоятельно. Кроме того, ст. 14 Декрета предусматривала абсолютную свободу усмотрения суда при оценке допустимости доказательств.

Содержание нормативного регулирования гражданского судопроизводства в значительной мере предопределялось и присущими

---

¹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.

советской юридической доктрине и практике подходами к организации гражданских материально-правовых отношений. По мнению В. И. Ленина новой власти следовало «не перенимать... старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое... Расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые отношения»¹. Такое расширение публично-властных начал — вслед за Гражданским кодексом РСФСР 1922 года² — произошло и в советском гражданском процессуальном праве, основу которого заложил Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, принятый Постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 года и вступивший в силу с 1 сентября 1923 года³.

Вместе с тем, поскольку принятый IV сессией Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Гражданский кодекс вступил в силу с 1 января 1923 года, Наркоматом юстиции РСФСР в качестве временного правового регулирования судебного разрешения гражданских дел было предложено руководствоваться Положением о народном суде и изданными в его дополнение и развитие циркулярами Наркомата юстиции, а также принятым им Постановлением «Об основных нормах гражданского процесса»⁴. Данное Положение содержало в себе начала как состязательного, так и розыскного процесса с доминированием последнего. Так, с одной стороны, оно предусматривало возбуждение гражданского судопроизводства не иначе, как по просьбе заинтересованной стороны (исковой просьбе) (п. 2); обязанность суда внимательно следить за действительным вручением повесток с вызовом в суд, и хотя неявка сторон, надлежащим образом вызванных, не препятствовала разбору дела, тем не менее суд, признавая необходимым личные объяснения не явившейся стороны, должен был отложить разбирательство и при новом вызове указать сторонам на необходимость их объяснений (п. 4); возможность восстановления про-

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

² См.: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 года «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

³ См.: Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 года «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским процессуальным кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

⁴ См.: Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 4 января 1923 года «Об основных нормах гражданского процесса» // СУ РСФСР. 1923. № 8. Ст. 107.

пущенного срока стороной, пропустившей установленный законом срок по уважительной причине и не по своей вине (п. 6). С другой же стороны, председательствующий в судебном заседании признавался обязанным всемерно стремиться к выяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся и в этих целях должен был — не ограничиваясь выслушиванием тех объяснений и того материала, который представлен ими — способствовать тому, чтобы существенные для разрешения дела обстоятельства, служащие основанием прав и требований сторон, были надлежаще выяснены и подтверждены доказательствами (п. 3). Кроме того, за судом призывалось право при наличии заявления одной из сторон о подлоге документа конкретным лицом приостановить производство и возбудить обвинение в уголовном порядке, если соответствующий документ имел существенное значение (п. 12).

В принятом Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1923 года розыскные начала были расширены, главным образом, за счет увеличения объема процессуальных полномочий суда, путем признания его активным и инициативным субъектом процесса. Наиболее ярко это отражено в ст. 5 Кодекса, согласно которой суд был обязан оказывать активное содействие в ограждении прав и законных интересов трудящихся, чтобы их юридическая неосведомленность, малограмотность и тому подобные обстоятельства не могли быть использованы им во вред. Активность и инициативность суда проявлялись в положениях Кодекса, предусматривающих, в частности, право Верховного Суда в зависимости от особых обстоятельств дела постановить о переносе разбора дела в другой суд (ст. 32), правах любого суда по собственной инициативе решить вопрос о необходимости собирания доказательств, предложить сторонам представить дополнительные доказательства, если представленные доказательства, по мнению суда, недостаточны (ст. 118); произвести необходимые проверочные действия по представленным доказательствам с помощью осмотра на месте, вызова сведующих лиц (экспертов), вызова и допроса свидетелей и проверки письменных документов (ст. 121); провести вторичный допрос свидетеля в том же или последующем заседании (ст. 137); в случае заявления о подложности документа произвести проверку его подлинности путем допроса необходимых, по мнению суда, лиц (ст. 150).

По существу, аналогичное регулирование было первоначально предусмотрено и для арбитражных споров, разрешавшихся арбитражными комиссиями. Так, например, Постановление Совета труда и обороны РСФСР от 14 марта 1923 года, утвердившее Правила о производстве дел в Высшей арбитражной комиссии при Совете труда и обороны и местных арбитражных комиссиях¹, и Постановление Совета народных комиссаров СССР от 17 октября 1925 года, утвердившее Положение о хлебных арбитражных комиссиях², устанавливали, что производство дел в арбитражных комиссиях происходит применительно к правилам производства гражданских дел в общих судах с теми изъятиями, которые вызываются особенностями дел, подведомственных арбитражным комиссиям. Вместе с тем, в последующей регламентации механизма арбитражного решения правовых споров отчетливо проявилась его административная природа. В соответствии с утвержденным совместным Постановлением ЦИК СССР и Совнаркома СССР Положением о государственном арбитраже³, органы государственного арбитража наделялись правом требовать от всех учреждений, предприятий и организаций представления необходимых документов, сведений и материалов, вызывать должностных лиц для объяснения, назначать экспертизы и т. п. (п. 7). Государственный арбитраж должен был исходить из необходимости строго соблюдения плановой и договорной дисциплины и повышения материальной ответственности хозяйственных органов и персональной ответственности хозяйственников за невыполнение или ненадлежащее выполнение договоров и сделок; о всех выявленных серьезных нарушениях договорной и плановой дисциплины и иных недочетах в деятельности учреждений, предприятий и организаций государственный арбитраж должен был сообщать вышестоящим над ними органам или органам рабоче-крестьянской инспекции, а в надлежащих случаях — прокуратуре (п. 9). Главному арбитру предоставлялось право в течение месячного срока с момента вынесения решения приостановить его исполнение и передать дело на новое рассмотрение государственного арбитража (п. 12). Причем соответствующее

---

¹ См.: СУ РСФСР. 1923. № 25. Ст. 292.

² См.: СЗ СССР. 1925. № 74. Ст. 553.

³ См.: Постановление Центрального исполнительного комитета СССР № 5, Совета народных комиссаров СССР № 298 от 3 мая 1931 года «Положение о государственном арбитраже» // СЗ РФ. 1931. № 26. Ст. 203.

право не было связано ни объективными формально определенными основаниями для возобновления арбитражного производства, ни количеством допустимых возобновлений.

Дальнейшее развитие советского гражданского процессуального права также происходило в условиях сочетания состязательных и инквизиционных начал при преобладающем проявлении последних. Однако такое преобладание постепенно утрачивало — по крайней мере, в формально-юридическом смысле — свойства доминирования. Более того, второй Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, принятый в 1964 году¹, впервые в отечественной истории гражданского судопроизводства провозгласил принцип осуществления правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом, независимо от их социального, имущественного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедования (ст. 5). Вместе с тем, принцип равенства перед законом и судом не тождественен принципу состязательности и равноправия сторон, являющемуся его специальным — судопроизводственным проявлением — и в силу этого предполагающему определенный набор специфических нормативных требований к определению порядка исследования доказательств и роли суда в процессе, обеспечению процессуального статуса сторон, а не общеправового статуса личности. А потому далеко не случайно, что наряду с введением в процессуальное законодательство принципа равенства перед законом и судом, законодатель — как и в прежнем ГПК РСФСР 1923 года — предусмотрел активность и инициативность суда (ст. 14), увеличив при этом объем ее конкретизации. Суд вправе был проявить активность путем принятия решения по собственной инициативе при привлечении третьих лиц (ст. 38), в том числе по делам о восстановлении на работе (ст. 39), органов государственного управления (ст. 42); собирании доказательств (ст. 50), принятии мер к обеспечению иска (ст. 133), исправлении в судебном решении опечаток или явных арифметических ошибок (ст. 204), вынесении дополнительного решения (ст. 205), приостановлении и возобновлении производства (ст. 215, 218), направлении исполнительного листа для исполнения (ст. 340), взыскании с должностного лица, виновного в неисполне-

---

¹ См.: Закон РСФСР от 11 июня 1964 года «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским процессуальным кодексом РСФСР) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

нии решения суда о восстановлении на работе убытков, причиненных выплатой работнику денежных сумм вследствие неисполнения решения суда (ст. 407), решении вопроса о повороте исполнения (ст. 431). Вместе с тем интенция законодателя к демократизации гражданского судопроизводства была очевидна.

Новую форму своего воплощения она получила при принятии Конституции (Основного закона) РСФСР 1978 года¹, ст. 168 которой впервые в конституционной истории России, провозгласила в качестве общего принципа правосудия в РСФСР осуществление его на началах равенства граждан перед законом и судом, а в 1991 году расширение судопроизводственных аспектов нормативного потенциала принципа равноправия обрело и строго процессуальное конституционное звучание, первоначально оформившееся в положение о равенства *сторон* перед законом и судом², а затем и в положение о *сопоставительности и равенстве сторон перед законом и судом* (Закон РФ от 9 декабря 1992 года № 4061-1). Что же касается отраслевого регулирования, то отразило принцип сопоставительности и равноправия сторон только в 1995 году, уже в рамках новой Конституции РФ³.

Сказанное позволяет утверждать, что история становления и развития конституционного принципа сопоставительности и равноправия сторон свидетельствует о необходимости различения ограничительного и расширительного толкования конституционных требований о равенстве всех перед судом, сопоставительности, равноправия сторон в судопроизводстве. Расширительное толкование предполагает, что из Конституции РФ 1993 г. вытекает особый, наиболее демократичный тип отправления правосудия — сопоставительный, которому противостоит следственное либо смешанное (сочетающее оба начала) судопроизводство. Ограничительное понимание сопоставительности и равноправия сторон сводится к его оценке как одного из принципов — в своей основе отраслевых — осуществления гражданского (арбитражного) процесса, который

---

¹ См.: Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая Верховным Советом РСФСР 12 апреля 1978 года // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

² См.: Закон РСФСР от 24 мая 1991 года № 1326-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 22. Ст. 776.

³ См.: Федеральный закон от 30 ноября 1995 года № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4696.

реализуется, в той или иной степени, в каждом типе гражданского судопроизводства.

Поэтому историческое развитие конституционного принципа состязательности и равноправия сторон сводится, в конечном счете, к утверждению состязательного типа отправления гражданского судопроизводства.

ГЛАВА III

ОТ ДОКТРИНЫ — К ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВОСУДИИ

3.1. РЕАЛИЗАЦИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРЕДЕЛЫ УНИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Устанавливая общее правило об осуществлении судопроизводства на началах состязательности и равноправия сторон, Конституция РФ не раскрывает его содержания и не предусматривает непосредственного регулирования особенностей его правовой регламентации в зависимости от вида судопроизводства. Это, однако, не означает, что состязательность и равноправие сторон проявляет себя в различных судопроизводственных отношениях одинаковым образом, а федеральный законодатель должен установить унифицированный порядок его применения для всех судебных форм защиты права. Напротив, заключая в себе ряд основополагающих абстрактно-обобщенных требований к построению судебного процесса, распределению процессуальных функций, порядку сбора и критериям оценки доказательств, конституционный

принцип состязательности и равноправия сторон проявляет свое регулятивное и организующее воздействие на процессуальные отношения сообразно со специфическими особенностями их юридической природы, определяемой, в частности, предметной юрисдикцией, характером спорного материального правоотношения, соотношением частных и публичных и публичных начал, что предполагает существенные различия в отраслевом нормативном содержании состязательности и равноправия сторон, сочетание унификации и дифференциации в регулировании данного принципа. Так, в уголовном процессе присутствует ярко выраженное публичное начало, связанное с необходимостью применения государственно-властных принудительных мер для выяснения наличия или отсутствия виновности лица, обвиняемого в совершении преступления, и предотвращения совершения новых преступлений, в связи с чем, к примеру, доказательственная база по уголовному делу формируется как защитником обвиняемого, так и следственными органами, причем последние — должны защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, уважать достоинство личности и действовать в рамках презумпции невиновности — обязаны собирать как обличающие обвиняемого доказательства, так и, напротив, оправдывающие¹, чего нет и объективно не может быть в гражданском судопроизводстве.

Особенности реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве связаны с природой гражданских и арбитражных процессуальных отношений, как имеющих в своей основе проистекающее из горизонтального пересечения материально-правовых интересов сторон, выступающих участниками свободного, равноправного, эквивалентного обмена и действующих своей волей и в своем интересе, диспозитивное начало, проявляющееся в праве таковых лиц самостоятельно принять решение о применении или не применении того или иного способа (формы) защиты своих гражданских прав, включая обращение или не обращение в суд, а в рамках судопроизводства избирать наиболее приемлемые варианты действий по формированию и отстаиванию своей правовой позиции в рамках движения процессе, вплоть до отказа от защиты своих прав.

---

¹ См.: Постановление КС РФ от 29 июня 2004 года № 13-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

Предваряя анализ вопросов, касающихся особенностей реализации принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессе, необходимо сделать некоторые вводные замечания, связанные с отправной точкой в методологии исследования. Реализация принципа состязательности и равноправия сторон как конституционного правового принципа является проявлением более общего процесса реализации права, имея при этом свои специфические черты, обуславливаемые его юридической сущностью принципа, а не просто нормы права, а также конституционным уровнем формализации. Под реализацией права в юридической науке обычно понимается процесс воплощения юридических предписаний в правомерных действиях граждан, органов, организаций, учреждений, должностных лиц и всех иных участников общественных отношений, принимающий четыре основные формы: соблюдение, использование, исполнение и применение¹. При этом конституционные нормы — в силу особого юридического характера Конституции как учредительного акта прямого действия, выступающего ядром правовой системы, — имеют отличительные особенности механизма реализации. Поскольку конституционные положения имеют чрезвычайно высокий уровень нормативной обобщенности и широту охвата подпадающих в сферу их действия общественных отношений, они выступают не только мерой должного поведения субъектов права, оказывая непосредственное регулирующее воздействие на общественные отношения, но и предполагают необходимость своей конкретизации в текущем законодательстве, обязывая законодателя создать надлежащие нормативные условия последовательного выражения (развертывания) конституционного потенциала в правовой системе. Особое место в этом плане занимают конституционные нормы-принципы, включая и принцип состязательности и равноправия сторон. Имея наиболее высокую нормативную концентрацию, они, как справедливо отмечает В. О. Лучин, служат основой для наполнения их реальным содержа-

---

¹ См. об этом, например: Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск. 1973; Карташев В. Н. Применение права. Ярославль. 1980; Лазарев В. В. Применение советского права. Изд-во Казанск. ун-та. 1972; Решетов Ю. С. Реализация норм права и правоотношения // Правоведение. 1976. № 6; Явич Л. С. Об исследовании механизма действия права // Советское государство и право. 1973. № 8.

нием¹. Это не означает, конечно, что в отсутствие своей конкретизации они не имеют регулятивного значения, выступая наряду с другими конституционными положениями нормами прямого действия. Однако, в процессе нормативного развития они приобретают качество формальной и, что не маловажно, конкретно исторической определенности, существенным образом повышая свою эффективность. В этой связи, а также принимая во внимание предмет и обусловленные им цели и задачи нашего исследования, рассматривая вопрос о реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессе, мы сосредоточим свое внимание, главным образом, на анализе отображения принципа состязательности и равноправия сторон в действующем гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве.

Прежде всего, следует обратить внимание на то обстоятельство, что состязательность и равноправие сторон как принцип гражданского судопроизводства закрепляется в ГПК РФ и АПК РФ по-разному, в том числе текстуально. В отличие от ГПК РФ, предусматривающего в ч. 1 ст. 12, что правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, АПК РФ устанавливает его путем введения двух относительно самостоятельных структурно обособленных элементов нормативного содержания принципа состязательности и равноправия сторон, фиксируемых в различных статьях Кодекса — равноправие сторон в ст. 8, а состязательность в ст. 9 АПК РФ. Из этого, однако, не следует, что арбитражное процессуальное законодательство — в отличие от Конституции РФ — содержит два самостоятельных принципа рассмотрения и разрешения гражданских дел. Предполагается лишь более детальное, нежели в гражданском процессуальном праве, выражение заключенного в принципе состязательности и равноправия сторон набора нормативных требований, которые, составляя системно целостное и единое юридическое образование, тем не менее, имеют свои аспекты. Неудивительно, что комментаторы раскрывают сам принцип состязательности в его закреплении в АПК РФ в том числе через требование равных возможностей².

---

¹ См.: Лучин В. О. Проблемы реализации Конституции Российской Федерации. М.: Юнити-Дана. 2002. С. 74.

² См.: Бычков А. Ключевой принцип // ЭЖ-Юрист. 2016. № 11.

Сама по себе формальная структуризация нормативного содержания принципа состязательности и равноправия сторон как предполагающего осуществление правосудия на основе состязательности и на основе равноправия сторон не может быть признана конституционно недопустимой, она располагается в сфере усмотрения федерального законодателя, который, однако, при ее реализации не должен создавать напряжения между соответствующими структурными элементами и ставить под угрозу их существенно взаимосвязанное и взаимодополняемое организующее воздействие на арбитражный процесс.

Процессуальное противоборство сторон ведется как в отношении обстоятельств дела (вопросы факта), так и в отношении их юридической квалификации (вопросы права). В этой связи развитие названных общих положений процессуальных Кодексов в рамках регулирования конкретных граждански и арбитражных процессуальных отношений и институтов можно проследить, выделяя фактическую и юридическую стороны принципа состязательности и равноправия сторон¹.

Основой фактической стороны состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве является устанавливаемое кодексами требование об обязанности каждого лица, участвующего деле, доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, ч. 1 ст. 65 АПК РФ). Однако понятие «обстоятельств дела» в гражданском и арбитражном процессе различается. Это выражается в том, что АПК РФ 2002 года, в отличие от ранее действовавшего Кодекса, и в отличие от действующего ГПК РФ, включает в понятие «обстоятельства дела» помимо фактов как таковых содержание норм иностранного права. Согласно абз.3 ч. 2 ст. 14 АПК РФ суд может возложить на стороны обязанность доказывания содержания норм иностранного права. Следовательно, вопросы иностранного права относятся к «обстоятельствам дела», а не к вопросам права.

При этом АПК РФ содержит неизвестное гражданскому процессуальному законодательству понятие «раскрытие доказательств», оформляющее процессуальный институт, имеющий существенное значения с точки зрения обеспечения реализации состязатель-

---

¹ См.: Сапожников С. А., Устюжанинов В. А. Принцип состязательности и судебной истины в новом АПК РФ // Арбитражная практика. 2003. № 2.

ности и равноправия сторон. Он предполагает, что каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено Кодексом (ч. 3 ст. 65). Если же доказательства у других заинтересованных лиц отсутствуют, то необходимо не только их раскрыть, но и направить копии, причем заблаговременно (ч. 4 ст. 65, ч. 1 ст. 66, ч. 3 ст. 125, ч. 3 ст. 260, ч. 3 ст. 277, ч. 3 ст. 313 АПК РФ). Тем самым создаются нормативные условия для обеспечения необходимого уровня осведомленности сторон об обстоятельствах дела, позволяющего им не просто формировать и отстаивать свою правовую позицию в процессе, но и отмечать недостатки, высказывать контрдоводы и критику в отношении правовой позиции противоположной стороны. В свою очередь ГПК РФ содержит правовую основу лишь отдельных элементов данного института, которая, по существу, сводится к обязыванию сторон передать друг другу при подготовке дела к судебному разбирательству копии доказательств, обосновывающие соответственно фактические основания иска и возражения относительно исковых требований (ст. 132, п. 1 ч. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 149 ГПК РФ).

Вместе с тем АПК РФ в сравнении с ГПК РФ закрепляет более широкие возможности сторон по признанию обстоятельств дела и распоряжению доказательствами. Так, ч. 2 ст. 70 АПК РФ оформляет институт арбитражного соглашения относительно обстоятельств дела, который предполагает, что признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения обстоятельства принимаются арбитражным судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания. Однако признание фактов не носит абсолютного характера, так как арбитражный суд вправе не принять признание стороной фактов. Отказ в принятии признания возможен при наличии доказательств, дающих основание полагать, что признание такой стороной конкретных обстоятельств совершено в целях сокрытия обстоятельств или под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения, на что арбитражным судом указывается в протоколе судебного заседания. Арбитражное соглашение относительно обстоятельств дела не является абсолютным и для сторон. Как следует из разъяснений Президиума ныне упраздненного Выс-

шего Арбитражного Суда РФ, стороны или одна из сторон лишены возможности в судебном заседании, в котором исследуются доказательства по делу, сообщить суду (до объявления председательствующим в арбитражном суде первой инстанции рассмотрения дела по существу законченным) о том, что соглашение о признании обстоятельств является ошибочным¹. Это сообщение, а также ранее подписанное сторонами соглашение о признании обстоятельств, оцениваются судом наряду с другими доказательствами, исходя из положений ст. 71 АПК РФ. Что же касается распоряжения доказательствами, то данный вопрос получил отражение в положениях ч. 1 ст. 161 АПК РФ, исходя из которой если лицо, участвующее в деле, обратится в арбитражный суд с заявлением о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле, субъект, представивший такое доказательство, вправе согласиться или не согласиться с его исключением из числа доказательств по делу.

Как ГПК РФ, так и АПК РФ уделяют большое внимание гарантиям участия сторон в судебном заседании. Весьма показательным в этом плане является включение в состав новых процессуальных кодексов отдельных глав, посвященных регулированию порядка извещения сторон: гл.10 ГПК РФ «Судебные извещения и вызовы» и гл.12 АПК РФ «Судебные извещения». Кроме того, кодексы содержат целый ряд специальных норм, обязывающих суды общей юрисдикции и арбитражные суды извещать всех заинтересованных лиц о времени и месте судебного заседания или совершении отдельных процессуальных действий (например, ст.ст. 38 (ч. 2), 45 (ч. 3), 58 (ч. 2), 63 (ч. 1), 75 (ч. 2), 106 (ч. 1), 112 (ч. ч. 2 и 4), 136 (ч. 1), 144 (ч. 2), 145 (ч. 2), 150 (п. п. 6 и 10 ч. 1), 152 (ч. 1), 153, 155, 161 (ч. 1), 167, 169 (ч. 2), 184 (ч. 2), 200 (ч. 2), 201 (ч. 2), 202 (ч. 2), 203 (ч. 2), 208 (ч. 2), 212 (ч. 2), 219, 233 (ч. ч. 1 и 3), 239, 240, 243 ГПК РФ; например, ст.ст. 74 (ч. 1), 78 (ч. 2), 79 (ч. 2), 120 (ч. 3), 136 (ч. 1), 141 (ч. 2), 153 (ч. 1), 158 (ч. 9), 178 (ч. 2), 182 (ч. 4), 183 (ч. 2), 194 (ч. 2), 200 (ч. 2), 205 (ч. 3), 210 (ч. 2), 215 (ч. 2), 221 (ч. 2), 232 (ч. 4), 238 (ч. 3), 243 (ч. 2), 253 (ч. 3), 284 (ч. 3), 316 (ч. 2), 323 (ч. 3), 324 (ч. 2) АПК РФ). По общему правилу, явка извещенного лица осуществляется по его усмотрению. Однако,

---

¹ См.: п. 14 информационного письма Президиума ВАС РФ от 22 декабря 2005 года №99 «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 3.

в случаях, специально оговоренных в Кодексах, суд может признать явку сторон обязательной, а в случае неявки без уважительных причин наложить на виновное лицо, не являющееся стороной по делу, штраф (ч. 2 ст. 168 ГПК РФ, ч. 4 ст. 156 АПК РФ).

О важности вопросов обеспечения участия сторон в судебном заседании свидетельствует Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ¹ от 25 декабря 2013 года № 99 «О процессуальных сроках»², касающееся в том числе вопросов своевременного оповещения лиц, участвующих в судебном заседании.

Примечательна в этом плане правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная им в Постановлении от 20 февраля 2006 года № 1-П, согласно которой разрешение судом вопроса о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, не позволяет считать судебное разбирательство справедливым, обеспечивающим каждому в случае спора о его гражданских правах и обязанностях закрепленное статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом³. Также следует заметить, что взаимосвязанные положения ч. 1 ст. 320, ч. 2 ст. 327 и ст. 328 ГПК РФ были признаны Постановлением Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 года № 10-П не соответствующими Конституции в той мере, в какой они не предоставляют лицам, о правах и об обязанностях которых мировой судья принял решение без привлечения этих лиц к участию в деле, право апелляционного обжалования данного судебного решения, а также не предусматривают правомочие суда апелляционной инстанции направлять гражданское дело мировому судье на новое рассмотрение в тех случаях, когда мировой судья рассмотрел дело в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, или раз-

---

¹ Высший Арбитражный Суд Российской Федерации упразднен Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ. Разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами, данные Пленумом ВАС РФ, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда РФ (ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ).

² См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.12.2013 № 99 «О процессуальных сроках» // Вестник ВАС РФ. № 3. Март. 2014.

³ См.: Постановление КС РФ от 20 февраля 2006 года № 1-П // СЗ РФ. 2006. № 10. Ст. 1145.

решил вопрос о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле¹.

ГПК РФ и АПК РФ содержат обширное регулирование фактической стороны состязательности, которая заключается в праве сторон представлять доказательства, заблаговременно знакомиться с доказательствами, представленными другими заинтересованными лицами, и оспаривать их, самостоятельно определять форму своего участия в судебном заседании (личное присутствие, направление своего представителя или уклонение от явки в суд и дачи объяснений).

Юридическая сторона состязательности выражается в праве лиц, участвующих в деле, знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства, заявлять ходатайства, высказывать свои доводы и соображения, давать объяснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств (ч. 1 ст. 35, ст. 132, п. 1 ч. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 149 ГПК РФ, ч. 2 ст. 9 АПК РФ).

Прежде всего, юридическая сторона состязательности связана с правовой оценкой обстоятельств дела, направленной на то, чтобы истолковать эти обстоятельства в свою пользу и склонить арбитражный суд на свою сторону. Однако правовая оценка может касаться не только обстоятельств дела, но и всех прочих возникающих в ходе рассмотрения дела вопросов, по которым лица, участвующие в деле, вправе приводить свои доводы (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 1 ст. 41 АПК РФ). Поэтому проявлением состязательности следует считать любые действия сторон, отвечающие их интересам (как материально-правовым, так и процессуальным).

Правовая позиция сторон по делу выражается ими в своих обращениях к арбитражному суду (исковые заявления, заявления, жалобы, отзывы на них, различные ходатайства). Одной из важнейших форм выражения сторонами своей правовой позиции по делу являются судебные прения, которые, однако, получив нормативную формализацию в гражданском процессе в рамках ГПК РСФСР 1964 года (ст. 185), а в настоящее время регламентирующиеся ст. 190 ГПК РФ, стали новеллой АПК РФ 2002 года, который закрепил их в ст. 164. Ранее же заседания арбитражного суда проводились без судебных прений, что резко ослабляло состязательность процесса.

---

¹ См.: Постановление КС РФ от 21 апреля 2010 года № 10-П // СЗ РФ. 2010 № 19. Ст. 2357.

Осуществляя нормативную конкретизацию конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, ГПК РФ и АПК РФ не уточняют, распространяется ли действие данного принципа на все стадии гражданского судопроизводства, а если это так, то является ли его нормативное значение для каждой из стадий судопроизводства одинаковым, либо же возможна дифференциация проявлений соответствующего принципа в связи с переходом процесса от одной стадии к другой.

Обсуждение данного вопроса неоднократно происходило в юридической литературе и обнаружило доминирование позиции, согласно которой принцип состязательности и равноправия сторон действует во всех стадиях гражданского судопроизводства. Так, некоторые отмечают, что состязательность представляет собой способ исследования доказательств, способ отстаивания участниками процесса своей позиции по делу, осуществления ими своих прав и обязанностей, средство для установления истины, метод его отыскания. Поскольку же исследование доказательств, реализация лицами, участвующими в деле, своих процессуальных прав, установление истины присутствуют не только при рассмотрении гражданского дела судом первой инстанции, но и на последующих стадиях, то принцип состязательности распространяется на все судопроизводство. Иными словами, судопроизводство не ограничивается стадией судебного разбирательства в суде первой инстанции. Процессуальные интересы участников процесса, очевидно, простираются и на последующие судебные стадии. Именно неудовлетворенность этих интересов, побуждающая стороны к совершению активных действий в рамках предоставленных законом процессуальных прав (подача жалоб, принесение протестов, участие в апелляционном, кассационном и надзорном производствах), обуславливает появление при разбирательстве по каждому конкретному делу последующей судебной стадии. Поскольку стороны имеются во всех судебных стадиях процесса, они наделены одинаковыми процессуальными правами и возможностями по отстаиванию своих законных интересов. В этой связи он полагает, что принципы состязательности и равноправия сторон распространяются на все стадии процесса, в том числе в надзорной инстанции¹. Из этого

---

¹ См.: Бурмагин С. Принцип состязательности в теории и судебной практике // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 34.

исходят также М. К. Треушников¹ и Ю. Л. Матюшенкова². Вместе с тем признается, что состязательность, равноправие сторон оказывает регулятивное воздействие в том числе на досудебных стадиях³, что является важной конкретизацией конституционного принципа с учетом применяемого в ряде случаев требования обязательности соблюдения претензионного досудебного порядка урегулирования спора.

При этом специалисты в области гражданского и арбитражного процессуального права полагают, что признание действия принципа состязательности и равноправия сторон на всех стадиях гражданского судопроизводства, не означает признания его универсального проявления на каждой из стадий судопроизводства. Раскрывая данную точку зрения, Г. А. Жилин отмечает, в частности, следующее. Сложная структура гражданского процесса, последовательность процессуальных действий его субъектов объективно требуют выделения общих и частных, конечных и промежуточных целей. Соответственно и круг процессуальных действий участников рассмотрения дела не может оставаться неизменным на протяжении всего процесса⁴. Механизм реализации конституционного принципа состязательности также предполагает круг процессуальных действий участников, направленный на достижение целей гражданского правосудия, который меняется на протяжении судопроизводства. Положения процессуального закона, определяющие цели и задачи распространяются на гражданское судопроизводство в целом. Отсюда вытекает, что принцип состязательности, при неизменном его значении, реализуется на разных стадиях судопроизводства (поскольку направлен на достижение целей). Следовательно, пока продолжается отстаивание участниками процесса своей позиции по делу, пока существуют противоположные интересы — присутствует и состязательность как способ исследования доказательств. Данный процесс, хотя и с некоторыми особенностями присущ всем

---

¹ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР (издание второе, исправленное и дополненное) / Под ред. Треушникова М. К. М.: Спарк, Юр. бюро «Городец», 1997.

² См.: Матюшенкова Ю. Л. Некоторые аспекты арбитражной практики по налоговым спорам. М., 2002. С. 39.

³ См.: Смолина О. Состязательность и непосредственность при доказывании в досудебном порядке // Налоговый вестник 2016. № 6.

⁴ См.: Жилин Г. А. Субъекты целевых установок гражданского судопроизводства и их процессуальные функции // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 17–18.

стадиям гражданского судопроизводства, где присутствуют стороны, другие лица, участвующие в деле, и суд.

По существу, аналогичная правовая позиция выработана и в практике Конституционного Суда РФ, в частности, применительно к надзорной инстанции¹. Конституционный Суд РФ полагает, что принципы состязательности и равноправия сторон распространяются на все стадии судопроизводства. При этом объем процессуальных прав, предоставленных сторонам в надзорной инстанции, исходя из конкретных целей и особенностей этой процессуальной стадии, может быть меньше, чем в суде первой инстанции, рассматривающем дело по существу на основе непосредственного исследования всех имеющихся доказательств. Однако при определении таких прав законодатель должен учитывать конституционные требования об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Это означает, что на разных стадиях процесса, в том числе в надзорной инстанции, стороны должны обладать соответственно равными процессуальными правами.

Представляется, что с данным подходом можно согласиться, сделав, однако, некоторые пояснения и уточнения, касающиеся, прежде всего, соотношения действия принципа состязательности и равноправия сторон на конкретной стадии гражданского судопроизводства, с одной стороны, и объема процессуальных прав сторон на этой стадии, с другой. Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве сам по себе не предполагает конкретного строго определенного набора и объема процессуальных прав сторон, иных лиц участвующих в деле, а также суда, но включает нормативные требования двойственной направленности, связанные, во-первых, с установлением минимально необходимого для обеспечения справедливости судебного разбирательства перечня правомочий заинтересованных лиц, а, во-вторых, с распределением соответствующих правомочий исходя из равного масштаба в отношении истца и ответчика, то есть равенство прав сторон.

В этой связи становится понятным, что в зависимости от той

---

¹ См., например: Постановление КС РФ от 14 апреля 1999 года № 6-П // СЗ РФ. 1999. № 16. Ст. 2080; Постановление КС РФ от 14 февраля 2000 года № 2-П // СЗ РФ. 2000. № 8. Ст. 991; Определение КС РФ от 7 октября 1999 года № 133-О // СЗ РФ. — 1999. № 44. Ст. 5382; Определение КС РФ от 12 апреля 2005 года № 113-О // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2195.

или иной модели организации судебной системы и построения ее гражданской и арбитражной подсистем, федеральный законодатель располагает усмотрением при определении конкретного набора прав сторон на каждой из стадий гражданского судопроизводства, а также возможностью сужения набора таких прав по мере развития судопроизводства и реализуемых в рамках такого развития наполнения доказательственной базы и прояснения правовых позиций участников процесса. При этом законодатель во всяком случае обязан обеспечить минимальный объем соответствующих прав, позволяющих рассматривать гражданское судопроизводство в качестве состязательного.

Таким образом, можно сделать вывод, что конституционный принцип состязательности распространяется на все стадии гражданского судопроизводства, однако, механизм его реализации действует неодинаково с особенностями, определяемыми конкретной стадией судопроизводства. Из этого в принципиальном плане исходят и действующие ГПК РФ (ч. 2 ст. 327) и АПК РФ (ч. 1 ст. 266, ч. 1 ст. 284).

В рамках анализа особенностей реализации принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве стоит обратить внимание на вызывающий научные дискуссии вопрос о возможности распространения действия названного принципа на особое производство¹. Н. А. Грешнова в этой связи отмечает, что особенность реализации принципа состязательности в рамках особого производства заключается в ограничении возможности представления некоторых возражений по поводу заявленного требования. «К примеру, заинтересованные лица не вправе оспаривать принадлежность того или иного субъективного права, связанного с устанавливаемым фактом, поскольку в таком случае появляется спор о праве»².

---

¹ О природе особого производства см., например: Аргунов А. В. Особое производство в гражданском процессуальном праве России и Франции. М.: Проспект, 2013; Боннер А. Т. О характере дел особого производства // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: Сб. материалов международной научно-практической конференции/Под ред. Д. Х. Валеева, М. Ю. Чельшева. М., 2006; Захаров В. Н., Балашов А. Н. Отсутствие спора о праве гражданском как признак, характеризующий особое производство // Российский судья. 2007. № 3; Францифоров А. Ю. Сущность особого производства: Теоретические и практические аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

² См.: Грешнова Н. А. Формы закрепления принципа состязательности в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 5. С. 8–12.

Особое производство по общему признанию отличается от искового тем, что здесь отсутствует спор о материальном праве, поскольку никакое субъективное право не оспаривается и не защищается¹, и как следствие отсутствуют стороны с противоположными юридическими интересами на предмет спора. Заявитель, обратившийся в суд для установления факта, имеющего юридическое значение в особом производстве, процессуально участвует в судебном процессе как бы один. Ему не противостоит противоположная процессуальная «сторона». В связи с этим в литературе нередко характеризуют особое производство как «бесспорное»². Исходя из этого, существует точка зрения о том, что принцип состязательности и равноправия сторон не действует в судопроизводстве об установлении фактов имеющих юридическое значение в особом производстве, также как он действует в исковом виде производства или действует ограниченно. Так, А. А. Власов считает, что «из-за отсутствия сторон и спора о праве в этом виде производства действие принципа состязательности проявляется в меньшей степени, нежели в исковом»³.

С таким подходом вряд ли можно согласиться. Действительно, в рамках особого производства по установления фактов, имеющих юридическое значение, отсутствует спор о праве и, соответственно, стороны. Но не означает, что особое производство является «бесспорным». Критикуя подобную точку зрения, Д. М. Чечот справедливо отмечал, что установление юридических фактов может быть подведомственно административным или судебным органам. Разграничение компетенции между ними во многом предопределяется характером самих юридических фактов. Если установление и регистрация «очевидных» фактов в большинстве случаев относится к компетенции административных органов, то судебная форма предусмотрена для установления тех фактов, существование которых не очевидно. На рассмотрение суда могут быть предоставлены противоречивые доказательства. Задачей суда в подобных ситуациях является, сопоставив представленные доказательства, «устранить «спорность» искомого факта» и установить его наличие либо

---

¹ См.: Чечот Д. М. Неисковые производства. М.: Юридическая литература, 1973. С. 16.

² См.: Мельников А. А. Особое производство в советском гражданском процессе. М.: Наука, 1964. С. 7.

³ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Под. ред. Г. А. Жилина. М., 2003. С. 505.

отсутствие¹. Соответственно, говорить о «бесспорности» особого производства можно лишь при условии понимания под бесспорностью отсутствие спора о материальном праве.

Вместе с тем, само по себе участие или неучастие в процессе сторон не предопределяет действие и реализацию принципа состязательности в гражданском судопроизводстве, как и принцип состязательности и равноправия сторон не обязывает стороны к участию в процессе, а предполагает обеспечение сторонам реальной возможности такого участия. При этом в силу диспозитивности стороны самостоятельно решают вопрос о процессуальной тактике, включая представление доказательств, и не лишены возможности воздержаться от заявления конкретной позиции, в том числе посредством неучастия в заседании. Исковая форма судопроизводства вполне допускает рассмотрения дела в отсутствие одной из сторон, но это не ограничивает действие принципа состязательности в полном объеме. Это относится и к реализации принципа состязательности в исследуемой категории особого производства. Следовательно, вывод о том, что отсутствие сторон в судопроизводстве об установлении фактов имеющих юридическое значение ограничивает принцип состязательности, не обоснован. Из этого исходит и Конституционный Суд РФ, который в Определении от 10 марта 2005 года № 62-О², рассматривая вопрос о действии принципа состязательности и равноправия при решении вопроса о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар, указал на то, что правосудие по делам указанной категории, как и по всем другим гражданским делам, должно осуществляться на основе принципов равенства всех перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон.

Такая позиция была воспринята федеральным законодателем, который как в ГПК РФ, так и в АПК РФ предусмотрел, что дела особого производства рассматриваются и разрешаются судом по общим правилам искового производства с особенностями, установленными соответствующими Кодексами (ч. 1 ст. 263 ГПК РФ, ч. 1 ст. 217 АПК РФ). Это проявилось как на уровне названных общих положений, так и при регулировании более конкретных вопросов обеспечения состязательности в особом производстве. Так,

---

¹ См.: Чечот Д. М. Неисковые производства. М.: Юридическая литература. 1973. С. 16.

² См.: Вестник КС РФ. 2005. № 5.

в научной литературе было высказано мнение о том, что в особом производстве с целью установления истины не заявитель, а суды должны быть наделены полномочиями по доказыванию обстоятельств дела¹. Данное предложение не было принято и, как представляется, верно, поскольку активная роль суда в процессе доказывания обстоятельств, входящие в состав того или иного требуемого юридического факта, нарушило бы принцип независимости суда и сам принцип состязательности.

Одним из условий обеспечения реализации принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве выступает определенность нормы с точки зрения ее содержания². В правовой норме законодатель закрепляет всеобщий равный масштаб поведения, чем должно исключаться произвольное усмотрение в применении данного масштаба к отдельным гражданам в конкретных ситуациях. Единообразное понимание правовой нормы, равная подчиненность ей всех и каждого возможны лишь при наличии точно определенного, непротиворечивого содержания нормы. Неопределенное содержание правовой нормы приводит к произвольному, основанному на субъективном усмотрении истолкованию и применению данной нормы, что, соответственно, свидетельствует о нарушении такой нормой, примененной в конкретном деле, конституционных прав и свобод граждан, включая право на судебную защиту. Это особенно важно применительно к процессуальным отношениям, должным протекать в строго определенном порядке, дабы исключить злоупотребления и создать максимально возможные условия для принятия справедливого решения.

Неопределенность есть некорректная форма внешнего выражения правовой нормы. Требование определенности правовой нормы должно обеспечиваться специальными правилами законодательной техники, вырабатываемыми юридической теорией и практикой. Так, язык закона должен быть ясным, непротиворечивым, иметь точный смысл, исключать неоднозначность в процессе правоприменения.

---

¹ См.: Чинцов Н. В. Принципы гражданского процессуального права. Их реализация в проекте ГПК России. Материалы научно-практической конференции. Тверь. 1999. С. 18.

² См.: Бондарь Н. С. Требования равенства и справедливости в измерении Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционные основы судебной власти. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Москва, 23 октября 2003 г.). М., 2004. С. 63.

менения. Для достижения определенности правовой нормы законодателю необходимо соблюдать законы логики, избегать расплывчатых, нечетко употребленных терминов и т. д.

Критерий определенности правовой нормы вытекает именно из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19, ч. 1, Конституции РФ), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит — к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона. Конституционный Суд пришел к выводу, что порядок судопроизводства, устанавливаемый федеральным законодателем на основании статей 71 (пункт «о») и 76 (часть 1) Конституции с соблюдением общеправового критерия формальной определенности правовой нормы, призван обеспечивать субъектам спорных материальных правоотношений возможность участия в судебном разбирательстве при определении их прав и обязанностей, вытекающих из этих правоотношений, согласно общепризнанным в демократических правовых государствах стандартам правосудия, включая такую гарантию получения реальной судебной защиты нарушенного права, как предоставляемая сторонам возможность в устной форме довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела, представить доказательства в ее обоснование и принять участие в их исследовании в открытом судебном заседании при разрешении спора по существу для установления действительных обстоятельств дела и правильного применения законодательства на основе состязательности и равноправия сторон¹.

Таким образом, неопределенность содержания правовой нормы выступает в качестве особой формы нарушения законодателем принципа равноправия и в ряде случаев влечет за собой нарушение состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве.

Так, например, в Постановлении от 30 ноября 2012 года № 29-П² Конституционный Суд устранил неопределенность в понимании ч.

---

¹ См.: Постановление КС РФ от 20 октября 2015 года № 27-П // СЗ РФ. 2015. № 44. Ст. 6194.

² См.: СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7323.

5 ст. 244.6 и ч. 2 ст. 333 ГПК РФ, предусматривающих рассмотрение частной жалобы на определение суда первой инстанции, за исключением определений о приостановлении производства по делу, о прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения, без извещения лиц, участвующих в деле, указав, что по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эти положения предполагают: наделение лиц, участвующих в деле, правом быть извещенными о самом факте подачи частной жалобы на определение суда первой инстанции с обязательным предоставлением им возможности ознакомиться с частной жалобой и в случаях, когда частная жалоба рассматривается без проведения слушания, направить суду в отношении нее свое мнение в письменном виде; извещение лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания по рассмотрению судом второй инстанции частной жалобы на определение суда первой инстанции с проведением слушания в случаях, когда суд второй инстанции, учитывая характер и сложность разрешаемого процессуального вопроса и имея в виду доводы частной жалобы, в том числе оценивая, возможна ли проверка законности и обоснованности определения суда первой инстанции без исследования в заседании имеющихся в деле либо вновь представленных доказательств, приходит к выводу о том, что в целях вынесения правильного и обоснованного решения и тем самым — защиты прав и свобод человека и гражданина необходимо предоставить лицам, участвующим в деле, возможность донести до суда второй инстанции свою позицию устно.

Таким образом, анализ законодательной регламентации процессуальных норм и институтов гарантирования реализации принципа состязательности и равноправия сторон на отдельных стадиях гражданского процесса, с одной стороны, и арбитражного процесса, с другой, позволяет сделать вывод, что не во всех случаях имеющие место особенности являются обоснованными, а действующее арбитражное процессуальное законодательство, в своей основе, предусматривает более высокий уровень нормативного обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон. С. Ф. Афанасьев в этой связи указывает на тот факт, что «в современном российском цивилистическом процессе, принцип равноправия институализирован лишь в виде общей идеи, но в АПК РФ, в отличие

от ГПК РФ, она более рельефно выписана»¹. Однако, как справедливо отмечают исследователи, «принцип состязательности не является чем-то аксиоматичным, навеки утвержденным в тексте кодекса и не подлежащим движению и развитию»². А это, в свою очередь, предполагает дальнейшие шаги по оптимизации цивилистического процессуального законодательства.

3.2. СУДЕБНЫЙ АКТИВИЗМ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Одним из проблемных аспектов реализации принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессе является вопрос об определении роли, места и функций суда в рамках состязательной формы гражданского судопроизводства, а именно может ли суд в состязательном процессе осуществлять полномочия, выходящие за пределы обеспечения надлежащего порядка, процедуры гражданского и арбитражного процесса, то есть будучи независимым и беспристрастным арбитром, одновременно выступать в качестве активного участника правосудия, стремящегося к обстоятельному выяснению правовых позиций сторон по делу, восполнению недостатков доказательственной базы и принятию на этой основе справедливого, законного и обоснованного решения. Ведь если предоставить суду полную самостоятельность по собиранию и истребованию доказательств по своей инициативе, то это парализует доказательственную деятельность сторон и, тем самым, лишит их возможности руководствуясь своими материально-правовыми интересами сформировать процессуальную правовую позицию. В то же время если современное гражданское судопроизводство будет построено на началах чистой состязательности, сможет ли суд вынести правосудное решение по делу в условиях, когда стороны умышленно скрывают определенные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения гражданско-правового спора или, злоупотребляют

---

¹ См.: Афанасьев С. Ф. К проблеме реализации права быть выслушанным в суде при рассмотрении гражданских дел // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 28–45.

² Стасюк И. В. Право на состязательный процесс // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 2. С. 45.

своими процессуальными правами, а у суда нет ни возможности, ни обязанности выяснить эти обстоятельства? Вместе с тем неоспоримы разумные пределы судебного усмотрения, при отсутствии которого порой невозможно правильно применить общую норму (или систему норм) к конкретному случаю¹.

В научной литературе вопрос о роли суда в состязательном гражданском судопроизводстве не имеет однозначной оценки, как в общетеоретическом плане, так и применительно к действующему правовому регулированию судопроизводственных отношений, имея при этом в виду как отечественный, так и зарубежный опыт². Так, по мнению некоторых, суд вообще не должен обладать активностью в гражданском судопроизводстве; реализация функции соблюдения и уважения, прав человека и гражданина требует от суда беспристрастности по отношению к конфликтующим сторонам и, в частности, полного отказа от действий, которые могут быть истолкованы как обвинительные. Данное положение, как полагают эти авторы, следует также из концепции разделения основных процессуальных функций³. Другие утверждают, что активность суда полностью нейтрализуется действием принципов диспозитивности и состязательности гражданского процесса, и суд, по существу, освобожден от обязанности участия в доказывании, он не вправе осуществлять доказывание по гражданским делам⁴. В этом плане юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут *определенным образом*, ибо с помощью доказательств не устанавливается истина, а лишь обосновываются определенные выводы по делу⁵. Оставляя в данном случае за рамками оценки позицию о связи судебного процесса с обнаружением истины, уже рассмотренную нами в процессе исследо-

---

¹ См.: Ермакова К. П. Пределы судебного усмотрения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

² См. об этом, например: Барак Аарон. Судейское усмотрение. Перевод с английского. М.: Норма, 1999; Ермакова К. П. Пределы судебного усмотрения: автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2010; Папкова О. А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005; Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении. Ярославль, 2011.

³ См.: Шейфер С. А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1996. № 9. С. 63.

⁴ См.: Титова А., Прокудина Л. Прокурор и мировой судья в гражданском судопроизводстве // Законность. 2000. № 12. С. 6.

⁵ См.: Пашинин С. Л. Проблемы доказательственного права. В. кн.: Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. М., 1995. С. 312, 332.

вания, отметим, что сформулированный автором подход требует от суда обеспечения в процессе только лишь определенного *образа действий участников судебного разбирательства*, и соответственно не предполагает его включенности в процесс их самостоятельного осуществления. М. Адамайтис полагает, что чем активнее суд будет проявлять инициативу в собирании и исследовании доказательств, тем сложнее ему будет пребывать в роли беспрепятственного арбитра¹. Подобные позиции высказываются и зарубежными юристами. К примеру, английский юрист Jacob J. объявил единственно приемлемым для Британии гражданский процесс, который основан на максимально «чистой» состязательности, исключающей какую-либо активность суда в сфере установления фактических обстоятельств споров².

По мнению немецкого ученого профессора Грегера Рейнхарда в отношении германского гражданского судопроизводства принцип, гласящий, что выявление фактических обстоятельств дела — задача сторон, не может считаться абсолютным, т. к. гражданскому процессу присущ публичный интерес эффективного рассмотрения дела, ведущего к справедливому решению, а основная предпосылка этого — установление судом действительных, а не фиктивных обстоятельств дела. Именно по этой причине гражданское процессуальное право обязывает и наделяет судью правомочием содействовать установлению действительных обстоятельств дела, что на практике порождает некоторые трудности в сочетании принципа состязательности сторон с властными полномочиями судьи. При этом «в настоящий момент безраздельно царит принцип господства сторон в процессе (Parteiherrschaft): обстоятельства, о которых стороны не заявляли, суд не вправе вводить в процесс»³.

С. Афанасьев и Т. Савельева, исследуя данную проблему, указывают на то, что «принцип «чистой» состязательности ... трудно согласуется с началами доказательственной активности суда и не обеспечивает подлинное равенство сторон в гражданском процессе»

---

¹ См.: Адамайтис М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности // Российская юстиция. 2003. № 11.

² См.: Jacob J. The Fabric of English Civil Justice. L., 1987. P.5, 17. Цит. по: Кудрявцева Е. В. Гражданский процессуальный кодекс Англии (правовой статус и основы базовой концепции) // Законодательство. 2003. № 6.

³ См.: Грегер Р. Возможности и пределы участия суда в сборе доказательств // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 2. С. 30–38.

¹, мотивируя это следующим образом. Истец и ответчик нередко обладают весьма разными материальными возможностями, имеют неодинаковую профессиональную подготовку (или вообще ее не имеют) и повседневный опыт. При этом в рамках «чистой» состязательности вся ответственность за уклонение от реализации состязательного механизма возлагается на стороны правового конфликта. Эта ответственность выражается в применении судом презумпций и процессуальных фикций, и главное — в постановлении решения против той стороны, которая не смогла по каким-либо основаниям представить суду необходимый доказательственный материал.

Именно поэтому преобладающей в теории гражданского процесса является иная позиция, не предполагающая априорного отрицания какого бы то ни было внеорганизационного участия суда в гражданском судопроизводстве, но требующая определения надлежащего соотношения между процессуальной активностью суда и процессуальной активностью сторон в рамках состязательного процесса, основанного на принципе состязательности и равноправии сторон. В частности, В. К. Пучинский утверждает, что принцип состязательности не предполагает пассивности суда в сфере выяснения фактических аспектов гражданских дел². По мнению С. Бурмагина, недопустимо сведение роли суда к молчаливому наблюдению за поединком сторон и объявлению победителя, к выполнению лишь технических функции по обеспечению порядка в судебном заседании, процедуры судебного процесса³. Из этого исходит и О. В. Макаров, считая, что суд не должен быть лишь беспристрастно-пассивным субъектом и только оценивать доказательства, представленные и доказанные сторонами, и автоматически отдавать победу тому, чьи аргументы оказались весомее⁴. Аналогичной позиции придерживается М. А. Фокина, утверждающая, что состязательность не диктует исключение определенной активности суда в установлении действительных обстоятельств дела, а судебная за-

---

¹ См.: Афанасьев С., Савельева Т. Производство у мирового судьи нуждается в совершенствовании // Российская юстиция. 2002. № 5.

² См.: Пучинский В. К. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ. М.: Юр. фирма «Контракт», 1999. С. 113.

³ См.: Бурмагин С. Принцип состязательности в теории и судебной практике // Российская юстиция. 2001. № 5.

⁴ См.: Макаров О. В. Соотношение права и государства // Государство и право. 1995. № 5. С. 19.

щита прав и интересов личности не зависит только от активности данной личности, выступающей в качестве стороны¹. В. С. Анохин же полагает, что несмотря на обязанность арбитражного суда занимать пассивную позицию и действие принципа состязательности, арбитражный суд должен принимать все меры к полному выяснению обстоятельств, имеющих значение для дела; несоблюдение этого требования может привести к отмене решения². В свою очередь, А. Ф. Ноздрачев, Н. В. Сухарева и В. И. Мельникова предлагают развернутое обоснование соотношения активности суда и равенства сторон³. Они отмечают, что равенство сторон в процессе судопроизводства в целом нельзя рассматривать как противостояние одной стороны другой и абсолютную пассивность суда. Судебный процесс (в том числе по административным делам) предполагает определенную активность суда. Процесс есть совместная деятельность, взаимодействие суда и сторон; никакими усилиями мысли ее нельзя превратить в одностороннюю деятельность только сторон, которую пассивно созерцал бы суд. Фактически суд является самостоятельным автономным субъектом, действия которого составляют предмет самостоятельного рассмотрения. В противном случае невозможно было бы представить ситуацию обжалования судебных решений, так как суд не осуществлял бы принятие самостоятельных решений, а его действия отражали бы волю участвующих в споре сторон. В то время когда воля сторон, участвующих в споре, является лишь толчком, инициативой для самостоятельных действий судебного органа по принятию решения. Таким образом, равенство сторон следует понимать как равенство возможностей для реализации предоставленных законом прав истцу и ответчику. Обосновываются также нравственные, воспитательные начала активности суда в процессе⁴.

М. Ш. Панация проводит разграничение между принципами процессуальной активности суда и судебного руководства про-

---

¹ См.: Фокина М. А. Вопросы гармонизации публично-правового и частного права в доказывании по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 12. С. 11–12.

² См.: Анохин В. С. Арбитражный процесс. Воронеж, 1998. С. 118.

³ См.: Ноздрачев А. Ф., Сухарева Н. В., Мельникова В. И. Процессуальные правовые механизмы защиты граждан и их объединений во взаимоотношениях с публичной властью // Законодательство и экономика. 2005. № 5.

⁴ См.: Ноянова А. А. Нравственные начала активности суда в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 4.

цессом. С принципом процессуальной активности суда, полагает он, корреспондирует основанная на приоритете следственного (публичного) начала инициативная процессуальная деятельность суда, которая направлена на защиту права посредством установления объективной (материальной) истины по делу; а принципу судебного руководства процессом соответствует основанная на приоритете состязательного начала инициативная процессуальная деятельность суда, которая направлена на разрешение спора (дела) посредством установления формальной (процессуальной) истины по нему¹. Можно спорить о терминах, в частности, о соотношении активности, которая может выражаться в разных формах, в том числе носить субсидиарный характер, и руководства, имеющие директивно-распорядительные начала, но нельзя не согласиться с той стоящей за приведенным суждением мыслью, что судебная роль в процессе должна быть соотнесена с состязательностью и равноправием сторон, не приводить к выхолащиванию существа этого принципа. Неслучайно в судебной практике модно встретить специальные оговорки, касающиеся того, что в силу особенностей гражданского судопроизводства активность суда в собирании доказательств ограничена².

Дискуссия о роли суда при осуществлении правосудия на основе конституционного принципа состязательности и равноправия имеет не только теоретическое, но и совершенно определенное практическое значение, касающееся как нормативного регулирования статуса суда в гражданском судопроизводстве, так и судебной правоприменительной деятельности в рамках проведения конкретных разбирательств гражданских дел.

По нашему мнению, в условиях современной демократической организации гражданского судопроизводства, основанной на принципе состязательности и равноправия сторон и призванной обеспечить эффективный юридический механизм защиты прав, свобод и законных интересов граждан сообразно с действующим порядком, суд, будучи самостоятельным и независимым органом государственной власти обязанным к объективному, беспристрастному и справедливому разрешению гражданско-правовых кон-

---

¹ См.: Пацация М. Ш. Принцип процессуальной активности суда или принцип судебного руководства процессом? // Закон. 2016. № 1.

² См.: Определение Московского городского суда от 07.04.2015 № 4 г/6-3409/2015, 2-9495/14.

фликтов, не может быть лишен возможности принимать активные инициативные меры, направленные на содействие в реализации процессуальных прав сторон, создание условий для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства. Более того, подлинная состязательность и равноправие сторон, как это ни парадоксально, в значительной мере связаны с активным процессуальным положением суда. Ведь активное положение обеспечивает суду возможность провести полноценное исследование обстоятельств дела и вынести решение, соответствующее интересам правосудия. Активность позволяет суду гарантировать равенство сторон, создать им одинаковые возможности для реализации их прав и выполнения возложенных обязанностей. Вместе с тем, активность суда не должна быть чрезмерной, подавлять активность сторон, создавая угрозу недопустимого замещения частноправовых интересов сторон по делу публичными интересами. Так, например, недопустимо вмешательство суда в осуществление исключительных прав сторон, связанных, в частности, с самостоятельным определением содержания и объема иска. Таким образом, активность суда в гражданском судопроизводстве должна реализовываться в определенных пределах, установление которых — задача не только отраслевых наук, но и, прежде всего, конституционного права. Это обуславливается и тем обстоятельством, что именно Конституция РФ на принципиальном уровне опосредует соотношение принципа состязательности и равноправия сторон, с одной стороны, и процессуальной активности суда, с другой.

Провозглашая осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ), Конституция РФ одновременно предусматривает основополагающие параметры функционально-целевого статуса суда в гражданском судопроизводстве, которые определяются как конституционными положениями, касающимися собственно судебной власти, так и регулированием конституционных основ статуса гражданина как субъекта гражданского судопроизводства. Как следует из анализа положений ст.ст. 1 (ч. 1), 2, 10, 11 (ч. 1), 15 (ч. 1), 18, 19, 45, 46, 118 (ч. 1) и 126 Конституции РФ во взаимосвязи с положениями ее ст. 123 (ч. 3), суд, как единственный орган государственной власти осуществляющий правосудие, в состязательном судопроизводстве,

будучи не вправе подменять собой процессуальную активность сторон — как носителей материально-правовых интересов, лежащих в основе гражданско-правового спора, подлежащего разрешению, — обязан обеспечивать сторонам возможность в полной мере реализовать принадлежащие им процессуальные права, компенсируя собственной активной деятельностью могущие наличествовать объективные различия в их правовом положении, имея при этом в виду, что приоритетные задачи судопроизводства определяются интересами законности, защиты прав и свобод граждан. Этим предопределяется процессуальная функция суда в гражданском судопроизводстве.

В научной литературе относительно процессуальных функций высказывались различные точки зрения. Одни авторы рассматривают процессуальные функции как отдельные виды, отдельные направления процессуальной деятельности¹. Так, В. Н. Щеглов под процессуальной функцией понимал всю совокупность процессуальных действий того или иного субъекта гражданского процесса, обеспечивающих достижение той цели, к которой стремится данный участник рассмотрения дела². Другие же авторы раскрывают содержание понятия «процессуальная функция» через указание на основную обязанность участника процесса. Так, В. В. Шимановский под процессуальной функцией понимает «... основную (ведущую) процессуальную обязанность, в которой проявляется главное назначение и которой определяется процессуальная роль каждого из участников процесса»³. Причем каждый участник процесса, по его мнению, «осуществляет свою, присущую только ему процессуальную функцию». Аналогичного мнения, по существу, придерживается П. С. Элькинд⁴. Вместе с тем, независимо от того, какой точки зрения придерживается тот или иной автор применительно

---

¹ См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. I. М.: Наука. 1968. С. 188; Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961. С. 23, 37; Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970. С. 25; Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 50–52.

² См.: Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса. Томск, 1979. С. 5–17.

³ См.: Шимановский В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2. С. 175.

⁴ См.: Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: ЛГУ. 1963. С. 54.

к понятию «процессуальной функции», все они исходят из того, что каждому субъекту судопроизводства присущи свои собственные определенные функции, которые не должны дублироваться или соединяться в одном лице, но при этом взаимозависимы и дополняют друг друга. В этой связи примечательна позиция В. П. Смирнова, согласно которой природа разделения властей и разделения основных уголовно-процессуальных функций (как, впрочем, и основных гражданско-процессуальных, арбитражно-процессуальных функций) одинакова¹.

Вместе с тем, как верно отмечает Г. А. Жилин, деятельность всех участников рассмотрения гражданского дела должна быть подчинена целям и задачам гражданского судопроизводства. Иначе, по его мнению, и не может быть, поскольку в нормах процессуального права находят отражение объективные потребности общества в наиболее эффективной процедуре осуществления правосудия. Критерием же эффективности как раз и выступает достижение общих целевых установок гражданского судопроизводства. Участники спорных правоотношений должны доказать суду, что именно их субъективные целевые установки совпадают с общественно значимыми задачами и целями, объективированными в нормах гражданского процессуального права. Для достижения этих задач и целей все субъекты процесса наделяются законом определенным комплексом субъективных прав и обязанностей, в соответствии с которыми они и выполняют свои процессуальные функции². Поскольку же целевые установки суда полностью совпадают с целевыми установками судопроизводства, функции судопроизводства являются и функциями суда. С учетом особого властного положения суда в процессе и невозможности достижения им задач и целей судопроизводства без взаимодействия с другими участниками рассмотрения дела — наряду с функцией разрешения гражданско-правового спора — необходимо выделение и особых процессуальных управленческих функций суда. Они непосредственно обусловлены обязанностью суда обеспечить достижение задач и целей судопроизводства, а также характеризуют направленность процессуальной деятельности суда на протяжении всего процесса. К управленческим функциям

---

¹ См.: Смирнов В. П. Разделение основных функций и равноправие сторон // Правоведение. 1999. № 3. С. 175.

² См.: Жилин Г. Л. Субъекты целевых установок гражданского судопроизводства и их процессуальные функции // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 19.

суда относятся: организационно-распорядительная, инструктивно-разъяснительная и контрольная¹. В рамках реализации данных функций проявляется инициативный характер позиции суда в современном гражданском судопроизводстве.

В этой связи можно указать на позицию Московского городского суда от 22 июня 2011 года по делу № 33–15705 в соответствии с которой, в случае неясности, неопределенности существа иска суд был обязан разъяснить истцу процессуальные последствия его действий, выяснить, какой иск им подан, на чем основан, предоставить время для изменения заявленных требований². Однако, необходимо помнить и о том, что своими действиями суд не вправе ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон. Стороны пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление арбитражному суду своих доводов и объяснений, осуществление иных процессуальных прав и обязанностей. Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения ими процессуальных действий, оказывает содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела. (Постановление ФАС ВСО от 13 марта 2009 года № А19–4783/08–23-Ф02–840/09)³. Кроме того, как указал в своем Апелляционном определении Верховный суд Республики Северная Осетия-Алания от 28 апреля 2015 года № 33–359/15, Суд не может быть более рачительным в защите прав сторон, чем они сами⁴.

Заслуживает внимания и позиция, выраженная в Постановле-

---

¹ См.: Ковин В. Ф. Функции советского гражданского процессуального права // Практика применения гражданского процессуального права. Свердловск. 1984. С. 25–27.

² См.: Определение Московского городского суда от 22.06.2011 по делу № 33–15705.

³ См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 13.03.2009 № А19–4783/08–23-Ф02–840/09 по делу № А19–4783/08–23.

⁴ См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 28.04.2015 № 33–359/15.

нии Президиума ныне упраздненного Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 октября 2013 года № 8127/13 по делу № А46–12382/2012, в соответствии с которой при отсутствии в судебном заседании представителей ответчика при наличии доказательств его надлежащего и своевременного извещения суд будет не вправе опровергать доказательства и доводы истца, поскольку в его обязанности это не входит, учитывая, что он руководит процессом, а не отстаивает права одной из сторон.

Из этих принципиальных подходов к определению роли суда в состязательном гражданском судопроизводстве исходит и Конституционный Суд РФ. В целом ряде своих решений он сформулировал и неоднократно подтвердил правовую позицию, согласно которой в силу присущего гражданскому судопроизводству начала диспозитивности, эффективность правосудия по гражданским делам обуславливается в первую очередь поведением сторон как субъектов доказательственной деятельности; наделенные равными процессуальными средствами защиты субъективных материальных прав в условиях состязательности процесса, стороны должны доказать те обстоятельства, на которые они ссылаются в обоснование своих требований и возражений, и принять на себя все последствия совершения или несовершения процессуальных действий; при этом конституционный принцип состязательности предполагает такое построение судопроизводства, при котором правосудие (разрешение дела), осуществляемое только судом, отделено от функций спорящих перед судом сторон; суд, являющийся субъектом гражданского судопроизводства обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, а также создавать такие условия, которые обеспечили бы возможность реализации сторонами процессуальных прав и обязанностей, а при необходимости, в установленных законом случаях, использовать свои полномочия по применению соответствующих мер, не принимая на себя выполнение процессуальных функций сторон¹. Равным образом субъекты судопроизводства, являющиеся участниками

---

¹ См., например: Постановление КС РФ от 28 ноября 1996 года № 19-П // СЗ РФ. 1996. № 50. Ст. 5679; Постановление КС РФ от 14 февраля 2002 года № 4-П // СЗ РФ. 2002. № 8. Ст. 894; Определение КС РФ от 9 апреля 2002 года № 90-О // Вестник КС РФ. 2002. № 5; Определение КС РФ от 12 мая 2005 года № 244-О // СЗ РФ. 2005. № 32. Ст. 3396.

материально-правового отношения, ставшего предметом спора, также должны выступать, даже в том случае, если участником соответствующего материального правоотношения выступает суд¹. Конституционный Суд РФ указывал и на то, что суд — исходя из принципов состязательности и равноправия сторон — не может ограничиться только установлением формальных условий применения нормы, а должен меры к всестороннему исследованию фактических обстоятельств дела².

Наряду с этим в практике Конституционного Суда РФ получили конституционное обоснование отдельные проявления активности суда в условиях состязательного гражданского судопроизводства. Так, в Определении от 19 октября 2010 года № 1351-О-О Конституционный Суд установил, что предусмотренная частью первой статьи 43 ГПК РФ возможность вступления в дело третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, а также право (а не обязанность) суда на привлечение указанных лиц по собственной инициативе или по ходатайству лиц, участвующих в деле, будучи обусловленными принципом судебско-го руководства процессом, являются процессуальными гарантиями закрепленного в статье 46 (часть 1) Конституции права на судебную защиту. Рассматривая вопрос о принятии к рассмотрению жалобы гражданина В. А. Шелестенко³, оспаривавшего конституционность абз.3 и 4 ст. 361 и ст. 367 ГПК РФ в связи с тем, что данные нормы, предоставляющие суду кассационной инстанции право принять на основе самостоятельного исследования обстоятельств дела новые решения по существу гражданского дела, ранее рассмотренного в суде первой инстанции (то есть проявить активность и инициативу), нарушают его конституционные права, предусмотренные, в частности, ст.ст. 19 и 46 Конституции РФ, Суд указал следующее. Наделение суда кассационной инстанции такими полномочиями не препятствует реализации закрепленного в статье 46 Конститу-

---

¹ См.: Определение КС РФ от 2 марта 2006 года № 22-О // СЗ РФ. 2006. № 15. Ст. 1643.

² См., например: Постановление КС РФ от 6 июня 1995 года № 7-П // СЗ РФ. 1995. № 24. Ст. 2342; Постановление КС РФ от 28 октября 1999 года № 14-П // СЗ РФ. 1999. № 45. Ст. 5478; Постановление КС РФ от 14 июля 2003 года № 12-П // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3100; Определение КС РФ от 5 марта 2004 года № 82-О // Вестник КС РФ. 2004. № 5; Определение КС РФ от 12 апреля 2005 года № 165-О // Вестник КС РФ. 2005. № 5.

³ См.: Определение КС РФ от 20 декабря 2005 года № 496-О.

ции РФ права граждан на судебную защиту, поскольку не только предполагает предоставление заинтересованным лицам возможности добиваться исправления ошибок, если таковые были допущены судами при рассмотрении гражданских дел, но и обеспечивает сторонам возможность участвовать в исследовании доказательств, представлять новые доказательства и иными способами отстаивать свои позиции в проводимом на основе принципа состязательности и равноправия сторон судебном разбирательстве.

Из сказанного, кроме прочего, следует, что активность и инициативность суда в гражданском судопроизводстве не может рассматриваться в качестве самостоятельного принципа гражданского или арбитражного процессуального права, представляя собой объективную и закономерную форму участия органа правосудия в судопроизводственной деятельности.

Активная роль суда в гражданском судопроизводстве получила отражение в действующем гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве. Несмотря на то, что Гражданский и Арбитражный процессуальный кодексы РФ не содержат прямого терминологического закрепления процессуальной активности суда, они — ГПК РФ в статье 12 «Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон», а АПК РФ в статье 9 «Состязательность» — содержат правило, фактически, обязывающее суд к активной и инициативной роли в процессе, устанавливая, что суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессов, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Таким образом Кодексы исходят не только из непротиворечия такой судебной активности состязательному судопроизводству, но и, более того, из ее имманентности гражданскому и арбитражному процессу, основанному на состязательности и равноправии сторон. В этой связи следует признать верной позицию Е. Чесовского, который, оценивая такое правовое регулирование, отмечает, что законодатель предпринял довольно удачную по-

пытку сбалансировать соотношение в системе основополагающих начал гражданского процессуального права и найти «золотую середину» между — как принято считать — конкурирующими принципами диспозитивности и процессуального равенства сторон, с одной стороны, и процессуальной активностью суда, с другой¹.

Вместе с тем, активность и инициативность суда в гражданском и арбитражном процессах формализованы не только путем закрепления в соответствующих процессуальных Кодексах названного общего положения; они имеют объемную нормативную конкретизацию и разнообразные формы своей институционализации.

Так, прежде всего, судья по собственной инициативе обязан рассмотреть вопрос о самоотводе при наличии к тому установленных законом оснований, а также вправе рассмотреть вопрос об отводе прокурора, секретаря судебного заседания, специалиста, переводчика (ст. 19 ГПК РФ); при этом арбитражный суд, будучи вправе также инициировать отвод помощника судьи, не располагает соответствующей возможностью в отношении прокурора (ст. 24 АПК РФ).

Проявлением процессуальной активности суда может служить правило ст. 21 ГПК РФ, предусматривающее передачу дела другому судье в случае удовлетворения отвода. Как представляется, хотя законодатель и не употребляет термин «инициатива» суда по совершению данного действия, такая инициатива должна презюмироваться, исходя из смысла нормы процессуального права.

Аналогично могут быть истолкованы и правила ст. 23 ГПК РФ в части вынесения мировым судьей определения о передаче дела в районный суд при объединении нескольких связанных между собой требований, изменении предмета иска или предъявлении встречного иска, если новые требования становятся подсудными районному суду, а другие остаются подсудными мировому судье, когда подсудность дела изменилась в ходе его рассмотрения. В данном случае суд выносит определение и передает дело в соответствии с подсудностью по своей инициативе.

Гражданский и Арбитражный процессуальный кодексы РФ содержат ряд инициативных действий суда по составу лиц, участвующих в деле, и их представителей.

---

¹ См.: Чесовской Е. Принцип процессуальной активности суда в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 23.

Исходя из ч. 3 ст. 37 ГПК РФ суд общей юрисдикции обязан привлечь к участию в деле несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также граждан, ограниченных в дееспособности; при этом суд вправе привлечь в процесс законных представителей несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений (ч. 4 ст. 37 ГПК РФ).

Суд общей юрисдикции в соответствии со ст. 40 (ч. 3) ГПК РФ обязан проявить инициативу и по привлечению к участию в деле соответчика или соответчиков в случае невозможности рассмотрения дела без их участия в связи с характером спорного правоотношения. В свою очередь арбитражный суд уполномочен к принятию такого решения только, если обязательное участие в деле другого ответчика предусмотрено федеральным законом, а также по делам, вытекающим из административных и иных публичных правоотношений (ч. 2 ст. 46 АПК РФ).

Статья 43 ГПК РФ и ст. 51 АПК РФ наделяют суды в гражданском судопроизводстве полномочиями по привлечению в дело третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора; а ст. 47 ГПК РФ предусматривает возможность привлечения судом к участию в деле государственных органов или органов местного самоуправления для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

По своей инициативе суд общей юрисдикции обязан вынести определение об объявлении розыска ответчика. При неизвестности места пребывания ответчика и (или) ребенка по требованию о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации судья обязан вынести определение об объявлении розыска ответчика и (или) ребенка. (ст. 120 ГПК РФ). Аналогичным образом должен поступить суд, когда ему предписано назначить адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях (ст. 50 ГПК РФ).

Активность суда проявляется и в процессе собирания доказательств. Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ именно суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, причем, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. Суд вправе предложить сторонам представить дополнительные доказательства (ч. 1 ст. 57 ГПК РФ). Из этого исходит и Арбитражный процессуальный кодекс РФ, предусматривающий схожее регулирование в п. п. 1 и 3 ч. 1 ст. 135. Кроме того, как суд общей юрисдикции, так и арбитражный суд вправе в соответствии с действующим правовым регулированием по собственной инициативе решать вопрос о вызове свидетелей, назначении экспертизы и привлечении специалистов (ч. 2 ст. 96, ч. 1 ст. 187 и ч. 4 ст. 188 ГПК РФ, ч. 1 ст. 82, ч. 3 ст. 86 и ч. 2 ст. 88 АПК РФ). Стоит, однако, заметить, что при кажущемся широком круге возможностей суда повлиять на формирование доказательственной базы, законодатель не позволяет суду обязать стороны — несмотря на то, что именно они как носители спорного материального интереса являются наиболее осведомленными об обстоятельствах дела — представить дополнительные доказательства, даже в том случае, если суд располагает данными (полученными в рамках иных форм собирания доказательств) о наличии у той или иной стороны доказательств, имеющих существенное значение для вынесения законного и обоснованного решения. Представляется, что такое законодательное решение вряд ли можно рассматривать как создающее надлежащие гарантии правосудности итогового судебного акта по делу. А потому соответствующие положения Кодексов нуждаются в корректировке, направленной на придание суду — в определенных случаях — возможности принятия императивного решения по обязательности стороны представить дополнительные доказательства, в целях установления судебной истины.

Суд может проявлять инициативу также в рамках института обеспечительных мер. Так, ч. 1 ст. 144 ГПК РФ наделяет суд общей юрисдикции правом отмены обеспечения иска по собственной инициативе. Согласно же положениям АПК РФ, арбитражный суд может по собственной инициативе предложить истцу предоставить обеспечение возмещения возможных для ответчика убытков, то есть встречное обеспечение (ч. 1 ст. 94).

Интерес в этом плане представляют полномочия суда в особом производстве. Так, согласно ст. 278 ГПК РФ после принятия заявления о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим судья может предложить органу опеки и попечительства назначить доверительного управляющего имуществом такого гражданина.

При подготовке дела по заявлению о признании движимой вещи бесхозной или о признании права муниципальной собственности на бесхозную недвижимую вещь к судебному разбирательству выясняет, какие лица (собственники, фактические владельцы и другие) могут дать сведения с принадлежности имущества.

Наряду с этим суд общей юрисдикции и арбитражный суд вправе по собственной инициативе исправить допущенные в решении суда описки или явные арифметические ошибки (ч. 2 ст. 200 ГПК РФ, ч. 3 ст. 179 АПК РФ); принять дополнительное решение, если по какому-либо требованию, по которому лица, участвующие в деле, представляли доказательства, судом не было принято решение, либо если суд, разрешив вопрос о праве, не указал размер присужденной суммы, имущество, подлежащее передаче, или действия, которые обязан совершить ответчик, либо если судом не разрешен вопрос о судебных расходах (ст. 201 ГПК РФ, ст. 178 АПК РФ); приостанавливать при наличии к тому установленных оснований, а при их отпадении возобновлять производство по делу (ст. 216 и 219 ГПК, гл.16 АПК РФ).

Вместе с тем, суд общей юрисдикции вправе решать вопросы о приостановлении и возобновлении исполнительного производства в случаях, предусмотренных Федеральным законом «Об исполнительном производстве» (ст.ст. 437 и 438 ГПК РФ). Кроме того, ч. 1 ст. 444 ГПК РФ возлагает на суд, которому дело передано на новое рассмотрение, обязанность по своей инициативе рассмотреть вопрос о повороте исполнения решения суда и разрешить дело в новом решении или новом определении суда.

Специфика судебной активности с точки зрения ее объема, форм проявления может быть продиктована особенностями рассматриваемых категорий дел, включая их «осложненность» публичным элементом. В частности, Конституционный Суд подчеркивал, что законодатель при установлении организационно-процедурного механизма рассмотрения и разрешения дел, возникающих из публич-

ных правоотношений, включая обжалование решений и действий (или бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц, должен учитывать специфические особенности юридической природы публично-правовых споров, на которые уже ранее указывал в своих решениях; так, нельзя считать неоправданным наделение суда — для эффективного достижения в рамках соответствующей категории дел конституционных целей правосудия, — более широкими, чем в иных ситуациях, возможностями усмотрения при установлении факта осведомленности обратившегося в суд заинтересованного лица относительно нарушения его прав и законных интересов тем или иным решением, действием (бездействием) публичной власти, законность которых предлагается проверить в судебной процедуре¹.

Таким образом, анализ действующего правового регулирования гражданского судопроизводства позволяет утверждать, что оно предусматривает состязательную форму гражданского и арбитражного процессов при активной и инициативной роли суда, проявляющейся в судебном руководстве процессом и содействии сторонам в реализации их процессуальных прав и имеющей своим предназначением обеспечение суду реальной возможности принять справедливое, законное и обоснованное решение по делу. Такое регулирование не противоречит конституционным принципам правосудия, а, напротив, создает условия для подчинения судебной деятельности основополагающим конституционным императивам поддержания режима законности и защиты прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности. При этом, поскольку соотношение принципов судебной активности и состязательности и равноправия сторон в известной мере определяется конкретным социокультурным контекстом и достигнутым обществом уровнем развития правосознания необходимо констатировать, что закрепление в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве проявлений принципа судебной активности является социально обоснованным, имея в виду современную экономическую ситуацию, динамизм законодательства, низкий уровень правового профессионализма сторон и правовой культуры в целом.

---

¹ См.: Определение КС РФ от 2 декабря 2013 года № 1908-О // Вестник КС РФ. № 3. 2014.

3.3. КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ КАК ГАРАНТИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН

Последовательная реализация конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве не может ограничиваться установлением в процессуальном законодательстве формально равных статусов сторон и наделением их одинаковыми возможностями представления суду правовой позиции по делу путем личного участия в процессе. Ведь само по себе личное присутствие истца или ответчика в заседании суда, равно как и их право высказать свои аргументы и опровергнуть доводы противной стороны может оказаться бесполезным, неэффективным средством правовой защиты в том случае, если уровень правовых познаний стороны объективно не позволяет ей квалифицированно и корректно оценить обстоятельства дела, перевести их в надлежащую правовую форму, удовлетворяющую ее интересам по защите своих субъективных прав, и составить юридически грамотную контрпозицию в судебном разбирательстве. Вместе с тем, даже имея определенные, но не специальные познания и навыки обращения с юридической материей, далеко не каждый гражданин может разобраться в действующем правовом регулировании как материальных правоотношений, лежащих в основе предмета спора, так и процессуальных, связанных с порядком реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе, которое, как отмечают исследователи, далеко не всегда удовлетворяет требованиям определенности, непротиворечивости и стабильности. Очевидно, что в отсутствие таких возможностей ставится под сомнение не только реальность конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве, но и реальность самого права на судебную защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав.

Поиск решения проблемы, связанной с восполнением объективной неспособности стороны в полной мере реализовать ее процессуальные права и обеспечить защиту прав материальных, может первоначально навести на мысль о возможности «уравнивания» процессуальных статусов сторон путем активизации участия суда в процессе, который согласно действующему правовому регулиро-

ванию должен, в частности, разъяснять лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждать о последствиях совершения или несовершения ими процессуальных действий, оказывать содействие в реализации их прав. Однако, реализуя соответствующие функции суд — как это было показано нами выше — во всяком случае не вправе подменять собой ту или иную сторону, принимая на себя решение тех вопросов, которые входят в состав ее исключительных прерогатив в процессе, predetermined статусом стороны, как носителя спорного материального права или обязанности. Иное противоречило бы роли и месту суда в состязательном процессе, создавало бы чрезмерные и ничем не обоснованные возможности для его усмотрения, а фактически означало бы превращение состязательного процесса в розыскной. Следовательно, активность и инициативность суда не являются надлежащим механизмом обеспечения лицам, не могущим в силу объективных обстоятельств в полной мере реализовать имеющиеся у них процессуальные права, реальности их права на судебную защиту и не гарантируют состязательность и равноправие сторон.

Эффективным, адекватным и конституционно обусловленным способом юридического выравнивания возможностей сторон в состязательном гражданском и арбитражном процессе является обеспечение их квалифицированной юридической помощью на основе требований равенства и справедливости.

Это непосредственно вытекает из ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, предусматривающей гарантирование каждому права на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях предусмотренных законом, на бесплатной основе¹, и развивающей положения ст.ст. 1 (ч. 1), 2, 18, 45 (ч. 1) и 46 (ч. 1) Конституции РФ, обязывающие государство создавать условия для полноценной судебной защиты нарушенных или оспоренных прав, в том числе путем обеспечения притязающим на такую защиту лицам юридической помощи соразмерно наличествующим у них индивидуальной потребности и объективным возможностям. На это ориентируют отечественную юридическую практику и международные правовые акты, среди которых как акты общегуманитарного характера, включая Междуна-

---

¹ См.: Васильев А. А. Конституционное право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

родный пакт о гражданских и политических правах (п. 3д ст. 14), Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (п. 3 с ст. 6), Конвенцию СНГ о правах человека и основных свободах (п. 3 в ст. 6), так и специальные установления, касающиеся обеспечения юридической помощи, к которым следует отнести Основные положения о роли адвокатов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке) и Основные принципы, касающиеся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 27 августа — 7 сентября 1990 г. в Гаване), обуславливающие следующий стандарт качества юридической помощи: лицо, ее оказывающее, должно надлежащим образом осуществить защиту прав, свобод и интересов граждан и обеспечить им доступ к правосудию.

Вместе с тем, ни Конституция РФ, ни действующее федеральное законодательство не раскрывают в полной мере содержание понятий «юридическая помощь», «квалифицированная юридическая помощь», хотя их употребление в законодательстве не редкость. Принятый в 2011 г. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹ внес весомую лепту в отраслевое регулирование бесплатной юридической помощи, ее организационные, правовые и финансово-экономические основы, однако, на концептуальном уровне, проблемы юридической квалификации понятия «квалифицированная юридическая помощь» решены не были. Такая ситуация создает предпосылки для различных интерпретаций названного понятия и приводит к неопределенности в вопросе об обеспечении государством права граждан, закрепленного в ст. 48 Конституции РФ.

Что же касается особенностей юридической природы данного права, то важно отметить, что само по себе конституционное право на квалифицированную юридическую помощь находится в сложной системе взаимосвязей и взаимозависимостей с личными, политическими, социально-экономическими конституционными правами и свобода человека и гражданина и обладает по отношению к ним ярко выраженными правогарантирующими свойствами.

---

¹ См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 28.11.2011. № 48, ст. 6725.

В этом качестве оно является разновидностью конституционно-процессуальных прав-гарантий как элемента конституционного статуса личности¹. Выделение данного структурного элемента в конституционном статусе не является традиционным в отечественной юридической науке; в его основе лежит сочетание в праве на квалифицированную юридическую помощь характеристик субъективного конституционного права и юридической гарантии, поскольку одно субъективное право (в том числе и рассматриваемое) может выступать необходимой предпосылкой эффективного достижения правомерной цели, вытекающей из содержания иного субъективного права и отдельных его правомочий. Поэтому особенностью юридической природы конституционного права на квалифицированную юридическую помощь как права-гарантии является и то, что оно воплощает в себе не только материальные, но и процессуальные начала. В нем субъективное правопритязание как бы получает дополнительную нормативность, обретая процессуальную форму (порядка, условий и т. п.) своей реализации. Таким образом, рассматриваемое право определяет не только субъектный состав, условия, основания и содержание квалифицированной юридической помощи, но и то, каким образом она должна быть оказана; кроме того, оно оказывает определенное воздействие на процессуальную форму защиты прав, свобод и законных интересов личности. Единство материальных и процессуальных начал подтверждается также объективным переплетением в рамках общественных отношений по поводу судебной защиты прав субъективно-личностного (индивидуального или коллективного) интереса с функционированием судопроизводственных институтов.

При этом конституционный институт оказания квалифицированной юридической помощи имеет универсальное судопроизводственное значение и охватывает собой все формы и все стадии реализации права на судебную защиту, начиная со стадии подачи заявления в суд и заканчивая моментом восстановления прав при завершении исполнения вынесенного судебного решения. Это подтверждается анализом практики Европейского Суда по правам человека: гарантии ст. 6 Европейской конвенции о защите прав чело-

---

¹ См. об этом: Бондарь О. Н. Квалифицированная юридическая помощь — конституционная гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ. Автореф. диссерт. ... канд. юридич. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 17–18.

века и основных свобод, в том числе в части обеспечения помощи защитника, распространяются и на досудебные процедуры, а также на обращение в вышестоящие судебные инстанции, если они созданы в государстве — участнике Конвенции. В этой связи следует критически оценить встречающееся в региональной законодательной практике (например, Свердловская область) увязывание возможности получения бесплатной квалифицированной юридической помощи с моментом возбуждения гражданского судопроизводства.

Особое значение имеет оказание юридической помощи при исполнении судебного решения, поскольку без безусловного исполнения судебного решения невозможна эффективная судебная защита прав и свобод человека и гражданина. Однако, ни Федеральный закон «Об исполнительном производстве», ни иные нормативные правовые акты напрямую не предусматривают предоставление гражданину квалифицированной юридической помощи на стадии исполнения судебного решения бесплатно, при отсутствии у него реальной возможности самостоятельно оплатить соответствующие услуги и, вместе с тем, своими собственными усилиями добиться желаемого результата. Отсутствие соответствующих гарантий следует признать нарушением не только права на квалифицированную юридическую помощь, но и права на судебную защиту.

Квалифицированная юридическая помощь имеет конституционно-гарантирующее значение не только по отношению к судебной защите конкретных прав и свобод человека и гражданина, но и с точки зрения обеспечения эффективного осуществления правосудия. В этой связи институт квалифицированной юридической помощи является средством гарантирования конституционных основ судопроизводства, в частности, принципа состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ). При этом гарантирующее значение квалифицированной юридической помощи в состязательном процессе проявляется как на субъективно-личностном уровне, так и на уровне фундаментального предназначения самой по себе состязательной модели построения судебного процесса.

В субъективно-личностном плане право на квалифицированную юридическую помощь в состязательном процессе выступает гарантией реальности процессуальных прав сторон и предполагает доступность, а в установленных законодательством случаях — бес-

платность юридической помощи, а также закрепление оптимального баланса интересов сторон судопроизводства с учетом публичной природы адвокатской деятельности по оказанию юридических услуг. На уровне же публичного предназначения состязательного судопроизводства квалифицированная юридическая помощь выступает гарантией достижения судебной истины. Юридическая помощь, во-первых, позволяет адекватно «перевести» фактический материал, лежащий в основе спора, на юридический язык с учетом положений действующего законодательства; во-вторых, позволяет обосновать относимость и допустимость доказательств и сформировать на их основе аргументированную юридическую позицию по делу, то есть адекватную материальным интересам стороны правовую интерпретацию фактических обстоятельств; в-третьих, обеспечивает возможность отстаивания правовой позиции стороны в судебном процессе и ее учета при судебном разрешении дела¹.

Что же касается самой сути понятия «квалифицированная юридическая помощь», то для ее уяснения необходимо, прежде всего, обратить внимание на его сложносоставность, двуаспектность, связанные с содержащимися в нем родовой категорией «юридическая помощь» и указанием на уровень интенсивности и качества проявления охватываемого данной категорией явления. Под юридической помощью личности в научной литературе понимается осуществляемое средствами юридического характера адресное невластное профессиональное и организованное содействие реализации прав и свобод личности в целях преодоления проблемной правовой ситуации и максимально благоприятного удовлетворения ее индивидуальных интересов². Что же касается ее квалифицированности, то это предполагает оказание юридической помощи не любым лицом, а квалифицированным специалистом, обладающим специальными познаниями в области права, то есть юристом. Подтверждением наличия у лица специальных познаний в области права, его способности оказывать квалифицированную юридическую помощь могут служить диплом о высшем юридическом образовании и иные документы о юридическом образовании, а также документы, подтверждающие наличие у данного лица опыта

---

¹ См.: Бондарь О. Н. Указ.соч. С. 26–27.

² См.: Панченко В. Ю. Юридическая помощь личности: общетеоретический аспект. Автореф. дисс. ... к. ю.н. Красноярск, 2004.

работы по юридической специальности либо прохождение им соответствующей стажировки¹. Так, Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»² предусмотрено, что для приобретения статуса адвоката, дающего в том числе право участвовать в судопроизводстве в качестве представителя доверителя, необходимы определенный уровень юридического образования, стаж работы по юридической специальности или стажировка в адвокатском образовании, положительное решение квалификационной комиссии, принимаемое после сдачи квалификационного экзамена, отсутствие непогашенной или неснятой судимости за совершение умышленного преступления и др. (статья 9). Кроме того, в целях реализации конституционных прав граждан и их объединений, в частности права на судебную защиту и права на получение квалифицированной юридической помощи, названным Федеральным законом предусмотрены специальные требования к организации адвокатской деятельности и адвокатуры, а также комплекс правовых гарантий, обеспечивающих независимость адвоката при осуществлении им своих обязанностей, полноту и качество предоставляемых юридических услуг, страхование риска его ответственности за нарушение условий заключенного с доверителем соглашения (статьи 3, 6–8, 13, 16–19). Вместе с тем степень квалификации лица для оказания тех или иных правовых услуг, очевидно, не может быть универсально заданной, а должна устанавливаться в соответствии с характером и специфическими особенностями той первичной юридической деятельности, вспомоществование в осуществлении которой оказывается. Представляется, что именно такой подход заложен и в положении ч. 1 ст. 48 Конституции РФ.

Степень квалификации лица для оказания юридической помощи Конституция РФ устанавливает лишь применительно к сфере уголовно-процессуальных отношения и только в отношении строго определенного круга субъектов, закрепляя в ч. 2 ст. 48 правило, согласно которому каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно

---

¹ См.: Невская О. В. Что такое квалифицированная юридическая помощь? // Адвокат. 2004. № 11.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2101.

задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Для иных же субъектов и иных правоотношений Конституция РФ не ограничивает круг лиц, которые вправе оказывать соответствующим субъектам квалифицированную юридическую помощь¹. В связи с этим в одном из своих решений Конституционный Суд РФ указал, что поскольку ст. 48 (ч. 1) Конституции РФ не уточняет, кем именно должна быть обеспечена квалифицированная юридическая помощь нуждающемуся в ней гражданину, конституционную обязанность государства обеспечить каждому желающему достаточно высокий уровень любого из видов предоставляемой юридической помощи нельзя трактовать как обязанность пользоваться помощью только адвоката².

Отсутствие соответствующей конституционной конкретизации не исключает для государства, главным образом в лице федерального законодателя, обязанности обеспечить допуск к оказанию юридической помощи таких лиц, которые располагают необходимыми знаниями, практическими навыками и уровнем компетентности и профессионализма в конкретной сфере правовой жизнедеятельности для эффективной защиты прав, свобод и законных интересов обратившегося к ним лица. Так, в Постановлении от 28 января 1997 года № 2-П, Конституционный Суд указал, что по своему содержанию право на самостоятельный выбор адвоката (защитника) не означает право выбирать в качестве защитника любое лицо и не предполагает возможность участия любого лица в качестве защитника³. Гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство должно, во-первых, обеспечить условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов юридической помощи и, во-вторых, установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии. Участие в качестве защитника любого лица может привести к тому, что защитником окажется лицо, не обладающее необходимыми профессиональными навыками, что несовместимо с задачами право-

---

¹ Такая правовая позиция была неоднократно сформулирована Конституционным Судом РФ. См., например: Определение КС РФ от 5 декабря 2003 года № 446-О // Вестник КС РФ. 2004. № 3; Определение КС РФ от 5 февраля 2004 года № 25-О // Вестник КС РФ. 2004. № 6.

² См.: Определение КС РФ от 5 декабря 2003 года № 447-О.

³ См.: СЗ РФ. 1997. № 7. Ст. 871.

судия и обязанностью государства гарантировать каждому квалифицированную юридическую помощь. Критерии квалифицированной юридической помощи, исходя из необходимости обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон, закрепленного в статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, устанавливает законодатель путем определения соответствующих условий допуска тех или иных лиц в качестве защитников. Конституция РФ не содержит указания на критерии, соблюдение которых свидетельствует о должном уровне квалификации лиц, оказывающих гражданам юридическую помощь. Определение таких критериев для лиц, допускаемых к оказанию юридической помощи, относится к компетенции законодателя. Только законодатель вправе при условии обеспечения каждому права на получение квалифицированной юридической помощи и в интересах правосудия в целом предусмотреть возможность допуска в качестве защитников иных, помимо адвокатов, лиц, в том числе имеющих лицензию на оказание платных юридических услуг.

Вместе с тем, очевидно, что уровень квалификации лица, оказывающего юридическую помощь по уголовным делам, связанным с существенным уровнем вмешательства в основные конституционные права личности, не может выступать стандартом для всего круга процессуальных отношений, имеющих — в зависимости от вида судопроизводства и предмета спора — существенную специфику. К примеру, для конституционного судопроизводства, по своей природе предполагающего разрешение исключительно вопросов права, федеральный законодатель установил, что представителями сторон, кроме представителей сторон по должности, могут также адвокаты или лица, имеющие ученую степень по юридической специальности, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами, что, по мнению Конституционного Суда РФ, рассматривавшего жалобу об оспаривании соответствующего положения Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», имеет в своей основе объективные предпосылки и не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод граждан¹.

---

¹ См., например: Определение КС РФ от 19 ноября 2002 года № 302-О; Определение КС РФ от 23 января 2003 года № 8-О; Определение КС РФ от 2 октября 2003 года № 347-О; Определение КС РФ от 23 июня 2005 года № 286-О.

Специальные требования в отношении юридического сопровождения дел путем закрепления правила квалифицированного представительства введены в административное судопроизводство. В соответствии с ч. 9 ст. 208 КАС РФ при рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, в Верховном Суде Российской Федерации граждане, участвующие в деле и не имеющие высшего юридического образования, ведут дела через представителей, отвечающих требованиям, предусмотренным статьей 55 настоящего Кодекса. Оценивая это требование, Конституционный Суд¹ констатировал, что, определяя условия использования соответствующего способа защиты прав, законодатель мог учитывать его специфику, состоящую как в предмете рассмотрения по таким делам (преимущественно вопросы права, а не факта), так и в том, что по своей природе обжалование гражданином нормативного правового акта не ограничивается только определением его прав и обязанностей, но и затрагивает правовые интересы всех лиц, которые попадают в сферу регулирования этого акта. Последнее выражается как в прекращении применения с указанной судом даты нормативного правового акта, признанного не действующим полностью или в части, так и в невозможности принятия судом к рассмотрению административных исковых заявлений об оспаривании нормативных правовых актов, если имеется вступившее в законную силу решение суда, принятое по административному иску о том же предмете. Соответственно, введение федеральным законодателем требования к гражданам, участвующим в делах об оспаривании нормативных правовых актов в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, в Верховном Суде Российской Федерации, в случае отсутствия у них высшего юридического образования вести дело через представителя, имеющего высшее юридическое образование, — учитывая гарантированное им право на доступ к суду при рассмотрении конкретных дел без соблюдения этого условия — не выходит за пределы дискреции федерального закон

---

¹ См.: Определение КС РФ от 27 сентября 2016 года № 1782-О.

Что же касается обеспечения квалифицированной юридической помощи в гражданском судопроизводстве, то оно первоначально различалось в рамках принятых в 2002 году Арбитражного и Гражданского процессуального кодексов РФ. Это выразилось в установлении специального субъектного состава представителей организаций в арбитражном процессе, при том, что в гражданском процессе представителями могут быть дееспособные лица, имеющие надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела, за исключением судьи, следователя, прокурора (если только они не выступают в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей) (ст.ст. 49 и 51 ГПК РФ). А именно, ч. 5 ст. 59 АПК РФ предусматривала, что представителями организаций могут выступать в арбитражном суде по должности руководители организаций, действующие в пределах полномочий, предусмотренных федеральным законом, иным нормативным правовым актом, учредительными документами, или лица, состоящие в штате указанных организаций, либо адвокаты. Иными словами, организация не располагала возможностьюверить защиту своих интересов избранному по своему усмотрению лицу. Такое регулирование было признано Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ в Постановлении от 16 июля 2004 года № 15-П¹. При этом Конституционный Суд указал, что исходя из конституционной природы правосудия, осуществление которого возложено на суды как органы государственной (судебной) власти (ст. 10; ст. 11, ч. 1; ст. 118, ч. 1 и 2, Конституции РФ), и обязанности государства гарантировать каждому судебную защиту, в том числе путем определения порядка получения квалифицированной юридической помощи, а также особых требований, предъявляемых к членам адвокатских образований, законодатель вправе предусмотреть преимущества для адвокатов при допуске их в качестве представителей в суде, если необходимость таких преимуществ обусловлена публичными интересами, что, например, имеет место в уголовном судопроизводстве в отношении представителей обвиняемого. Однако при этом он должен обеспечивать баланс публичных интересов и прав и законных интересов лица при выборе представителя для судебной защиты, не допуская несоразмерного ограничения как права

---

¹ См.: Постановление КС РФ от 16 июля 2004 года № 15-П // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3282.

на судебную защиту, так и права на получение квалифицированной юридической помощи. Регулируя отношения представительства в арбитражном процессе, федеральный законодатель предусмотрел для участвующих в процессе граждан, включая индивидуальных предпринимателей, возможность выбирать представителя по своему усмотрению, установив таким образом различную правовую регламентацию представительства в зависимости от организационно-правовой формы. Между тем сама по себе организационно-правовая форма участника судопроизводства (физическое либо юридическое лицо, гражданин либо организация) не предопределяет различия в условиях и характере оказываемой ему юридической помощи при представительстве в арбитражном процессе и не свидетельствует о существовании таких различий. Следовательно, вводящее названный критерий законоположение, при том что индивидуальные предприниматели и иные граждане в арбитражном процессе (а в гражданском процессе — и организации) не ограничены в выборе представителя, не отвечает принципам соразмерности и справедливости, которые должны соблюдаться при ограничении в конституционно значимых целях свободы договоров, свободного использования своих способностей для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности. Тем самым нарушается и конституционный принцип юридического равенства, поскольку адвокаты и их объединения произвольно ставятся в привилегированное положение по отношению к частнопрактикующим юристам и организациям, предметом деятельности которых является оказание юридической помощи, включая представительство в суде.

Исполняя названное Постановление Конституционного Суда РФ, федеральный законодатель исключил из Арбитражного процессуального кодекса РФ признанные неконституционными нормативные положения, и тем самым унифицировал институт представительства в гражданском и арбитражном процессе¹.

Юридическая помощь, оказываемая гражданам и организациям адвокатами, по общему правилу осуществляется на платной основе путем заключения соглашений об оказании юридических

---

¹ См.: Федеральный закон от 31 марта 2005 года № 25-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона «О внесении изменения в статью 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 14. Ст. 1210.

услуг¹, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»². В соответствии с ч. 2 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» названное соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Вопросы расторжения соглашения об оказании юридической помощи регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации с изъятиями, предусмотренными указанным Федеральным законом. В соответствии с ч. 4 ст. 25 существенными условиями соглашения являются, в том числе, условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Исходя из природы договора о возмездном оказании услуг и принимая во внимание содержание соответствующих положения Гражданского кодекса РФ, оплата услуг адвоката может осуществляться путем применением различных методик расчета, в частности, путем использования почасовой тарификации, однако, поскольку оказание услуги — в отличие от выполнения работы — не предполагает достижение какого бы то ни было результата (оно и понятно, ведь, достижение результата здесь во многом зависит от обстоятельств, находящихся вне сферы контроля исполнителя, а, зачастую, и заказчика, если у того, к примеру, отсутствует расположенность к изучению иностранных языков), она не может быть поставлена в зависимость от благоприятного или неблагоприятного исхода судебного разбирательства для доверителя. Ведь, совершенно очевидно, что судебное решение, должно быть законным и обоснованным, соответствующим доказательственной базе, в известной мере находится в сфере усмотрения судьи, который может согласиться со сформулированными или предложить свою собственную интерпретацию обстоятельств дела, удовлетворяющую критериям справедливости судебного решения.

---

¹ См. подробнее: Крагенко М. В. Предмет договора об оказании юридической помощи // Юрист. 2005. № 1.

² См.: СЗ РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6725.

Однако в практике возникла и иная точка зрения по поводу оплаты услуг адвокатов, в основе которой располагается точка зрения, согласно которой поскольку договоры об оказании юридических услуг являются гражданско-правовыми и заключаются по свободному усмотрению сторон, которые вправе самостоятельно определить и цену в таком договоре, стороны вправе обусловить выплату адвокатского вознаграждения достижением положительного для заявителя результата по делу, тем более, что адвокат в процессе обязан принимать усилия к максимально возможной защите интересов заявителя и принятия удовлетворяющего его решения. С таким подходом нельзя согласиться и не только по вышеприведенным основаниям. Действительно, как справедливо отмечал Президиум ныне упраздненного Высшего Арбитражного Суда РФ в информационном письме от 28 сентября 1998 года № 48, поскольку стороны в силу статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации вправе определять условия договора по своему усмотрению, обязанности исполнителя могут включать в себя не только совершение определенных действий (деятельности), но и представление заказчику результата действий исполнителя (письменные консультации и разъяснения по юридическим вопросам; проекты договоров, заявлений, жалоб и других документов правового характера и т. д.)¹. Что же касается судебного решения, то оно является публично-правовой обязанностью суда, не зависит от воли сторон договора а, следовательно, не может быть предметом какой-либо гражданско-правовой обязанности, в том числе и по договору оказания юридических услуг. Вместе с тем, присущие гражданскому праву принципы диспозитивности и свободы договора не являются абсолютным и должны применяться к тем или иным общественным отношениям, в которых присутствуют элементы имущественного обмена, в соответствии с реальной природой таких отношений и во всяком случае могут быть ограничены в целях достижения конституционно значимых ценностей.

Как неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд РФ, деятельность адвокатов, на которых возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека

---

¹ См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29 сентября 1999 года № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг» // Вестник ВАС РФ. 1999. № 11.

и гражданина (в том числе по назначению судов), гарантируя тем самым право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, что вытекает из статей 45 (часть 1) и 48 Конституции РФ, имеет публично-правовой характер. Публично — правовые задачи обязывают адвокатов в установленных законом случаях обеспечивать льготное или бесплатное юридическое обслуживание социально незащищенных граждан. Выполнение этих публично значимых для общества и государства задач обуславливает необходимость предоставления соответствующих гарантий со стороны государства. Кроме того, деятельность адвокатов не является предпринимательством или какой-либо иной не запрещенной законом экономической деятельностью и не преследует цели извлечения прибыли¹. Исходя из этого применение к отношениям между адвокатом и его доверителем общих принципов свободы договора, предусмотренных Гражданским кодексом РФ как выражение горизонтальных связей между действующими своей волей и в своем интересе субъектами, вступало бы в очевидное противоречие с природой оказания адвокатских услуг. Вместе с тем, введение принципа оплаты оказания юридических услуг адвоката по результату неизбежно подталкивало бы адвоката к правонарушающему поведению, связанному с оказанием воздействия — прежде всего, очевидного финансового характера — на суд в целях принятия «нужного» судебного решения для обеспечения получения прибыли. Поскольку же к аналогичному результату стремилось бы и представляющее интересы противоположной стороны лицо, судебный процесс превратился бы в соревнование финансовых ресурсов, увеличивая коррупцию и разрушая правосудие. Таким образом, применение указанного подхода недопустимо.

Анализируя содержание конституционного регулирования предоставления бесплатной юридической помощи, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что, касаясь вопросов предоставления бесплатных юридических услуг, Конституция РФ во втором предложении ч. 1 ст. 48 говорит об «оказании юридической помощи», в то время как предложение первое ч. 1 ст. 48 предусматривает право каждого на получение *квалифицированной* юридической

---

¹ См., например: Постановление КС РФ от 24 февраля 1998 года № 7-П // СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1242; Постановление КС РФ от 23 декабря 1999 года № 18-П // СЗ РФ. 2000. № 3. Ст. 353.

помощи. Такое расхождение конституционных формулировок, однако, не следует рассматривать как допускающее возможность оказания гражданам бесплатной, но при этом неквалифицированной юридической помощи, поскольку установление в законодательстве подобного различия, предполагающее снижения качества юридических услуг и, соответственно, уровня правовой защищенности исходя из его материального положения, нарушало как конституционный принцип равенство, так и принцип справедливости. Из этого следует, что в отраслевом регулировании должна быть к предоставлению юридических услуг как на платной, так и на бесплатной основе должны предъявляться одинаковые квалификационные требования.

Возвращаясь к анализу ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, следует также отметить, что избранную конституционным законодателем форму закрепления правила об оказании бесплатной юридической помощи, которая имеет по своему буквальному смыслу диспозитивный характер и не раскрывает перечень ситуаций, круг лиц, а равно и иные факторы, которыми должен руководствоваться федеральный законодатель при осуществлении правового регулирования соответствующих общественных отношений. Диспозитивный характер данного конституционного положения — подчеркнем особо, Конституция РФ не говорит о том, что федеральным законом устанавливаются случаи, в которых юридическая помощь оказывается бесплатно, что было бы прямым указанием федеральному законодателю принять соответствующее решение, она использует иную конструкцию, связанную с дозволением принять такое решение — может привести и к такой его интерпретации, при которой федеральный законодатель вообще устранился бы от определения оснований и условий предоставления бесплатной юридической помощи, в том числе и в гражданском судопроизводстве. Полагаем, однако, что такая интерпретация не может быть признана адекватным выражением воли конституционного законодателя, подлежащей выявлению, в том числе путем систематического и телеологического толкования. Конституция РФ — как это следует из положений ее ст.ст. 1, 2, 7, 18, 19 и 45 — исходит из необходимости обеспечения государством каждому человеку эффективных механизмов защиты его конституционных прав, не ставя возможность реализации права на защиту своих интересов, в том числе посредством использо-

вания судебных механизмов, в зависимости от материального положения лица. Иное означало бы грубейшее нарушение принципов равенства всех перед законом и судом и равноправия. Вместе с тем, отсутствие у лица необходимых финансовых ресурсов для обращения к услугам специалистов в области права с целью получения юридической помощи для защиты своих прав, означало бы ни что иное, как блокирование конституционного права на судебную защиту и иллюзию состязательного гражданского судопроизводства, в котором выигрыш дела был бы заранее predetermined экономическими возможностями одной из сторон. В этой связи представляется, что положение ч. 1 ст. 48 Конституции РФ не может толковаться как не предполагающее обязанности федерального законодателя предусмотреть оказание бесплатной юридической помощи лицам, которые в силу объективных обстоятельств не имеют возможности самостоятельно оплатить юридические услуги.

Долгое время вопросы предоставления бесплатной юридической помощи по гражданским делам регулировались в большей степени положениями ст. 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Однако, после принятия Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», данная статья стала носить в большей степени отсылочный характер. Кроме того, данная статья обогатилась положением, в соответствии с которым оплата труда адвокатов, оказывающих юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и компенсация их расходов являются расходным обязательством субъекта Российской Федерации.

Анализ основных положений закона показывает, что, государство на уровне федерально отраслевого законодательства в целях реализации соответствующих статей Конституции РФ действительно гарантирует права граждан на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи. Кроме того, нормы соответствующего закона систематизировали и значительно расширили перечень групп граждан, нуждающихся в оказании бесплатной юридической помощи, по сравнению с ранее действовавшим законодательством¹.

---

¹ См.: Яртых И. С. Бесплатная юридическая помощь: история, мифы и реальность // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 81–86.

Соответствующий закон в качестве различных видов юридической помощи предусматривает: правовое консультирование в устной и письменной форме; составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера; представление интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены данным федеральным законом, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Возможно также оказание юридической помощи в иных, не запрещенных законодательством Российской Федерации видах. Адвокаты, нотариусы и другие субъекты, оказывающие бесплатную юридическую помощь, могут наделяться правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи в порядке, установленном федеральным законодательством и законами субъектов Федерации. Негосударственная система бесплатной юридической помощи формируется на добровольных началах, а ее участниками являются юридические клиники и негосударственные центры бесплатной юридической помощи. В целях оказания гражданам бесплатной юридической помощи некоммерческие организации, адвокаты, адвокатские образования, адвокатские палаты субъектов Федерации, нотариусы, нотариальные палаты могут создавать негосударственные центры бесплатной юридической помощи. Как отмечают исследователи данного закона, адвокаты как и раньше традиционно занимают особое положение в системе оказания бесплатной юридической помощи, так как одновременно могут выступать как участники не только государственной, но и негосударственной системы оказания бесплатной правовой помощи¹.

Следует учитывать, что положения исследуемого закона не распространяются на отношения, регулируемые Уголовно-процессуальным кодексом РФ, так как в соответствии с п. 2 ст. 3 данного закона отношения, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, регулируются уголовно-процессуальным законодательством.

Примечательно, что оказание бесплатной юридической помощи как обязанность государства рассматривается и Европейским Судом по правам человека. В своем Постановлении от 9 октября 1979 года

---

¹ См.: Курова Н. Н., Вяткина Л. А. Оказание бесплатной юридической помощи в России: развитие института // Адвокат. 2014. № 8. С. 39–46.

по делу «Эйри против Ирландии»¹ Европейский Суд пришел к выводу о наличии нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции непредставлением заявительнице, не имевшей возможности в силу затруднительного материального положения оплатить юридические услуги в связи с проведением бракоразводного процесса, бесплатной юридической помощи. При этом Суд указал следующее. Во-первых, Конвенция направлена на то, чтобы гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а права, осуществимые на практике и эффективные. В особенности это относится к праву доступа к правосудию в свете того значения, которое имеет в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство. Во-вторых, фактическое препятствие к доступу к правосудию может точно также нарушать Конвенцию, как и юридическое. В-третьих, выполнение обязательств по Конвенции требует временами совершения со стороны государства определенных позитивных действий; в подобных обстоятельствах государство не может просто оставаться пассивным и «нет места различию между действием и упущением»; обязанность обеспечить эффективность права доступа к правосудию подпадает под категорию таких обязательств. В-четвертых, несмотря на то, что ст. 6 Конвенции не содержит правила об оказании бесплатной юридической помощи адвоката по гражданским делам, в некоторых случаях она может понуждать государство предоставлять помощь адвоката, когда она необходима для обеспечения реального доступа к правосудию либо по причине того, что по определенным категориям дел юридическое представительство является обязательным по внутреннему законодательству некоторых государств — участников, или в силу сложности процесса. Вместе с тем, Суд особо подчеркнул, что сделанные им выводы не подразумевают, что государство должно предоставить бесплатную правовую помощь при разрешении всех споров, относящихся к «гражданским правам», поскольку в зависимости от конкретных обстоятельств возможность предстать перед судом лично, но без помощи адвоката, будет отвечать требованиям ст. 6 (п. 1).

Проведенный анализ дает основания предположить, что действующее правовое регулирование отношений по оказанию квалифицированной юридической помощи в целях обеспечения осуществ-

---

¹ См.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма. 2000. С. 271–287.

вления гражданского судопроизводства на началах состязательности и равноправия сторон и создания эффективного механизма защиты нарушенных и оспоренных прав граждан все еще нуждается в определенной корректировке, направленной, главным образом, на повышение уровня реальной защищенности малоимущих граждан. При этом система бесплатной юридической помощи должна строиться на гармоничном сочетании принципов непосредственно государственного и частного участия, в рамках которого создавались бы условия для объективного и непредвзятого отстаивания лицами, оказывающими бесплатные юридические услуги, позиции своего доверителя как в спорах с частноправовыми субъектами, так и в спорах с государством в лице его органов и должностных лиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования можно сделать, хотя бы в лаконичном виде, следующие выводы и обобщения.

Во-первых, в основе фундаментальных характеристик состязательности и равноправия сторон как конституционного принципа судопроизводства (ч. 3 ст. 123) лежит современная конституционная концепция равноправия как одного из наиболее универсальных и всеобщих принципов статусных и функциональных характеристик субъектов права в современном демократическом правовом государстве, что предполагает, прежде всего конституционное требование равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19). Конституция РФ широко регламентирует юридические основы равенства всех перед законом и судом, формируя тем самым режим равноправия, включающий:

а) нормативные (предоставительно-обязывающие) характеристики конституционного принципа равенства всех перед законом и судом;

б) правовые, организационные, иные гарантии его реализации в судопроизводстве;

в) юридические средства защиты принципа равенства всех перед законом и судом от произвольных нарушений со стороны третьих лиц, включая органы государственной власти; г) различные формы юридической ответственности за нарушение конституционного требования равенства всех перед законом и судом.

Во-вторых, уже на конституционном, наиболее высоком уровне правового обобщения требований равноправия, институт состязательности и равноправия сторон характеризуется *единством материальных и процессуальных начал*. Последние наиболее концентрированно проявляются в равенстве перед судом — как с точки зрения требований к правовому регулированию судоустройства, так и судопроизводства. При этом в содержании соответствующих правоотношений можно выделить различные аспекты, характеризующие, в частности взаимоотношения: между сторонами в процессе, между стороной и судом, между судами внутри судебной системы в связи с решением конкретного дела. С учетом особенностей данных процессуальных отношений, проявляющихся в том числе в различном соотношении публичных и частных, начал, принцип конституционного равноправия также реализуется различным образом:

- а) как требование равного процессуального положения сторон;
- б) как требование применения судом равного масштаба к процессуальным действиям и их оценке каждой из сторон;
- в) как требование равной защиты от неправосудного решения суда.

В-третьих, состязательность и равноправие сторон — единый, с точки зрения своего нормативно-правового содержания, конституционный принцип, находящийся в субординационном положении по отношению к универсальному принципу равенства всех перед законом и судом. При наличии тесных системных взаимосвязей соответствующих конституционных принципов, они имеют относительно самостоятельное регулятивное значение, собственные уровни своей реализации, получая закрепление в разноструктурных частях Конституции РФ — в главе 2 (ст. 19, ч. 2) и в гл. 7 (ст. 123, ч. 3).

В-четвертых, системный анализ норм Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что гражданское судопроизводство (ч. 2 ст. 118) как сфера реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон имеет глубокие, конституционные основы своего единства. В то же время, получая свою регламентацию с помощью процессуального законодательства (п. «о»

ст. 71), гражданское судопроизводство реализуется в организационном и функционально-компетенционном плане посредством гражданского и арбитражного процесса в рамках относительно самостоятельных, организационно индивидуализированных судебных органов — общей и арбитражной юрисдикции. Это позволяет исследовать как общее, так и особенное в реализации основных начал гражданского судопроизводства в рамках гражданского и арбитражного процесса, включая законодательную регламентацию и механизм реализации принципа состязательности и равноправия сторон.

В-пятых, характеристика состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве как единого конституционного принципа определяется, с точки зрения юридической природы, единством его материальных и процессуальных начал: равноправие сторон гражданского судопроизводства воплощает, в своей основе, материальные предпосылки обеспечения равных возможностей для участия сторон в гражданском судопроизводстве; состязательность — прежде всего форма реализации данных возможностей, своего рода, процессуальный механизм достижения целей и разрешения задач гражданского судопроизводства.

На этом основано нормативное взаимопроникновение состязательности и равноправия сторон: с одной стороны, гражданское судопроизводство должно проходить в состязательной форме при равенстве участников; с другой, состязательность по своей природе подразумевает равенство сторон. Поэтому на уровне процессуальной деятельности существенные характеристики принципа состязательности и равноправия сторон выражаются в том, что состязательность как важнейшая качественная характеристика современного демократического судебного процесса одновременно характеризует и взаимное положение субъектов (сторон), и их процессуальное равенство.

В-шестых, для понимания юридической природы состязательности и равноправия сторон как принципа гражданского судопроизводства важное значение имеет выявление особенностей соотношения конституционных и процессуально-отраслевых начал при закреплении данного принципа. Присутствие конституционных начал во всей системе процессуально-отраслевого регулирования состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве не исключает широкую дискрецию законодателя в выборе вариантов законодательного закрепления требований состязатель-

ности и равноправия сторон с точки зрения степени детализации, в том числе — посредством «расчленения» состязательности, с одной стороны, и равноправия сторон, с другой, на самостоятельные процессуально-отраслевые принципы, как это имеет место в действующем АПК РФ.

В-седьмых, принцип состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве пронизывает содержательные начала диспозитивного метода гражданского и арбитражного процессуального права. В этом плане требования исследуемого принципа могут рассматриваться как, своего рода, качественные характеристики метода правового регулирования гражданских судопроизводственных (процессуальных) отношений, чем обеспечивается в том числе гармонизация публично-правовых и частно-правовых начал в гражданском судопроизводстве. В этом же контексте следует оценивать степень самостоятельности суда в режиме состязательного процесса. В целях успешного решения задач гражданского судопроизводства и достижения судебной истины есть основания для постановки вопроса о возможности совершенствования процессуального законодательства с точки зрения повышения активности суда в структуре доказательственной деятельности, призванной оказать содействие сторонам в доказывании на основе соблюдения принципа равноправия сторон. Вместе с тем данный подход исключает, по мнению автора, возможность квалификации процессуальной активности суда в установленных законом пределах в качестве самостоятельного принципа гражданского судопроизводства. Активность суда в состязательном процессе по своей юридической природе представляет собой реализацию его (суда) обязанностей, которым, как правило, корреспондируют процессуальные права сторон.

В-восьмых, история становления и развития конституционного принципа состязательности и равноправия сторон свидетельствует, что следует различать ограничительное и расширительное толкование конституционных требований о равенстве всех перед судом, состязательности, равноправии сторон в судопроизводстве. Расширительное толкование предполагает, что из Конституции РФ 1993 г. вытекает особый, наиболее демократичный тип отправления правосудия — состязательный, которому противостоит следственное либо смешанное (сочетающее оба начала) судопроизводство. Ограничительное понимание состязательности и равноправия сторон

сводится к его оценке как одного из принципов — в своей основе отраслевых — осуществления гражданского (арбитражного) процесса, который реализуется, в той или иной степени, в каждом типе гражданского судопроизводства. Поэтому историческое развитие конституционного принципа состязательности и равноправия сторон сводится, в конечном счете, к утверждению состязательного типа отправления гражданского судопроизводства.

В-девятых, важным условием последовательной реализации принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве является обеспечение сторон квалифицированной юридической помощью на основе требований равенства и справедливости, что должно предполагать, в том числе доступность, а в установленных законодательством случаях — бесплатность такой помощи; поиск оптимального баланса интересов сторон гражданского судопроизводства, а также учет публичной природы адвокатской деятельности при определении основных начал (условий) заключения договора возмездного оказания юридических услуг.

В-десятых, анализ законодательной регламентации процессуальных норм и институтов гарантирования реализации принципа состязательности и равноправия сторон на отдельных стадиях гражданского процесса, с одной стороны, и арбитражного процесса, с другой, позволяет сделать вывод, что не во всех случаях имеющие место особенности являются обоснованными.

Практика Конституционного Суда РФ по проверке конституционности отдельных норм арбитражно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства свидетельствует, что соответствующие различия порой входят в противоречие с требованиями равенства всех перед законом и судом. Разновидностью нарушения конституционного принципа состязательности и равноправия сторон является неопределенность отдельных проверяемых Конституционным Судом норм гражданского и арбитражного процессуального законодательства.

В-одиннадцатых, с учетом конституционной общности, единства основополагающих характеристик гражданского судопроизводства имеются резервы для определенной унификации материальных и процессуальных начал гарантирования конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессе.

Очевидно, что эти выводы (которыми, естественно, не исчерпывается соответствующая проблематика) имеют как научно-теоретическое, так и практико-прикладное значение. В этом плане предложения, выводы сориентированы и на законодателя, имея в виду необходимость совершенствования гражданского процессуального законодательства, и на правоприменителя, в первую очередь — суды общей и арбитражной юрисдикций.

Научное издание

Бондарь Алексей Николаевич

**СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И РАВНОПРАВИЕ СТОРОН
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
СООТНОШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ
И ОТРАСЛЕВЫХ НАЧАЛ**

Печатается в авторской редакции

Редактор — Д.В. Нефёдов. Корректор — П.В. Багров.
Верстка и дизайн обложки — ООО «Профпресс»

ООО «Профпресс», 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. 13-я линия, 34, оф. 407,
тел. (863) 241-37-43, факс (863) 220-38-27, e-mail: profpress@aaaanet.ru.

Сдано в набор 03.07.2017. Подписано в печать 23.07.2017.

Отпечатано в РИК ООО «Профпресс». Формат 64x80/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 12,7. Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-905468-88-9

9 785905 468889